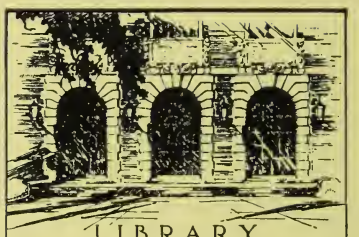
337.3
N85p



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

337.3
N85p

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

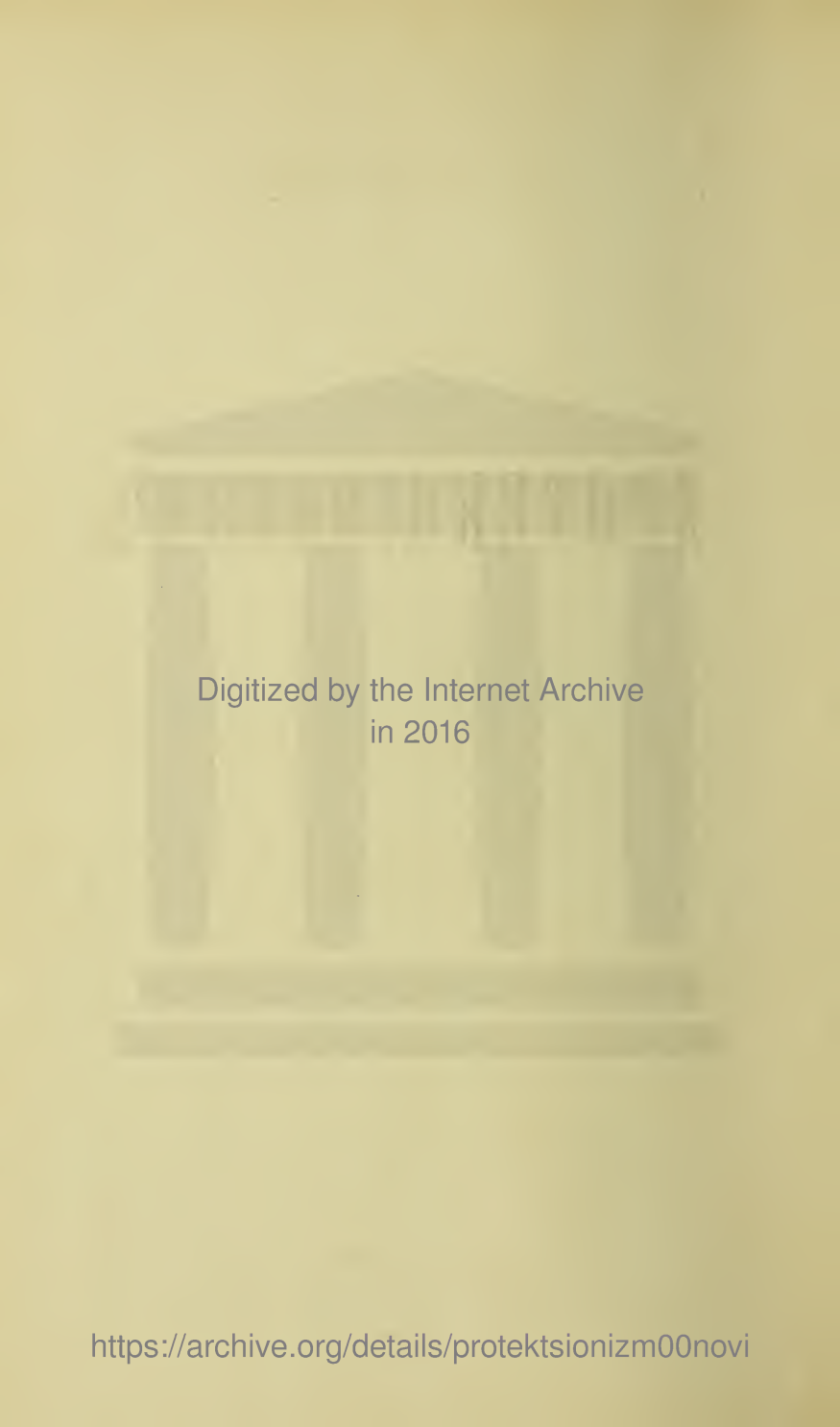
Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

SEP 4 1975

L161—O-1096

ПРОТЕКЦІОНИЗМЪ.


Digitized by the Internet Archive
in 2016

https://archive.org/details/protektsionizm00novi

Я. А. НОВИКОВЪ.

ПРОТЕКЦІОНИЗМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.
1890.

1721

337.3
N85p

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Генералъ-Маіору

Графу

Николаю Яковлевичу

РОСТОВЦОВУ.

d. gift, 17Feb.61, Litman

Считается не лишнимъ довести до свѣдѣнія читателя, что авторъ настоящей книги самъ промышленникъ.

ПРОТЕКЦІОНИЗМЪ.

КНИГА I.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Охранительная система съ точки зрѣнія справедливости.

Предположимъ, что одинъ человѣкъ похитилъ десять рублей у своего сосѣда; другой, исходатайствовавъ новую пошлину на сукно, заставилъ того же сосѣда платить десять лишнихъ рублей за свое платье. Спрашивается, есть ли какая-нибудь разница въ послѣдствіяхъ, не юридическихъ, конечно, а практическихъ, этихъ двухъ дѣйствій? Понятно, никакой; ибо, какъ въ первомъ случаѣ, такъ и во второмъ, одно лицо потеряло извѣстную сумму денегъ, которую оно могло употребить для своихъ нуждъ или удовольствій. Присваивать себѣ чужое, не давая ничего взамѣнъ, называется на всѣхъ языкахъ кражею, если дѣйствіе происходитъ тайно, и грабежемъ, если оно происходитъ явно. Продавецъ сукна не далъ ничего взамѣнъ тѣхъ лишнихъ десяти рублей, которые онъ заставилъ заплатить та-

можнѣ. Можно, стало быть, заключить, что онъ нанесъ покупателю ущербъ, тождественный съ воровствомъ.

Предположимъ далѣе, что какой-нибудь ловкій малый ухитряется постоянно похищать половину заработковъ другаго человѣка. Этотъ послѣдній, противъ своей воли, дѣлитъ съ нимъ свои доходы и становится его данникомъ. Между этими двумя лицами устанавливаются экономическія отношенія, подобныя отношеніямъ между рабомъ и господиномъ,— ибо, разъ человѣкъ не можетъ пользоваться вполнѣ плодами своихъ трудовъ, его нельзя назвать свободнымъ гражданиномъ.

Протекціонизмъ налагаетъ дань на всѣхъ потребителей. Онъ даетъ возможность однимъ лицамъ брать постоянный оброкъ съ другихъ. Слѣдовательно *протекціонизмъ не что иное, какъ нѣсколько смягченная форма рабства.* Производитель, охраняемый таможенною пошлиной, это—господинъ, въ пользу котораго всѣ покупатели его продукта должны платить постоянную контрибуцію.

Скажутъ, быть можетъ, что такое категорическое утвержденіе нѣсколько преувеличено. Пусть, однако читатель вдумается въ него, и онъ убѣдится, что оно совершенно основательно; впрочемъ я позволю себѣ пояснить его примѣромъ.

Возьмемъ какой-нибудь продуктъ, положимъ, зеркальныя стекла [1]. Фабрикантовъ зеркальныхъ сте-

[1] Зеркала считаются у насъ предметомъ роскоши. Но, такъ какъ почти ни въ одномъ домѣ нельзя безъ нихъ обойтись, то можно также основательно сказать, что они — предметъ первой необходимости.

колъ у насъ, въ Россіи, всего три: одинъ въ Лифляндской и два въ Рязанской губерніи [1]. Назовемъ ихъ А, В, С.

Всѣ эти господа производятъ на 500,000 руб. зеркальныхъ стеколъ въ годъ. Они не могутъ удовлетворить потребности края, и каждый годъ Россія выписываетъ изъ-за границы на 1.046,000 руб. зеркалъ. Предположимъ, что эти фабриканты зарабатываютъ 30 процентовъ продажной цѣны своихъ продуктовъ; они слѣдовательно получаютъ ежегодно 166,000 руб. чистаго барыша. Для того чтобы предоставить этотъ заработокъ тремъ лицамъ [2], насъ заставляютъ платить ежегодно 170,000 руб. пошлинъ на иностранныя зеркальныя стекла. Не равносильно ли это дани въ пользу гг. А, В, С.? Скажутъ, что эти господа не присваиваютъ себѣ тѣхъ 170,000 которые заплачены казнѣ въ видѣ пошлины. Совершенно вѣрно. Но для покупателя это безразлично: онъ все-таки, благодаря только существованію производствъ гг. А, В, С, платитъ за зеркальное стекло втрое дороже француза и англичанина. Деньги, уплаченныя таможнѣ, не поступаютъ въ карманъ нашихъ трехъ фабрикантовъ, но, увы, онѣ выходятъ изъ кармана потребителя, для кото-

[1] Гг. Амелунгъ, Беклемишевъ и братья Смолянинновы. См. записку г-на Крупскаго о стеклянныхъ издѣліяхъ въ Матеріалахъ для пересмотра таможеннаго тарифа, стр. 23.

[2] Замѣтимъ здѣсь кстати, что, во-1-хъ, эти лица могли бы быть не русскими, а иностранцами, которые, набивъ свои карманы у насъ, возвратились-бы потомъ преспокойно домой, и, во 2-хъ, что производство зеркальныхъ стеколъ, быть можетъ, въ свое время будетъ возможно въ Россіи даже безъ охранительныхъ пошлинъ.

раго одного это послѣднее обстоятельство чувствительно, и потому онъ, естественно, можетъ упрекнуть гг. А, В, С въ томъ, что они его обираютъ самымъ несправедливымъ образомъ [1].

Представьте себѣ, что въ какомъ-нибудь государствѣ было бы издано такое распоряженіе: „начиная съ 1-го января, разрѣшается г. Иксу взимать со всякаго ковра, проданнаго въ странѣ, 25 процентовъ его стоимости“. Прежде всего такое распоряженіе возбудило бы конечно большое удивленіе. Всѣ стали бы спрашивать, почему эта привилегія дана г. Иксу, чѣмъ онъ ее заслужилъ, и что̀ онъ, въ свою очередь, обязанъ сдѣлать въ пользу казны? Еслибы впослѣдствіи узнали, что г. Иксъ не принялъ на себя ровно никакого обязательства по отношенію къ государству и что онъ только выдѣлываетъ нѣсколько тысячъ ковровъ въ годъ, то удивленіе смѣнилось бы негодованіемъ. „Помилуйте, стали бы говорить, да развѣ мы крѣпостные г. Икса? Развѣ мы обязаны отдавать ему хотя бы самую ничтожную часть нашихъ доходовъ безъ малѣйшаго основанія?“ Конечно въ наше время ни въ какомъ европейскомъ государствѣ нельзя будетъ издать такого распоряженія. О, волшебное могущество словъ! Нельзя сказать: „для того, чтобы г. Иксъ зарабатывалъ извѣстную сумму въ годъ, каждый гражданинъ будетъ платить за ковры 25% больше иностранцевъ“, но можно сказать:

[1] Нельзя также утверждать, что эта высокая пошлина нужна для государства, ибо еслибы пошлина была не такъ значительна, казна получила бы больше дохода.

„для поощренія нашей промышленности налагается на ковры пошлина, равняющаяся 25 процентамъ ихъ стоимости". Въ сущности выходитъ то же самое, съ тою только разницею, что въ первомъ случаѣ привилегированный промышленникъ названъ по фамиліи, а во второмъ—нѣтъ.

Мнѣ могутъ возразить, что если у насъ въ настоящее время, напримѣръ, только три фабриканта зеркальныхъ стеколъ, то завтра ихъ можетъ быть 300. Но дѣло не въ числѣ монополистовъ. Пока потребитель насильственно стѣсняется въ возможности купить необходимые предметы по наивозможно дешевой цѣнѣ, онъ можетъ сказать, что его обираютъ; будь это въ пользу одного человѣка или милліона людей— для него совершенно безразлично и одинаково несправедливо.

Можно еще утверждать, что внутренняя конкуренція доведетъ до минимума цѣну на предметы и на услуги; но въ этомъ утвержденіи кроется формальное противорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ никакой возможности выйдти изъ слѣдующей дилеммы: или внутреннее производство удовлетворяетъ внутренніе рынки, или нѣтъ [1]. Въ первомъ случаѣ

[1] Россія потребляетъ, напримѣръ, въ настоящее время около 20.000,000 пудовъ сахара въ годъ, т. е. 8 фунтовъ на человѣка. Въ Англіи потребленіе сахара было въ 1819 году по 20 фунтовъ на человѣка въ годъ, въ 1857 г.—по 33 ф., въ 1888 г.—по 77 ф. Ничто не доказываетъ, что эта прогрессія должна остановиться на будущее время. Еслибы русскіе потребляли по 77 ф. на человѣка, то намъ надо было бы сахару по 209.800.000 пудовъ въ годъ. Простора, какъ видно, для нашихъ заводовъ еще не мало. Если мы ѣдимъ меньше сахара, чѣмъ англичане, то это только потому, что многіе у насъ не

нѣтъ никакой надобности въ покровительственной пошлинѣ, а во второмъ—она все-таки составитъ несправедливое обираніе.

Нѣтъ никакого основанія облагать ввозимый въ Россію хлѣбъ, такъ какъ мы сами вывозимъ его въ громадномъ количествѣ; но когда его облагаютъ въ Германіи, гдѣ внутреннее производство не удовлетворяетъ потребностямъ края, то заставляютъ всѣхъ потребителей хлѣба платить дань тѣмъ землевладѣльцамъ, которые его производятъ.

Еслибы какой нибудь промышленникъ сдѣлалъ такого рода предложеніе правительству: вы обложите высокою пошлиной такой-то продуктъ, а я, съ своей стороны, обязываюсь доставлять его въ безграничномъ количествѣ и по цѣнѣ не выше иностранныхъ фабрикантовъ,—можно было бы еще, пожалуй, согласиться съ такимъ предложеніемъ: одинъ подданный получилъ бы большую прибыль безъ ущерба для другихъ. Но на дѣлѣ выходитъ совершенно не такъ. Если промышленникъ можетъ производить какой-нибудь продуктъ даже дешевле своихъ иностранныхъ конкурентовъ, то онъ все-таки продаетъ его по той цѣнѣ, какую продуктъ имѣетъ заграницею, плюсъ таможенная пошлина. Никогда промышленникъ не отдаетъ разницы своимъ соотe-

имѣютъ возможности его купить въ томъ же количествѣ. Уменьшите цѣну на сахаръ—и потребленіе его увеличится. То же самое можно сказать и о всѣхъ другихъ продуктахъ. Продавайте зеркальныя стекла по такой же цѣнѣ, какъ и другія, и каждый мужикъ будетъ ихъ покупать для своей избы. Изъ всего этого можно заключить, что никогда никакое производство не въ состояніи будетъ удовлетворить потребностямъ какого бы то ни было рынка.

чественникамъ, а прямо кладетъ ее себѣ въ карманъ. Да и нельзя пенять на него: своя рубашка къ тѣлу ближе, говоритъ пословица. Промышленность—не благотворительное дѣло: каждый старается получить наибольшую пользу при наименьшей затратѣ труда; это—неотъемлемое право всякаго гражданина. Дѣло государства, охранителя общихъ интересовъ всѣхъ подданныхъ, не позволять устанавливаться монополіямъ, не имѣющимъ никакого оправданія. И странно! Всякій разъ, когда государство сознательно выдаетъ право на какую-нибудь монополію, необходимую въ силу самой природы вещей (напр., концессію на желѣзную дорогу), оно принимаетъ всѣ мѣры предосторожности противъ лица или общества, которому выдана привилегія. Такъ, заранѣе опредѣляется максимумъ цѣны, какую монополистъ можетъ требовать за свои услуги. На него налагаютъ разныя обязательства въ пользу общества; и, чѣмъ выгоднѣе кажется предпріятіе, тѣмъ больше увеличивается количество обязательствъ. Бываетъ часто даже и такъ, что казна беретъ въ свою пользу барыши, превышающіе опредѣленную норму. Всѣ эти предосторожности противъ монополіи достойны высокой похвалы. Къ сожалѣнію, онѣ исчезаютъ, какъ призракъ, разъ монополистъ не названъ по фамиліи. *На самомъ дѣлѣ промышленникъ, охраняемый покровительственной пошлиной, есть не что иное, какъ монополистъ, не несущій никакихъ обязательствъ.* Но удивительное противорѣчіе. Монополіи явныя, несущія обязательства, очень часто возбуждаютъ въ публикѣ большое негодованіе, тогда какъ монополіи

тайныя, совершенно лишнія, волнуютъ очень немногихъ.

Говорятъ также, что охранительная пошлина нужна только временно, пока не окрѣпнетъ извѣстная отрасль производства, и прекращается, какъ только эта отрасль достигаетъ полнаго развитія. Но обирать кого-либо въ теченіе десяти лѣтъ или десяти часовъ одинаково несправедливо. Притомъ охранительная пошлина всегда налагается безъ опредѣленія дня ея отмѣны. Потребитель не имѣетъ даже утѣшенія знать, когда онъ перестанетъ платить несправедливую дань. Во Франціи протекціонизмъ былъ введенъ въ 1667 году. Многія поколѣнія французовъ легли въ могилу, не увидавъ конца того порядка вещей, который имъ выставлялся, какъ временный.

И такъ: *протекціонизмъ есть соціальный строй, при которомъ нѣкоторыя лица получаютъ законное право вѣчно взимать дань со всѣхъ потребителей.*

Теперь я постараюсь показать, что для общества это право, пожалуй, пагубнѣе тайныхъ похищеній и кражъ со взломомъ.

Прежде всего, обыкновенное воровство всегда производится бѣдными въ ущербъ богатымъ. Кто пойдетъ обирать бѣдняковъ, у которыхъ ничего нѣтъ? Воръ всегда мѣтитъ на людей съ состояніемъ; рѣдко однако онъ можетъ похитить все ихъ имущество; обыкновенно онъ присваиваетъ себѣ самую незначительную часть его, и обворованные продолжаютъ жить такъ же хорошо, какъ и прежде. Кража со взломомъ рѣдко создавала милліонныя состо-

нія. Это лучше всего доказываетъ, что уворованныя вещи въ общемъ не составляютъ значительныхъ суммъ.

Совсѣмъ иное дѣло съ обираніемъ посредствомъ протекціонизма: его всегда производитъ богатый въ ущербъ бѣднымъ и въ этомъ состоитъ его главная несправедливость [1].

Для того чтобы способствовать установленію охранительной пошлины, промышленникъ долженъ обрабатывать извѣстный продуктъ, то-есть вложить какой-нибудь капиталъ въ промышленное заведеніе. Стало-быть, охраняемый промышленникъ—всегда человѣкъ съ состояніемъ. Если, благодаря пошлинѣ, его предпріятіе процвѣтаетъ, онъ становится все богаче и богаче. Тогда разница между его состояніемъ и бѣдностью лицъ, которыхъ онъ обираетъ, все болѣе и болѣе увеличивается, и дѣйствія его становятся все болѣе и болѣе несправедливыми.

Кромѣ того, суммы, отнимаемыя у потребителей охраняемыми промышленниками, несравненно больше похищаемыхъ воровствомъ. Дренажъ протекціонизма дѣлается маленькими и незначительными суммами, но такъ какъ онъ происходитъ постоянно, то онѣ составляютъ въ концѣ концовъ сотни милліоновъ [2]. Многія фабрики, которыя не могли бы существовать

[1] Такъ, въ 1887 г. на югѣ Россіи былъ страшный угольный кризисъ. Пудъ минеральнаго топлива стоилъ отъ 60—70 коп. Когда бѣдный народъ дрожалъ въ холодныхъ помѣщеніяхъ, конечно, углепромышленники жили въ весельѣ и довольствѣ.

[2] Въ тридцатыхъ годахъ Макъ-Кулохъ сдѣлалъ разсчетъ, что пошлина на хлѣбъ стоила англійскимъ потребителямъ около 20 милліоновъ ф. с. въ годъ (приблизительно 175.000,000 руб.). См. H. Richelot. *Histoire de la Réforme Commerciale en Angleterre.* Парижъ, 1853 г., томъ I, стр. 121. Во Франціи въ 1822 г. ввели пошлину въ 55 фр. со штуки крупнаго скота.

безъ охранительныхъ пошлинъ, принесли своимъ владѣльцамъ колоссальные доходы.

Прибавимъ еще, наконецъ, что мошенничество, воровство, кража со взломомъ, все это—случайныя обстоятельства. Если принимать достаточныя мѣры предосторожности, если окружать себя вѣрными людьми, то въ теченіе всей жизни можно не пострадать въ своихъ интересахъ. Противъ протекціонизма же нѣтъ никакого спасенія: обираніе его происходитъ постоянно.

Ясно, что въ матеріальномъ отношеніи протекціонизмъ злокачественнѣе воровства; но въ нравственномъ отношеніи его послѣдствія, быть можетъ, еще хуже. Если воръ настолько испорченъ, что не чувствуетъ угрызенія совѣсти, онъ знаетъ все-таки, что въ глазахъ общества его гнусное занятіе считается гадкимъ и позорнымъ; онъ знаетъ, что для всѣхъ порядочныхъ людей онъ — предметъ отвращенія, что всѣ его избѣгаютъ и ненавидятъ. Вотъ уже первое страданіе для вора, ибо каждому пріятно пользоваться сочувствіемъ и уваженіемъ. Далѣе, если воръ не живетъ подъ гнетомъ постоянныхъ угрызеній совѣсти, то онъ всегда живетъ подъ страхомъ: онъ боится разоблаченія своихъ поступ-

Это равнялось подати въ 37.500,000 фр., наложенной ежегодно на французскій народъ. См. P. Clément. *Histoire du système protecteur en France*. Парижъ, 1854 г., стр. 157. Англійскіе сахарозаводчики добивались, какъ извѣстно, въ послѣднее время совершить международный договоръ для повсемѣстнаго уничтоженія вывозныхъ премій на сахаръ. Парламентъ отклонилъ ихъ ходатайство, потому что было доказано, что принятіе его составило бы налогъ въ $2^1/_2$ процента на заработную плату рабочихъ, получающихъ не болѣе 20 шил. въ недѣлю.

ковъ и строгаго наказанія. Итакъ воръ, если даже не будетъ пойманъ, терпитъ не мало страданій, составляющихъ кару за его преступленіе.

Совсѣмъ не то съ охраненнымъ промышленникомъ. Бѣдный человѣкъ, покупающій ситца для рубашки или сукна для кафтана, не знаетъ, какая часть стоимости этихъ предметовъ составляетъ дань, платимую имъ фабриканту, ибо она скрыта въ продажной цѣнѣ. Еслибы онъ зналъ, что столько-то лишнихъ процентовъ приплачивается, благодаря протекціонизму, то конечно онъ почувствовалъ бы по отношенію къ промышленнику ту же самую ненависть, какую питаютъ къ деревенскому кулаку или ростовщику-еврею. Но этого нѣтъ. Фабриканты не наказуются общественнымъ негодованіемъ. Ихъ принимаютъ въ самыхъ уважаемыхъ обществахъ, они окружены друзьями и пользуются иногда всеобщимъ сочувствіемъ и уваженіемъ. Съ другой стороны, промышленникъ, исходатайствовавшій таможенную пошлину, не только не живетъ подъ страхомъ грознаго наказанія, но, напротивъ, получаетъ всякаго рода награды: медали, ордена, чины и другія почести. Наконецъ, воръ можетъ иногда чувствовать угрызеніе совѣсти, тогда какъ совѣсть охраняемаго промышленника почти всегда совершенно спокойна. Покупатели его теряются въ общемъ безличіи. Обирая иногда самыхъ бѣдныхъ согражданъ, человѣкъ этотъ можетъ не чувствовать никакого страданія отъ своего поступка, тогда какъ еслибы онъ похитилъ хотя одну копѣйку прямо изъ кармана бѣдняка, онъ самъ считалъ бы себя совершенно опозореннымъ.

Итакъ, хотя охраняемый промышленникъ причиняетъ гораздо болѣе вреда народу, чѣмъ многіе воры, его не караетъ ни общество, ни государство. Эта несправедливость порождаетъ самыя печальныя послѣдствія. Протекціонизмъ создаетъ самую безнравственную общественную атмосферу; онъ порождаетъ, если можно такъ выразиться, духъ постояннаго *антипатріотизма*. Всѣмъ кажется, что надо думать только о себѣ и что неблаговидно думать объ интересахъ общихъ. Тотъ, кто защищаетъ эти интересы, становится какъ бы подозрительною личностью. Я приведу здѣсь только одинъ примѣръ; но онъ покажетъ самымъ яркимъ образомъ, до какой степени безстыдства и наглости доходятъ люди, зараженные протекціонизмомъ.

Два года тому назадъ, одинъ англійскій пароходъ, подъ командою капитана Вигиса, пробрался чрезъ Ледовитое море и Енисей до Енисейска. Для того чтобы оцѣнить всю важность этого обстоятельства, надо припомнить, что этотъ городъ отстоитъ на болѣе, чѣмъ четыре тысячи верстъ, какъ отъ балтійскихъ, такъ и отъ тихо-океанскихъ портовъ. Еслибы возможно было установить судоходство между Енисейскомъ и Европой, то громадная часть Сибири могла бы ожить. Сибирь—страна, гдѣ цѣлые милліарды покоятся въ нѣдрахъ земли, страна, въ которой, при существованіи дешевыхъ путей сообщенія, могли бы жить десятки милліоновъ нашихъ соотечественниковъ. И вотъ, когда, благодаря предпріимчивости капитана Вигиса, дешевый этотъ путь, быть можетъ, открытъ, знаете ли, что̀

сдѣлали московскіе промышленники? Вы думаете, что они радовались и ликовали, что они послали капитану Вигису поздравительные адресы, что они обѣщали ему безграничное содѣйствіе? О нѣтъ, увы! Они беззастѣнчиво и не краснѣя стали ходатайствовать о томъ, чтобы было запрещено англичанамъ плавать по Енисею, ибо это могло повредить интересамъ *русской* (?!) торговли. Эти господа находятъ совершенно правильнымъ, чтобы громадная часть нашего отечества и, быть можетъ, самая богатая, оставалась страною заброшенною, невоздѣланною, бѣдною, дикою, только ради того, чтобы нѣкоторымъ купцамъ сохранить свои барыши, или даже лучше сказать, свои рутины [1]. И это смѣютъ называть интересами русской торговли! Кто даетъ право нѣкоторымъ купцамъ говорить отъ имени всего нашего отечества? Почему сибиряки менѣе русскіе, чѣмъ эти господа? [2]

[1] Если хорошо вдуматься въ этотъ фактъ, то дѣйствительно покажется, что здѣсь на первомъ планѣ въ самомъ дѣлѣ лѣнь и рутина, а не дѣйствительные интересы. Конечно никакому русскому купцу не возбранялось бы плавать по Енисею, подобно англичанамъ, и это плаваніе принесло бы имъ гораздо больше барышей, чѣмъ получаютъ они теперь, отъ сибирской торговли. Но эти господа имѣютъ извѣстныя привычки, которыхъ они не желаютъ измѣнять. Для того чтобы не дать себѣ труда пуститься въ новое предпріятіе, немного поработать, выказать нѣкоторую смѣлость иниціативы, эти господа находятъ совершенно естественнымъ противодѣйствовать процвѣтанію Сибири. Какъ это просто и особенно какимъ высокимъ патріотизмомъ проникнуто такое поведеніе!

[2] Уничтоженіе кавказскаго транзита—тоже результатъ такого же беззастѣнчиваго эгоизма нѣкоторыхъ московскихъ промышленниковъ.

Наша родина была завоевана когда-то татарами. Изъ Золотой Орды въ извѣстные періоды приходили баскаки и собирали у насъ дань. Баскаки эти были неумолимы; во что бы то ни стало, надо было платить, иначе дикіе азіаты приходили и грабили все. Благодаря геройству нашихъ предковъ, мы давно избавились отъ баскаковъ. Но, увы! мы подпали подъ болѣе тяжелое иго нашихъ господъ промышленниковъ. Баскаки приходили въ Россію въ извѣстные періоды и брали заранѣе опредѣленную дань; наши же промышленники берутъ дань круглый годъ и въ безграничномъ количествѣ.

Когда предъявляютъ окладные листы государственнаго поземельнаго или другаго сбора, если плательщикъ не стѣсненъ въ деньгахъ, онъ выплачиваетъ эти налоги съ спокойной душой. Таможенныя пошлины, напротивъ, всегда возбуждаютъ у всѣхъ особенное ожесточеніе и озлобленіе. Почему это такъ? Очень просто. Налогъ есть та часть дохода, которую каждый долженъ платить за услуги, оказанныя государствомъ. Мы отдаемъ наши деньги не для пользы администраціи, а для своей собственной, какъ платимъ страховыя преміи не для обогащенія акціонеровъ страховыхъ компаній, а для вознагражденія убытковъ на случай пожара. Чѣмъ больше мы платимъ налоговъ, тѣмъ больше казна можетъ сдѣлать для народа. Совсѣмъ не то бываетъ при охранительной системѣ, ибо чѣмъ выше пошлина, тѣмъ менѣе она даетъ дохода [1]. Нѣкоторымъ ли-

[1] Замѣтимъ мимоходомъ, что очень часто охранительная система не только вводитъ высокія пошлины, но даже совер-

цамъ приходится отдавать безъ малѣйшей пользы очень большую часть своихъ заработковъ, а казна, благодаря этому самому обстоятельству, получаетъ меньше денегъ и можетъ оказать гражданамъ меньше услугъ. Уплатившій высокую пошлину испытываетъ такимъ образомъ двоякое зло— прямое и косвенное. Вотъ почему чувствуется такое озлобленіе при уплатѣ таможенныхъ пошлинъ.

Генри Джоржъ очень остроумно приводитъ разговоръ трехъ американцевъ, возвращающихся на родину. Они всѣ высказываются въ пользу самой безусловной охранительной системы. Но, нѣкоторое время спустя, они съ особеннымъ удовольствіемъ разсказываютъ другъ другу, какимъ образомъ имъ удалось надуть таможенныхъ чиновниковъ и провезти много предметовъ, не уплачивая пошлины. Это противорѣчіе между словомъ и дѣломъ совершенно понятно, ибо разъ затронуты наши личные интересы, мы практикуемъ не теоретическую, а естественную политическую экономію. Таможенная пошлина есть не что иное, какъ взаимное обираніе. Всѣ это чувствуютъ, хотя иногда и смутно; и вотъ почему люди, которые неспособны присвоить себѣ чужую копѣйку, съ особеннымъ удовольствіемъ надуваютъ таможню на цѣлые сотни рублей. Въ этомъ случаѣ каждый старается только сохранить то, что несправедливо хотятъ у него отнять.

шенное запрещеніе къ привозу. Тогда или иностранные товары не привозятся совсѣмъ, и казна не получаетъ ничего; или они привозятся тайно, и пользуются одни контрабандисты— тоже своего рода паразиты, не производящіе никакого богатства.

Разсмотримъ теперь несправедливость протекціонизма еще съ другой точки зрѣнія.

Можно было бы разсуждать слѣдующимъ образомъ. Въ настоящее время пудъ пшеницы продается за 95 коп. Цѣна эта установлена международнымъ рынкомъ. Такъ какъ хлѣбъ обходится въ Англіи и Франціи не дешевле, то англичане и французы соглашаются платить за нашу пшеницу то, что они платятъ за свою. Благодаря этому обстоятельству, пшеница доходитъ до такой высокой цѣны, что она становится мало доступною для большаго количества русскихъ. Всякій знаетъ однако что пшеничный хлѣбъ питательнѣе и пріятнѣе ржанаго. Спрашивается, зачѣмъ русскому народу отдавать свою пшеницу этимъ ненавистнымъ иностранцамъ? Желательно, напротивъ, чтобы онъ самъ имѣлъ лучшую пищу. Что-жъ, очень просто!—Стоитъ наложить вывозную пошлину на хлѣбъ въ 20 коп. съ пуда, и иностранцы тотчасъ же начнутъ воздерживаться отъ покупки нашего хлѣба. Хлѣбъ сдѣлается у насъ дешевле, и масса нашихъ соотечественниковъ, которые ѣдятъ теперь ржаной хлѣбъ, будутъ ѣсть хлѣбъ пшеничный. Никакое правительство въ наше время не разсуждаетъ такимъ образомъ [1].

Напротивъ, правительства дѣлаютъ все, что отъ нихъ зависитъ, для того чтобы поощрять продажу мѣстныхъ продуктовъ. Продажа эта не стѣсняется никакими законодательными или административными

[1] Какъ читатель увидитъ дальше, еще недавно правительства дѣйствительно разсуждали такъ. См. книгу 3-ю, главу VI.

мѣрами [1]. Государства даютъ гарантіи желѣзнымъ дорогамъ, строятъ дорогія гавани, совершенствуютъ приспособленія для нагрузки судовъ, издаютъ спеціальные тарифы, словомъ, дѣлаютъ все, что отъ нихъ зависитъ, для того, чтобы уменьшить всякіе накладные расходы на вывозимые товары. Въ своемъ постоянномъ попечительствѣ о нашихъ производителяхъ, теперешній министръ финансовъ сталъ даже издавать насчетъ казны самыя вѣрныя свѣдѣнія о положеніи иностранныхъ рынковъ, такъ что каждый знаетъ теперь у насъ, гдѣ можно сбыть свои продукты самымъ выгоднымъ образомъ. Словомъ, правительства принимаютъ всевозможныя мѣры для того, чтобы производители могли продавать товары по самой высокой цѣнѣ. Но отчего же они не принимаютъ никакихъ подобныхъ мѣръ для того, чтобы потребители могли покупать товары по самой низкой цѣнѣ? Мѣры для достиженія этихъ двухъ цѣлей должны бы однако всегда идти рука объ руку. Благодаря попечительству правительства, я могу продать свою пшеницу за 95 коп. вмѣсто 75. Но, съ другой стороны, если за платье, за посуду, за стекло, за мебель, словомъ, за всѣ вещи, необходимыя для моей домашней обстановки, я долженъ заплатить 50 процентовъ дороже, благодаря таможеннымъ пошлинамъ, то что я выигралъ? Правда, правительство дало

[1] Въ концѣ декабря 1888 г. сахаръ стоилъ въ Лондонѣ отъ 34 фр. 50 сант. до 36 фр. за сто килограм.; въ маѣ 1889 г. отъ 51 фр. 25 с. до 56 фр. 16 с. Пользуясь этимъ повышеніемъ наши сахарозаводчики стали посылать свой сахаръ въ Англію. Никто имъ въ этомъ не препятствовалъ.

мнѣ возможность заработать лишнихъ 20 процентовъ на моей пшеницѣ, но зато оно заставило меня заплатить 50 лишнихъ процентовъ за всѣ необходимыя мнѣ вещи.

Государства ведутъ поистинѣ странную политику. Продавецъ пользуется у нихъ всѣми симпатіями; онъ получаетъ отъ нихъ всѣ милости и щедроты; а на покупателя они взваливаютъ весь свой гнѣвъ; они преслѣдуютъ его самыми строгими гоненіями. Отчего же, ради Бога? Развѣ покупатель не такой же гражданинъ, какъ и продавецъ? Развѣ и тотъ, и другой не должны пользоваться одинаковыми правами? Если я желаю имѣть коверъ, который иностранецъ можетъ купить за 300 фр., то почему я долженъ заплатить за него 600? Отчего такая привилегія оказывается иностранцу? Казалось бы, напротивъ, правительство должно желать больше благъ своимъ, чѣмъ чужимъ. Еслибы оно употребило всѣ зависящія отъ него мѣры, для того чтобы иностранцу пришлось заплатить за коверъ 600 фр., а мнѣ—300, то это было бы логично, но не наоборотъ. Мнѣ говорятъ, что я долженъ отдать эту разницу для того, чтобы процвѣтала фабрика отечественнаго производителя ковровъ. Но почему я менѣе интересный гражданинъ для моего правительства, чѣмъ этотъ фабрикантъ? Отчего отнимаютъ у меня для пользы его мою гражданскую равноправность, т.-е., возможность пріобрѣтать наибольшее благосостояніе съ наименьшимъ трудомъ? Какую выгоду находитъ мое правительство покровительствовать больше ковровой фабрикаціи, чѣмъ мнѣ?

Вообще послѣдствіе протекціонизма сводится къ тому, что я долженъ, напримѣръ, заплатить 20.000 рублей за такіе предметы, которые иностранецъ можетъ имѣть за 12,000. *Еслибы конфисковали у меня эту разницу — 8000 руб., то результатъ былъ бы тотъ же самый.*

Но въ этомъ фактѣ, кромѣ несправедливости, проявляется и удивительное заблужденіе. Продавцы и покупатели не только одинаково полноправные граждане, заслуживающіе слѣдовательно одинаковаго покровительства, но они даже одни и тѣ же лица. Нѣтъ положительно никакой возможности быть производителемъ, не будучи въ то же время потребителемъ. Для того чтобы продавать сукно, надо покупать шерсть, краски, уголь, масло, машины, и проч., и проч. Кромѣ того, надо покупать пищу, платье, всю домашнюю обстановку, и проч. Никакая продажа сукна невозможна безъ этихъ покупокъ. Кто откроетъ производителя, который бы ничего не покупалъ, будетъ поистинѣ геніальнымъ экономистомъ. Странно! правительства покровительствуютъ одной части нашей дѣятельности и преслѣдуютъ другую. Они поощряютъ продажу, но затрудняютъ покупку, какъ будто одно возможно безъ другаго. Представьте себѣ доктора, который давалъ бы въ одно и то же время возбуждающее и успокаивающее лѣкарство. Эти два противоположныя средства, очевидно, внесутъ только разстройство въ организмъ и породятъ болѣзнь Такъ и протекціонизмъ: глубоко разстраивая дѣйствіе экономическихъ силъ, онъ останавливаетъ развитіе бо-

гатства и уменьшаетъ силу общественнаго организма.

Теперь я позволю себѣ задать еще одинъ вопросъ. Почему правительства не облагаютъ товары вывозными пошлинами? Почему они не только не запрещаютъ продавать товаръ скорѣе иностранцу, чѣмъ соотечественнику, но, наоборотъ, принимаютъ всѣ зависящія отъ нихъ мѣры для того, чтобы его можно было продать по самой высокой цѣнѣ, безразлично, кому угодно? Почему такъ? Отвѣтъ на это ясенъ. Потому, что правительства понимаютъ прекрасно, что, дѣйствуя иначе, они отняли бы у подданныхъ плоды ихъ трудовъ, что̀ соотвѣтствовало бы конфискаціи части ихъ имущества. Правительства же существуютъ именно для совершенно противоположной цѣли, а именно, для того, чтобы ограждать право собственности всѣхъ гражданъ. Надо признать, что для той части операціи обмѣна, которая называется продажею, всѣ современныя цивилизованныя правительства исполняютъ свои обязанности самымъ совершеннымъ образомъ. Но, увы! совсѣмъ не то происходитъ по отношенію къ другой части той же операціи, называемой покупкою. Эту послѣднюю правительства обставляютъ всевозможными затрудненіями и препятствіями. Но если правительства не считаютъ себя въ правѣ заставить *продавать* продукты скорѣе соотечественнику, чѣмъ иностранцу, то почему они считаютъ себя въ правѣ заставить *покупать* продукты скорѣе у соотечественника, чѣмъ у иностранца? Если заставляютъ заплатить за какое-нибудь платье

25 руб. вмѣсто 20, то развѣ это справедливѣе, чѣмъ еслибы заставили продавать товаръ за 80 коп., вмѣсто рубля? Еслибы была предоставлена такая же свобода въ покупкѣ, какъ и въ продажѣ, то каждый могъ бы получить наибольшую выгоду съ наименьшею затратою труда. Право собственности обнимаетъ въ одинаковой степени какъ способность продажи, такъ и способность покупки. Если законъ даетъ право извѣстному лицу продавать дома, но не даетъ права ихъ покупать, то онъ тѣмъ самымъ отрицаетъ за этимъ лицомъ гражданскую полноправность. Правительства обезпечиваютъ вполнѣ право продажи, но, благодаря таможеннымъ пошлинамъ, они крайне стѣсняютъ право покупки, стало быть, ограничиваютъ въ извѣстной мѣрѣ права всѣхъ покупателей, порождая для нихъ нѣкоторое diminutio capiti, какъ говорятъ въ римскомъ правѣ, т.-е., что̀-то въ родѣ экономической зависимости. Но такъ какъ каждый гражданинъ въ одно время и покупатель, и продавецъ, то правительства въ одно и то же время и покровительствуютъ ему, и преслѣдуютъ его. Эти дѣйствія, исключающія одно другое, могутъ вліять только отрицательно на общественный строй, создавая экономическое разстройство, т.-е., такой порядокъ вещей, при которомъ народное богатство растетъ съ наименьшей скоростью.

Наши протекціонисты никогда не жалѣютъ, что мы продаемъ свои продукты иностранцамъ; напротивъ, они желали бы, чтобы мы имъ продавали не только земледѣльческіе продукты, но и мануфактурныя издѣлія. Никогда однако они, кажется, не

додумались до очень простой вещи. Если теперь англичане покупаютъ у насъ хлѣбъ, то это потому, что намъ или другимъ народамъ они могутъ продать продукты своей промышленности или произведенія своей страны. Еслибы они не могли предложить намъ что-либо взамѣнъ нашего хлѣба, то мы, конечно, не были бы настолько глупы, чтобы отдавать его имъ даромъ. Еслибы однако всѣ народы желали только продавать, и ни одинъ изъ нихъ не желалъ бы покупать (это составляетъ идеалъ такъ-называемаго выгоднаго торговаго баланса), то что было бы тогда? Въ дѣйствительности продажа и покупка—одна и та же операція. Желать производить одну безъ другой, это—такой же абсурдъ, какъ искать площадь съ однимъ измѣреніемъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Послѣдствія протекціонизма для гражданъ.

Еслибы наложили завтра на квартиры налогъ въ сто процентовъ ихъ стоимости, то помѣщеніе, обходящееся теперь въ 300 руб., обходилось бы въ 600, а обходящееся въ 1000 руб.—въ 2000. Понятно, что очень многіе семейные бюджеты не могли бы вынести такого повышенія, ибо каждый отдаетъ на квартиру почти максимумъ того, что онъ можетъ издержать на эту потребность. При установленіи налога пришлось бы лицамъ, занимавшимъ раньше квартиру въ 300 руб., нанять другую, поскромнѣе, за 150 руб., а лицамъ, занимавшимъ квартиру въ 3000 р., нанять новую за 1500, чтобы такимъ образомъ платить все-таки такую сумму, какъ и прежде. Понятно, что при этомъ значительно уменьшилось бы благосостояніе всѣхъ тѣхъ лицъ, которымъ невозможно было бы удѣлить на квартиру сумму вдвое больше платимой раньше.

Таможенныя пошлины производятъ такія же послѣдствія, какъ этотъ квартирный налогъ. Можно, напримѣръ, купить заграницею хорошій коверъ въ

сто квадратныхъ аршинъ за 300 р. Таможня беретъ съ него 200 [1]. Тотъ, кто не имѣетъ возможности употребить на покупку ковровъ болѣе тысячи рублей, покрывалъ бы, при отсутствіи пошлинъ, три комнаты коврами за эту сумму, а теперь онъ можетъ покрыть только двѣ. Такимъ образомъ удобства его въ этомъ отношеніи уменьшены на третью часть. Но, говорятъ, что высокими таможенными пошлинами обложены только предметы роскоши; что лицо, имѣвшее возможность заплатить 900 рублей за три ковра, имѣетъ возможность заплатить и 1500. Положимъ, что такъ. Но все-таки не подлежитъ сомнѣнію, что еслибы ковры стоили только 900 рублей, это лицо могло бы употребить остальные 600, которые оно способно еще издержать, на пріобрѣтеніе другихъ вещей. Во всякомъ случаѣ его комфортъ былъ бы больше.

Но самое положеніе, что только предметы роскоши обложены высокою пошлиною, положительно невѣрно. Во многихъ государствахъ предметы первой необходимости не только обложены весьма чувствительною пошлиною, но иногда были запрещаемы къ привозу.

Отъ 1821 до 1853 года во Франціи существовала пошлина въ 53 фр. со пітуки крупнаго рогатаго скота. „Французскіе мужики ѣли мясо только шесть разъ въ году. Въ городахъ, гдѣ потребленіе мяса было больше, даже семейства изъ средняго сословія покупали мясо не болѣе какъ одинъ или

[1] Это размѣръ обложенія ковровъ понынѣ дѣйствующему тарифу.

два раза въ недѣлю“ [1]. Въ 1840 году потребленіе мяса сократилось въ Парижѣ на 31 проц. въ сравненіи съ 1812 годомъ! [2]. До 1860 года ввозъ иностранной шерсти былъ обложенъ очень высокою пошлиною, а ввозъ иностранныхъ шерстяныхъ матерій былъ совершенно воспрещенъ. Результатомъ такой политики было то, что въ то время изъ 36 милліоновъ французовъ 20 милліоновъ никогда не носили шерстяныхъ матерій [3]. Въ Германіи въ послѣднее время, „благодаря пошлинамъ на хлѣбъ, цѣна пшеницы возрасла съ 15 марокъ за цент. до 19 марокъ; цѣна ржи и ячменя—съ 13 до 17. Такъ же невыгодно отразилось и стѣсненіе привоза мясныхъ продуктовъ. Цѣна свинины возвысилась съ 120 пф. за килограммъ до 143 пф., цѣна бычачьяго мяса—съ 115 до 122, сала—съ 159 до 187 пф. и т. д. Нечего и говорить, что такое значительное повышеніе цѣнъ на необходимѣйшіе жизненные припасы тяжело отражается на народномъ благосостояніи“ [4]. У насъ, наконецъ, чай обложенъ пошлиною въ полтора и три раза выше стоимости самого продукта, несмотря на то, что $^4/_5$ привозимаго чая служатъ для потребленія бѣднаго класса нашего населенія. Сахаръ обложенъ въ 200 проц. стоимости. Пошлины увеличиваютъ стоимость чугуна на 50 проц., а желѣза и стали почти на сто. Однако это — самые необходимые матеріалы для всякаго фабричнаго производства.

[1] См. Amé. *Etude sur les tarifs de douanes.* Томъ 2, стр. 454.
[2] ib., т. I, стр. 205.
[3] ib., II, стр. 460.
[4] *Новости* отъ 16 января 1890 г.

Изъ этого видно, что пошлинами облагаются не одни предметы роскоши.

Но, кромѣ того, возникаетъ вопросъ: возможно ли точно опредѣлить границы, гдѣ кончается роскошь и гдѣ начинается понятіе о предметахъ первой необходимости? Еще недавно масса людей ходила у насъ босикомъ. Можно ли утверждать, что пара сапогъ — предметъ роскоши? Сколько у насъ въ деревняхъ еще курныхъ избъ. Можно ли сказать, что печь съ трубою есть роскошь? Словомъ, всѣ новыя пріобрѣтенія человѣческой цивилизаціи въ свое время считались предметами роскоши: это однако не мѣшало имъ сдѣлаться мало-по-малу предметами первой необходимости. Наконецъ, взгляды бываютъ различны. Напримѣръ, нашъ тарифъ считаетъ шелковыя матеріи предметомъ роскоши и облагаетъ ихъ большою пошлиной. Но средній классъ въ Россіи разсуждаетъ иначе. Нѣтъ мелкаго чиновника, бѣднаго офицера или приказчика, жена котораго не считала бы необходимымъ, при извѣстныхъ условіяхъ, облечься въ шелковое платье. Мужъ разоряется, дѣлаетъ долги, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознаетъ необходимость жертвы въ виду требованій общественнаго приличія. Какое громадное облегченіе ощутилъ бы этотъ классъ людей въ Россіи, еслибы у насъ шелковыя матеріи стоили такъ же дешево, какъ во Франціи!

Зеркальныя стекла считаются у насъ какъ-бы олицетвореніемъ роскоши. Такъ зеркало въ 4 ар. длины и $2^1/_2$ арш. ширины, которое съ провозомъ въ Россію стоитъ 338 фр., обложено пош-

линою въ 158 руб. золотомъ, или 632 фр. Русскому потребителю оно обходится слѣдовательно въ 970 фр., тогда какъ французскому только въ 300, т.-е., втрое дешевле. Зеркальныя стекла такой величины служатъ главнымъ образомъ для оконъ магазиновъ. Эти-то стекла составляютъ одно изъ большихъ украшеній западно-европейскихъ городовъ. Самъ лавочникъ не пользуется прелестью этихъ стеколъ, ибо онъ почти никогда на нихъ не смотритъ; стеклами пользуется вся проходящая по улицѣ публика, большинство которой — люди небогатые. Этимъ примѣромъ я хотѣлъ пояснить одно существенное обстоятельство. Господа протекціонисты совершенно упускаютъ изъ виду, что роскошь бываетъ частная и общественная. Общественная роскошь имѣетъ громадное значеніе, потому что она служитъ главнымъ источникомъ наслажденій всѣхъ гражданъ, какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ. Житель Парижа, съ ежегоднымъ доходомъ въ тысячу рублей, имѣетъ несравненно больше наслажденій, чѣмъ житель Курска съ доходомъ въ нѣсколько милліоновъ. Первый можетъ прогуливаться по такимъ чуднымъ паркамъ, какъ Елисейскія поля и Булонскій лѣсъ; за одинъ франкъ онъ можетъ пользоваться всѣми прелестями новаго опернаго театра, который стоилъ 55 милліоновъ фр. А житель Курска, какъ бы онъ ни былъ богатъ, не можетъ устроить себѣ ни Елисейскихъ полей, ни громаднаго театра.

Общественная роскошь служитъ осязательнымъ признакомъ прогресса, съ поступательнымъ движе-

ніемъ котораго общественная роскошь все увеличивается и дѣлается достояніемъ все бо̀льшаго и бо̀льшаго количества людей [1].

Пошлины взимаются одинаково съ предметовъ,— предназначены ли они для частнаго, или для общественнаго пользованія. Протекціонисты слѣдовательно неправы, говоря, что пошлины касаются только богатыхъ; напротивъ, онѣ въ большей мѣрѣ касаются бѣдныхъ. Если богатый живетъ въ нищенской общественной средѣ, если все, что̀ онъ видитъ на улицѣ, отвратительно и гадко, то онъ находитъ по крайней мѣрѣ утѣшеніе въ своей собственной обстановкѣ; бѣдный же этого утѣшенія не имѣетъ, и вотъ почему общественная роскошь для него важнѣе, чѣмъ для богатаго.

Гоненіе на роскошь служитъ уже давно темою для разныхъ риторскихъ упражненій. Но въ жизни мы видимъ совсѣмъ другое. Роскошь есть цѣль, къ которой всѣ люди стремятся съ неудержимою силою. Каждый человѣкъ отдѣльно и въ смыслѣ собирательномъ ежеминутно думаетъ о томъ, какъ бы воспользоваться дешевле всѣми новѣйшими изобрѣтеніями, вносящими въ жизнь комфортъ, какъ бы создать себѣ обстановку самую изящную, т.-е., самую роскошную. Но я согласенъ сдѣлать уступку господамъ протекціонистамъ. Допускаю, что нѣкоторые предметы роскоши служатъ для наслажденій, безъ которыхъ можно обойтись. Но развѣ наслаж-

[1] Въ бѣднѣйшей части Лондона построенъ недавно настоящій дворецъ, предназначенный подъ клубъ для простыхъ рабочихъ.

деніе есть такой великій грѣхъ? Развѣ мы должны смотрѣть на жизнь, какъ на каторгу? Всѣ люди стремятся къ удовольствію, къ наслажденію, т.-е., къ счастію. Да не только люди, но и всѣ живыя существа. Рѣшимся наконецъ создать политическую экономію, согласную съ законами природы, политическую экономію, которая, вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать естественному стремленію всякаго живаго существа, положила бы это стремленіе въ основаніе всѣхъ своихъ выводовъ.

Лишеніе есть страданіе. Чѣмъ дороже вещи, которыя желательны и полезны для человѣка, тѣмъ меньше будетъ лицъ, которыя будутъ ими пользоваться, и тѣмъ больше, стало-быть, будетъ людей, обреченныхъ на страданіе. Причинять *искусственно* страданія гражданамъ не можетъ быть, очевидно, задачею государства. Увы! на этомъ свѣтѣ не мало страданій неизбѣжныхъ и роковыхъ. Искусственно увеличивать ихъ число—врядъ ли согласно съ великими принципами уваженія и любви къ человѣчеству, лежащими въ основаніи европейской цивилизаціи.

Промышленникъ день и ночь думаетъ, какъ бы произвести самый лучшій продуктъ за самую дешевую цѣну. Онъ напрягаетъ всю силу своего ума и иногда даже генія; онъ постоянно слѣдитъ за наукой и немедленно примѣняетъ ея послѣднія открытія; онъ изобрѣтаетъ новыя машины и новые способы обработки, — и вотъ, когда желанная цѣль достигнута, когда промышленникъ дѣйствительно можетъ выпустить на рынокъ прекрас-

ные продукты за дешевую цѣну, является таможня! Сразу она обращаетъ въ нуль всѣ затраченныя силы ума. Своимъ обложеніемъ возвышая цѣну продукта, она безжалостно отодвигаетъ его въ отжившую пору: этому продукту она возвращаетъ очень часто не только ту цѣну, которую онъ имѣлъ до послѣднихъ механическихъ усовершенствованій, но даже иногда сравниваетъ съ цѣною продуктовъ, относящихся ко времени до изобрѣтенія паровыхъ двигателей [1].

Чѣмъ выше уровень частной и общественной роскоши, тѣмъ выше общество стоитъ на ступени соціальнаго развитія. Роскошь и цивилизація—два тождественныя понятія, какъ варварство и нищета. Искусственно увеличивать цѣнность предметовъ роскоши — значитъ противодѣйствовать цивилизаціи и покровительствовать варварству. Трудно допустить, чтобы въ этомъ состояла задача государства.

По законодательству Кромвеля съ товаровъ, привозимыхъ въ Англію на иностранныхъ судахъ, взималась бо̀льшая пошлина, чѣмъ съ товаровъ, привозимыхъ на англійскихъ. Когда Соединенные Штаты провозгласили свою независимость, они ввели у себя тотъ же законъ. Тогда англійскія суда стали ходить въ Америку и американскія въ Англію съ баластомъ Обѣ націи, благодаря своему нелѣпому законодательству, теряли выгоды перевозки обратныхъ грузовъ. Это самый лучшій примѣръ еще одного зла, порождаемаго протек-

[1] Такъ, напримѣръ, пошлина на джутовые мѣшки *удвоила* ихъ стоимость.

ціонизмомъ, а именно напрасной растраты экономическихъ силъ народовъ.

Иностранные пароходы перевозятъ соль изъ Евпаторіи въ Петербургъ за 8 коп. съ пуда. Такую же плату берутъ иногда наши каботажники чтобы перевезти ее въ Одессу, т.-е. на разстояніе въ 33 раза меньшее [1]. Безъ покровительства, оказываемаго нашему каботажу, фрахтъ изъ Одессы до Евпаторіи не превышалъ бы быть можетъ 1 коп. на пудъ. Благодаря своей привилегіи, наши каботажники берутъ, стало-быть, фрахтъ на 800 проц. выше нормальнаго. Еслибы тѣмъ не менѣе наши суда могли удовлетворить всѣмъ потребностямъ торговли, то разница въ фрахтѣ составляла бы только прямое зло для отправителей груза. Но они рѣшительно не въ состояніи этого сдѣлать, и ихъ привилегія причиняетъ косвенное зло, во сто разъ большее. Разъ нѣтъ возможности перевезти продуктъ по выгодной цѣнѣ, его не обрабатываютъ. Неистощимыя богатства остаются въ нѣдрахъ земли совершенно непроизводительно. Цѣлыя области, гдѣ работа могла бы кипѣть, гдѣ жизнь могла бы развиваться мощною струею, остаются пустынными и бѣдными, благодаря только монополіи гг. каботажниковъ.

Этотъ частный примѣръ служитъ характеристи-

[1] Изъ Евпаторіи въ Одессу 143 мили; изъ Евпаторіи до Петербурга около 4600. Такъ, въ 1888 году брали изъ Никололя до Одессы по 14 коп. съ пуда. Понятно, что уголь, напримѣръ, не можетъ выдержать такого высокаго фрахта. Поэтому донецкій уголь не перевозился въ Одессу по этой дорогѣ, хотя она самая короткая.

кой всей системы протекціонизма. Онъ дѣлаетъ растрату экономическихъ силъ постояннымъ явленіемъ; словомъ, онъ прямо порождаетъ бѣдность, уменьшая потребленіе, косвенно—уменьшая производство богатства [1].

Еслибы пища и одежда давались намъ даромъ, какъ воздухъ, то человѣкъ, конечно, не пересталъ бы работать, ибо, кромѣ этихъ потребностей, у него есть и много другихъ (ихъ безконечное число). Но разъ матеріальныя потребности были бы удовлетворены безъ труда, человѣкъ работалъ бы болѣе для достиженія умственныхъ благъ. Протекціонизмъ, искусственно увеличивая цѣны на всѣ предметы, заставляетъ человѣка спускаться на болѣе низкую ступень культуры.

Кажется, трудно доказать, что, чѣмъ больше ставить преградъ торговлѣ, тѣмъ больше она будетъ развиваться [2]. Если промышленность въ наше время

[1] Въ подтвержденіе привожу здѣсь слова одного французскаго писателя. „Наполеонъ I, говоритъ Г. Клеманъ, какъ извѣстно, наложилъ большія пошлины на всѣ иностранные сырые продукты. Такъ, цѣна хлопка достигла тогда во Франціи 800 фр. за 100 кило. Этимъ Наполеонъ надѣялся поощрить разведеніе его въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Необычайная дороговизна, которая была послѣдствіемъ этой мѣры въ эпоху, когда капиталовъ было мало и кредита не существовало почти вовсе, породила тяжкіе промышленные кризисы, столь же вредные для потребителей, сколько и для рабочихъ. Рабочіе, платившіе несравненно больше, чѣмъ прежде, за многіе продукты, тогда какъ доходы ихъ оставались безъ измѣненія, очень скоро замѣтили, что континентальная система самымъ пагубнымъ образомъ дѣйствовала на ихъ благосостояніе (см. Clément. *Histoire du système protecteur en France*, Парижъ, 1854 г., стр. 108).

[2] Очень часто выставляютъ примѣръ Сѣверо-американскихъ Штатовъ, какъ доказательство, что богатство сильно

все-таки идетъ впередъ, то *не благодаря*, а *вопреки* протекціонизму. Въ человѣчествѣ есть столько могущества, что никакія ошибки въ законодательствѣ не способны совершенно уничтожить его жизненность. Но трудно себѣ представить, что̀ будетъ, когда всѣ преграды будутъ сняты. Съ какою неудержимою силою человѣчество пойдетъ тогда впередъ! [1]

развивается при охранительной системѣ. Но въ этомъ случаѣ забываютъ весьма важное обстоятельство. Если американцы затрудняютъ привозъ иностранныхъ товаровъ, то они всѣми силами поощряли до сихъ поръ приливъ иностранныхъ рабочихъ и капиталовъ (въ 1881 г. эмиграція въ Соединенныхъ Штатахъ достигла почти 800,000 душъ). Вмѣсто того, чтобы привозить иностранные товары, американцы привозятъ рабочихъ и капиталы для обработки ихъ у себя дома. Въ сущности это почти то же самое. Соединенные Штаты практикуютъ косвеннымъ образомъ свободную торговлю. Мы-же, русскіе, затрудняемъ привозъ какъ иностранныхъ товаровъ, такъ и рабочихъ и капиталовъ. Понятно, что мы богатѣемъ очень медленно.

[1] Говорятъ, что таможни еще необходимы съ фискальной точки зрѣнія. Я покажу ниже, что главный доходъ во всѣхъ государствахъ получается отъ пяти или шести предметовъ, которые можно обложить акцизами внутри государства. Что касается до доходовъ, приносимыхъ остальными предметами,—то оживленіе, которое получится въ торговлѣ отъ уничтоженія таможни, косвенно вознаградитъ потерю пошлинъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Послѣдствія протекціонизма для государства.

Многіе воображаютъ, что наши возвышенныя пошлины на иностранныя произведенія приносятъ большой доходъ казнѣ. Многіе думаютъ, что эта сумма столь значительна, что безъ нея трудно уравновѣсить нашу государственную роспись. Какъ бы ни были разорительны эти пошлины для гражданъ, разъ онѣ нужны для потребностей государственныхъ финансовъ, то, конечно, надо нести ихъ, повинуясь суровой необходимости. Но, чтобы убѣдиться въ ошибочности этого мнѣнія, стоитъ бросить самый бѣглый взглядъ на *Обзоръ внѣшней торговли Россіи*, издаваемый ежегодно департаментомъ таможенныхъ сборовъ.

Доходы таможни дѣлятся у насъ на четыре отдѣла, которые въ 1886 и 1887 годахъ дали слѣдующія суммы:

	въ 1886 г. руб. мет.	въ 1887 г. руб. мет.
Жизненные припасы	36.199,778	29.995,241
Сырые и полуобраб. матеріалы .	21.357,906	22.686,372

	въ 1886 г. р. мет.	въ 1887 г. р. мет.
Животныя	12,129	13,789
Издѣлія фабрич. и заводскія. . .	13.503,650	11.668,995
Итого . . .	71.073,649	64.364,397 [1]

Обращая доходъ отъ издѣлій въ кредитные рубли по курсу, принятому департаментомъ (1 р. 50 к. за 1 руб. зол. въ 1886 и 1 р. 67 к. въ 1887 г.), мы получимъ скромныя цифры въ 20.255,475 р. въ 1886 и 19.472,221 р. въ 1887 году. По отчету государственнаго контролера видно, что въ 1887 году весь обыкновенный государственный доходъ достигъ 829 милліоновъ рублей. Сумма, полученная отъ пошлинъ на издѣлія, составляетъ, слѣдовательно, только 2,3 проц. обыкновенныхъ доходовъ государства. Это почти въ одиннадцать разъ меньше того, что̀ даетъ налогъ на крѣпкіе напитки (252 милліона въ 1887 г.), меньше дохода, приносимаго отъ табака (26.596,000 р. въ 1887 г.), и гораздо меньше того, что̀ даетъ одинъ чай [2].

Я прибавлю къ этому, что роспись въ 1887 г. заключалась съ остаткомъ въ 46.205,000 руб. Такъ что, еслибы даже *всѣ* пошлины на издѣлія были отмѣнены, то и тогда не произошло бы никакого разстройства въ нашихъ финансахъ. Нельзя, стало-быть, утверждать, что пошлины безусловно необходимы для равновѣсія нашей росписи.

[1] Или 106.610,464 и 107.488,543 р. кред., изъ которыхъ надо выключить, около 10.600,000 издержекъ взиманія (таможенное вѣдомство, пограничная стража, и проч.)

[2] На этотъ продуктъ уплачено пошлинъ въ 1886 году 37.700,000 руб. кредит., а въ 1887 г.—33.400.000.

Никто, конечно, не повѣритъ, что изъ-за ничтожной суммы въ 19 милліоновъ кредит. рублей русскіе граждане должны въ значительной мѣрѣ отказаться отъ многихъ предметовъ, частью полезныхъ, частью доставляющихъ комфортъ и удовольствіе жизни. Никто, конечно, не повѣритъ, что изъза 19 милліоновъ наши города и наши дома должны представлять столь бѣдный и некрасивый видъ. Ясно, что здѣсь преслѣдуется не фискальная, а совершенно иная цѣль, т.-е., протекціонизмъ.

Посмотримъ теперь, какое значеніе эта иная цѣль имѣетъ для доходовъ государственнаго казначейства.

Таможни существуютъ съ незапамятныхъ временъ. Эта форма налога на потребленіе практиковалась уже въ древнемъ мірѣ. Въ Римской имперіи она была сильно распространена. Таможни удержались въ среднихъ вѣкахъ, но до XVII столѣтія имѣли чисто фискальную цѣль. Пошлины взимались тогда главнымъ образомъ съ вывозимыхъ товаровъ. Только съ того времени, когда ложная система меркантилизма получила всеобщее распространеніе, таможни стали принимать характеръ покровительственный, не теряя однако и фискальнаго значенія. Часто онѣ составляли одну изъ главныхъ статей государственнаго дохода. Такъ, въ Англіи при Карлѣ II таможня приносила милліонъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ, тогда какъ всѣ остальные налоги—только 800,000 ф.

Существующія таможенныя пошлины можно раздѣлить на двѣ категоріи: въ одну входятъ

всѣ пошлины, составляющія налогъ на потребленіе, въ другую — всѣ пошлины, введенныя для охраны внутренняго производства.

Въ финансовомъ отношеніи таможни играютъ еще весьма важную роль почти во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ онѣ даютъ 60 проц. всего государственнаго дохода, въ Германіи—31, въ Италіи—16, въ Англіи и у насъ—14 и, наконецъ, во Франціи — 10. Главныя статьи доходовъ получаются отъ жизненныхъ припасовъ. Въ Англіи, какъ извѣстно, пошлина совершенно утратила охранительный характеръ и сохранила лишь чисто фискальный. Пошлины тамъ взимаются теперь только съ четырнадцати предметовъ: съ табака, крѣпкихъ напитковъ, чая, вина, коринки, винограда, кофе, цикорія, какао, фруктовъ, серебряныхъ и золотыхъ издѣлій и игральныхъ картъ [1].

Отсюда видно, что изъ оставшихся четырнадцати статей отъ тысячи двухъ сотъ прежняго англійскаго тарифа обложеніе падаетъ на предметы потребленія, не касаясь однако самыхъ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ. Пошлина на сахаръ, остав-

[1] Предметы эти дали:

въ 1886—1887 г.

Табакъ . .	8.850.000 ф. с.	Кофе. . . .	192.000 ф с.
Чай. . . .	4.613.000 „ „	Виноградъ. .	177.000 „ „
Напитки. .	4.236.000 „ „	Какао . . .	83.000 „ „
Вино . . .	1.086.000 „ „	Цикорій . .	71.000 „ „
Коринка. .	317.000 „ „	др. пред. . .	12.000 „ „

а всего 19.630,000 ф. с. или приблизительно 175.000,000 рублей, т. е. почти вдвое больше того, что́ дали наши таможни въ томъ же году.

шаяся еще послѣ отмѣны протекціонизма при Робертѣ Пилѣ, была уничтожена г. Гладстономъ въ 1874 году.

Нынѣ дѣйствующій у насъ таможенный тарифъ имѣетъ 239 параграфовъ, которые съ разными подраздѣленіями составляютъ 652 статьи. По обзору таможеннаго департамента за 1887 г. видно, что главный доходъ дали слѣдующіе предметы.

Изъ жизненныхъ припасовъ:

Чай	20.093,000	руб. мет.
Вина.	2.326,000	„ „
Табакъ	1.306,000	„ „
Сельди	1.158,000	„ „
Кофе.	957,000	„ „

Эти пять предметовъ дали 25.840,000 или 86 проц. всей суммы, получаемой изъ 86 статей этого отдѣла.

Изъ сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ:

Хлопчато-бумажный сырецъ . .	5.631,000	м. р.
Чугунъ въ штыкахъ	1.630,000	„ „
Масло оливковое	1.529,000	„ „
Швейныя нитки	1.163,000	„ „
Уголь каменный	942,000	„ „
Желѣзо полосовое	899,000	„ „
Желѣзо листовое	791,000	„ „
Краски анилиновыя	644,000	„ „
Кожи большія и малыя . . .	552,000	„ „

Эти десять предметовъ дали 15.315,000 дохода, или 70 проц. изъ суммы, получаемой отъ 228 статей этого отдѣла.

Изъ издѣлій фабричныхъ, заводскихъ и ремесленныхъ:

Машины и аппараты	1.902,000 р.
Шерстяныя матеріи	695,000 „
Прошивки и вышивки	505,000 „
Джутовые мѣшки	246.000 „
Кружева бумаж. и маш. . . .	235,000 „
Инструменты для ремеслъ . . .	231,000 „
Косы, серпы, и проч.	225,000 „
Мѣдныя издѣлія	206,000 „

Эти восемь предметовъ даютъ 4.245,000, или 36 проц. всей суммы, получаемой отъ 280 статей этого отдѣла. Вообще двадцать три предмета изъ 652 статей даютъ 70 проц. всего таможеннаго дохода [1].

Всѣ пошлины на жизненные припасы можно разсматривать, какъ налогъ на потребленіе. Пошлина на хлопчатобумажный сырецъ есть также налогъ на народную одежду, такъ что изъ общаго дохода въ 64 милліона 33 составляютъ у насъ чисто фискальныя пошлины, а остальные 31— покровительственныя.

[1] Въ Англіи, когда она изнемогала подъ игомъ протекціонизма, было то же самое. Англійскій тарифъ 1839 года имѣлъ 1150 статей; всѣхъ таможенныхъ доходовъ было тогда 22.962.610 фунт. стерл.; 17 статей давали 21.700.630 ф. с., или 94% всего дохода, а 1133 статьи—остальные 6% (См. Richelot. *Histoire de la réforme commerciale en Angleterre*. Томъ I стр. 182).

Лучше всего было бы совершенно упразднить всякія таможенныя пошлины и замѣнить ихъ налогами на потребленіе. Такъ въ Англіи существенный доходъ даютъ только четыре предмета: табакъ, чай, напитки и вино. Этотъ доходъ можно было бы взимать посредствомъ акциза такъ же легко, какъ и посредствомъ таможни. Но если не рѣшаются упразднить таможню, то, конечно, съ государственной точки зрѣнія желательно, чтобы она давала какъ можно болѣе дохода.

Налоги на потребленіе довольно деликатнаго свойства. Ихъ доходъ не всегда пропорціоналенъ высотѣ обложенія, а часто и наоборотъ [1]. Чтобы таможни давали большой доходъ, надо, чтобы пошлины были умѣренны. Въ древности и въ средніе вѣка, когда на таможни смотрѣли только съ фискальной точки зрѣнія, обыкновенный размѣръ обложенія былъ отъ $2^1/_2$ до 5 процентовъ со стоимости товаровъ. Разъ обложеніе переходило 10 процентовъ, пошлина уже нѣсколько уменьшала привозъ, а слѣдовательно и доходъ казны.

Разсмотримъ теперь размѣръ обложенія по нашему тарифу и по оффиціальнымъ даннымъ.

Въ 1887 году привезено въ Россію, по оцѣнкѣ департамента таможенныхъ сборовъ:

[1] Такъ, овощи облагались прежде 50 коп. съ пуда, а въ послѣднее время 65. Это незначительное повышеніе, которое увеличилось отъ паденія кредитнаго рубля, значительно сократило ввозъ. Такъ, чрезъ одесскую таможню было привезено въ 1886 году 440.000 пудовъ овощей, въ 1887 г. –340.000, а въ 1888 г. только 164.000 пудовъ. На одной этой статьѣ казна получила въ 1888 г. 113.000 руб. мет. меньше, чѣмъ въ 1886 году.

Жизн. припас. на	87.940.525 р. кр.	Пошлинъ	50.092.052 или	56 пр.
Сыр. и пол. мат.	„ 238.744.681 „ „	„	37.884.424 „	16 „
Издѣлій	„ 65.338.654 „ „	„	19.487.221 „	30 „ [1]

Итакъ ясно, что, не говоря уже о жизненныхъ припасахъ, даже по сырымъ матеріаламъ, которые предназначаются главнымъ образомъ для столь излюбленной промышленности, пошлина превышаетъ у насъ благоразумный процентъ обложенія.

Но оцѣнки департамента далеко не согласны съ дѣйствительностью: высчитывается только пошлина и не принимаются въ разсчетъ всѣ накладные расходы таможни, какъ-то: объявленія, ярлыки, и пр., и пр. Часто этотъ расходъ превышаетъ самую пошлину. Затѣмъ самыя оцѣнки предметовъ дѣлаются неправильно или просто бухгалтерскія уловки иногда заслоняютъ истину. Такъ, каменнаго угля привезено въ 1886 году, по отчетамъ таможни, на 7.744,000 руб. и пошлины взято 1.004,000, т.-е., 13 процентовъ. Но, какъ извѣстно, уголь, привозимый чрезъ порты Балтійскаго моря, платитъ меньше пошлины, и вся тяжесть ложится на уголь, привозимый чрезъ южные порты, гдѣ размѣръ обложенія достигаетъ уже 25 процентовъ стоимости. Вообще оцѣнки таможни далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Такъ, напримѣръ, въ 1887 г. машины и аппараты оцѣнены въ 13.584,036, пошлины на нихъ взято 3.376,340 руб., что составляетъ 25 проц. Но на

[1] Рубли металлическіе переведены по курсу въ 1 р. 67 к., принятому въ разсчетъ департаментомъ.

дѣлѣ за машины приходится платить иногда и 40, и 50, и даже 100 проц. ихъ стоимости. На издѣлія вообще размѣръ обложенія считается офиціально въ 30 проц., но на дѣлѣ для многихъ предметовъ, какъ напримѣръ, для шелковыхъ матерій, размѣръ этотъ достигаетъ 200 и 300 процентовъ ихъ стоимости.

Результаты повышенія пошлины не замедлили повліять на таможенный доходъ. Тогда какъ всѣ другіе государственные доходы растутъ, одинъ таможенный доходъ не только не растетъ, но даже уменьшается. Съ 1881 года начинаетъ у насъ свирѣпствовать самый ярый протекціонизмъ и съ того времени таможенные доходы постоянно падаютъ.

Напротивъ, уменьшеніе пошлины очень часто увеличиваетъ доходъ. Въ 1801 году пошлина на кофе, привозимый въ Англію, составляла 1 ш. 1 п. съ фунта (33 к. золотомъ). Онъ былъ доступенъ только богатому классу. Въ 1811 году пошлина была уменьшена до 7 пенсовъ, (25 коп.), и потребленіе увеличилось на 750 проц., а доходъ казны утроился. Въ 1825 году пошлина была уменьшена еще на половину и, несмотря на это, казна получила въ два раза больше дохода, чѣмъ въ 1811 году [1]. Съ 1842 года по 1853 годъ англійское правительство отмѣнило пошлины на 10.000,000 ф. ст. (т.-е., 62.800,000 руб. мет. — это, приблизительно, весь доходъ, который даетъ теперь у насъ таможня); доходъ казны тѣмъ не менѣе сократился

[1] Калиновскій. *О развитіи и распространеніи идеи свободной торговли.* С.-Петербургъ, 1859 г., стр. 133.

только на 122,411 ф. ст. Понятно, что еслибы у насъ пошлины были значительно уменьшены на многіе предметы, то таможенный доходъ увеличился значительно бы.

Законы политической экономіи такъ же неотвратимы, какъ и законы химіи или физики. Товары и услуги мѣняются на товары и услуги одинаковой стоимости,— вотъ основный законъ всѣхъ экономическихъ явленій. Какъ только законодательство нарушаетъ дѣйствіе этого закона, начинаютъ выступать многочисленные факторы, возстанавливающіе своимъ вліяніемъ естественный порядокъ. Извѣстно, что до реформы Рауланда Гиля въ Англіи такса за доставку писемъ доходила до 1 ш. 8 п. (около 70 кред.). Эта высокая плата далеко не соотвѣтствовала тѣмъ расходамъ, которые несло государственное казначейство для доставленія писемъ. Несмотря на самые строгіе законы, казенную почту обходили тогда разными путями. Частныя лица контрабандою перевозили письма; члены парламента, которые имѣли право даровой корреспонденціи, пересылали письма многочисленныхъ друзей и проч. Въ 1840 году такса на внутреннюю корреспонденцію была понижена до одного пенни (4 коп.). Немедленно всякіе обходы казенной почты прекратились навсегда [1].

[1] Эта такса въ одинъ пенни вполнѣ достаточна для уплаты расходовъ почтовыхъ, ибо почты въ Англіи въ 1888 году дали чистый доходъ 3.199.000 ф. ст. (около 27 милліоновъ рублей). Число писемъ, перевезенныхъ въ 1836 году, было 80.000.000, а въ 1888 году 1.558.000.000. Извѣстно, что пониженіе таксы сдѣлано по иниціативѣ частнаго человѣка (Рауланда Гиля).

Такимъ же образомъ, когда государства стараются посредствомъ таможенныхъ пошлинъ искусственно возвысить цѣну на какой-нибудь предметъ, экономическая *vis medicatrix naturae* возстановляетъ дѣйствіе экономическихъ законовъ перенесеніемъ производства во внутрь таможенной черты или контрабандой.

Послѣ громаднаго повышенія нашего таможеннаго тарифа, промышленность развилась съ неимовѣрною быстротою въ пограничныхъ губерніяхъ Привислянскаго края. Нѣмцы устроили тамъ много разныхъ заводовъ. Лодзь и Сосновицы сдѣлались въ короткое время большими городами. Петроковская губернія, произведенія которой еще недавно были чисто земледѣльческія, стала внезапно производить на 88 милліоновъ фабричныхъ продуктовъ, занявъ въ этомъ отношеніи третье мѣсто въ Россіи [1].

Что же выиграла русская промышленность отъ повышенія пошлинъ? А только то, что многіе продукты, которые прежде производились въ Пруссіи, производятся нынѣ нѣмцами на нашей территоріи въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ Прусской границы; но государственное казначейство потеряло, навѣрно, ибо при умѣренной пошлинѣ оно могло бы имѣть доходъ, а теперь оно его не имѣетъ. Прибавимъ еще, что покровительство оказывается иногда даже и полнымъ запрещеніемъ нѣкоторыхъ ино-

Почтовое вѣдомство утверждало тогда въ Англіи, что такая такса—чистое сумасшествіе.

[1] Московская губернія производитъ на 171.800.000 руб. и С.-Петербургская на 148.000.000 рублей.

странныхъ продуктовъ. Тогда казна абсолютно отказывается отъ дохода.

Мы всѣ питаемъ еще заблужденіе, будто всякій законъ, изданный съ соблюденіемъ установленныхъ формальностей, неуклонно исполняется въ жизни. Но на дѣлѣ далеко не такъ. Еслибы какое-нибудь правительство приказало своимъ подданнымъ ничего не ѣсть, то, понятно, такой законъ не исполнялся бы ни одной минуты. Законъ исполняется только тогда, когда онъ формулируетъ потребности, сознаваемыя обществомъ, когда онъ, какъ говоритъ Монтескье, „необходимое отношеніе, происходящее отъ природы вещей". Если законъ издается безъ наличности этихъ условій, онъ остается мертвою буквою.

Таможенное законодательство не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ экономическимъ потребностямъ. Оно создаетъ цѣлый рядъ стѣснительныхъ и ненужныхъ формальностей, подвергаясь постоянно измѣненіямъ. Сегодня такой-то товаръ совершенно воспрещается къ привозу, завтра онъ пропускается безпошлинно, на третій день опять облагается непомѣрно. Словомъ—экономическій хаосъ. Нарушенный порядокъ въ хозяйственномъ бытѣ стремится прійти въ нормальное положеніе путемъ контрабанды [1].

[1] Англійская бумажная пряжа была обложена страшною пошлиною во Франціи въ первой половинѣ настоящаго столѣтія. Но такъ какъ эта пряжа была необходима для многихъ французскихъ производствъ, то пришлось, прямо говоритъ Г. Аме, прибѣгнуть къ контрабандѣ (Etude sur les tarifs, томъ I, стр. 396). Отъ 1816 до 1834 года французскіе производители тюлевыхъ матерій заплатили до 20 милліоновъ франковъ за ея услуги.

Исторія намъ показываетъ, что вездѣ контрабанда развивается пропорціонально повышенію пошлинъ. Разъ пошлина переходитъ извѣстный предѣлъ, контрабанда, несмотря на рискъ, дѣлается очень выгоднымъ ремесломъ. Въ то время, когда въ Англіи господствовала покровительственная система, контрабанда была чрезвычайно развита Однимъ изъ главныхъ аргументовъ, приводимыхъ Хусскинсономъ въ пользу фритредерскаго тарифа, была потеря государственнаго казначейства отъ контрабанды. Во всѣхъ странахъ было то же самое. Такъ, въ Австріи въ 1817 году контрабандная торговля составляла половину проходившей чрезъ таможню. Въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія контрабанда провозила во Францію товаровъ на 700 милліоновъ франковъ въ годъ. Въ царствованіе Людовика-Филиппа контрабанда составляла учрежденіе, вполнѣ организованное. Со всеобщаго вѣдома она взимала за провозъ кашемировыхъ шалей до 10 проц. ихъ стоимости; за часовой товаръ брала отъ 4 до 10%, за бумажную пряжу отъ 16—25 проц., смотря по времени года и по границѣ [1].

На какую сумму доходитъ теперь у насъ контрабанда, я не могу сказать; но она должна быть весьма значительна, судя по тому, что содержится цѣлая армія пограничной стражи съ боевою организаціею, а также по тому, что многіе охотно поступаютъ въ ряды этой арміи, разсчитывая, въ дополненіе къ своему жалованью, получить хорошій процентъ съ товаровъ, отобранныхъ у контрабандистовъ.

[1] См. Clément. *Syst. protect.*, стр. 164.

Государство, практикуя пагубную систему протекціонизма, уменьшаетъ свои доходы по тремъ причинамъ:

вопервыхъ, потому, что оно сокращаетъ привозъ иностранныхъ товаровъ;

вовторыхъ, потому, что заставляетъ иностранныхъ промышленниковъ переходить за таможенную черту;

и втретьихъ, наконецъ, потому, что поощряетъ контрабанду.

Итакъ, не только интересы частныхъ лицъ, но даже и интересы государства приносятся въ жертву мрачному божеству протекціонизма.

КНИГА II.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ первой книгѣ я старался показать, что̀ такое въ дѣйствительности протекціонизмъ. Я пытался сбросить съ него маску и прямо назвать его подобающимъ именемъ. Читатель могъ видѣть, что протекціонизмъ не что иное, какъ взаимное обираніе, что онъ почти тождественъ съ конфискаціей, что онъ составляетъ что-то въ родѣ экономическаго рабства, что онъ уменьшаетъ благосостояніе гражданъ, сокращаетъ государственные доходы и тормозитъ главнымъ образомъ развитіе производительныхъ силъ народа.

Протекціонисты держатся совершенно противоположнаго мнѣнія. Они утверждаютъ, наоборотъ, что ихъ система благодѣтельна какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для общества. Я разсмотрю ихъ доводы одинъ за другимъ, и постараюсь доказать ихъ несостоятельность.

Протекціонизмъ имѣетъ приверженцевъ двухъ категорій: одни поддерживаютъ его по убѣжденію, другіе изъ-за личнаго разсчета. Эти послѣдніе—

UNIVERSITY OF ILLINOIS
LIBRARY

просто злоумышленники. Несовершенныя современныя законодательства еще не преслѣдуютъ ихъ, наоборотъ, даже часто награждаютъ ихъ. Но когда общества будутъ лучше понимать свои интересы, то послѣдуетъ полная перемѣна во взглядахъ. Придетъ время, когда во всѣхъ сводахъ уголовныхъ законовъ будетъ заключаться статья слѣдующаго содержанія: „кто воспользовался своимъ вліяніемъ въ государствѣ, для того чтобы искусственно увеличить цѣну на какой-нибудь иностранный продуктъ, тотъ подвергается штрафу пропорціонально произведенному убытку и тюремному заключенію отъ одного года до двухъ лѣтъ“.

Статья 1180 Улож. о наказ. гласитъ: „за стачку торговцевъ или промышленниковъ для возвышенія цѣны не только предметовъ продовольствія, но и другихъ необходимой потребности, или для непомѣрнаго пониженія сей цѣны, въ намѣреніи стѣснить дѣйствія привозящихъ или доставляющихъ сіи товары, а чрезъ то препятствовать и дальнѣйшему въ большемъ количествѣ привозу оныхъ, зачинщики такихъ противозаконныхъ соглашеній подвергаются: заключенію въ тюрьмѣ на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ, а прочіе, только участвовавшіе въ нихъ, приговариваются, смотря по степени сего участія: или къ аресту на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ, или къ денежному взысканію не свыше двухъ сотъ рублей. Когда же отъ такой стачки произойдетъ дѣйствительный недостатокъ въ товарахъ первой необходимости и сіе будетъ поводомъ къ нарушенію

общественнаго спокойствія, то зачинщики приговариваются: къ лишенію нѣкоторыхъ особенныхъ, на основаніи ст. 50 сего уложенія, правъ и преимуществъ и къ заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ, а прочіе виновные: къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ".

Слѣдовательно статья 1180 Уложенія о наказаніяхъ защищаетъ интересы потребителей. Но и люди, покупающіе иностранные товары, тоже *русскіе* потребители. Отчего ихъ интересы защищаются только по отношенію къ внутреннимъ рынкамъ, а не ко всѣмъ? Надо надѣяться, что этотъ пробѣлъ будетъ пополненъ современемъ въ законодательствахъ цивилизованныхъ народовъ и что на ходатайства о пошлинахъ будутъ смотрѣть, какъ на уголовныя преступленія.

Очень много людей, конечно, поддерживаютъ протекціонизмъ по мотивамъ совершенно безкорыстнымъ, и настоящій трудъ написанъ для опроверженія ихъ ошибочныхъ убѣжденій.

Но, прежде чѣмъ приступить къ критикѣ, надо формулировать положенія протекціонизма.

Въ короткихъ словахъ эту систему можно изложить слѣдующимъ образомъ. Не всѣ народы одновременно находятся на одинаковой степени экономическаго развитія. Народы, экономически болѣе слабые, требуютъ огражденія таможенными пошлинами: иначе промышленность ихъ подавляется народами болѣе сильными. Народы же безъ своей собственной промышленности, становясь въ экономи-

ческую зависимость отъ другихъ, обрекаются на нищету. Таможенныя пошлины необходимы еще и потому, что въ мірѣ существуетъ состояніе войны. Война же создаетъ обстановку, при которой каждый народъ долженъ стремиться производить все необходимое у себя дома: иначе въ критическій моментъ враждебнаго разрыва народъ, находящійся въ экономической зависимости отъ другихъ и отъ своихъ враговъ, осуждается на гибель потерею своей народной независимости, этого высшаго блага для общества.

Итакъ, по мнѣнію протекціонистовъ, система ихъ оправдывается достиженіемъ двухъ благихъ цѣлей: развитія богатства общества и обезпеченія его независимости.

Правильность этого заключенія я разсмотрю въ отдѣльныхъ главахъ, разобравъ слѣдующія положенія:

1. Правда-ли, что народъ будетъ бѣденъ безъ особеннаго развитія промышленности?

2. Правда-ли, что промышленность не можетъ развиваться безъ протекціонизма?

3. Правда-ли, что протекціонизмъ развиваетъ промышленность?

и 4. Можетъ-ли внезапное уничтоженіе таможенныхъ пошлинъ убить промышленность?

Всѣ эти вопросы касаются перваго положенія протекціонистовъ, т. е., богатства. Затѣмъ я перейду ко второму ихъ положенію, т. е., къ народной независимости, и разсмотрю:

1. Правда-ли, что протекціонизмъ необходимъ для безопасности государства?

2. Правда ли, что свободная торговля уменьшаетъ эту безопасность?

Неравенство націй даетъ возможность болѣе развитымъ обирать менѣе развитыхъ. Протекціонисты говорятъ, что ихъ система ставитъ преграду такому обиранію и, стало-быть, оберегаетъ народные интересы. Стараясь опровергнуть ихъ теорію и съ этой точки зрѣнія, я разсмотрю въ послѣднихъ трехъ главахъ этой книги слѣдующія положенія:

1. Проходитъ-ли въ самомъ дѣлѣ промышленность чрезъ фазисъ несовершеннолѣтія, во время котораго необходима опека?

2. Основательно-ли требовать отъ потребителя во имя національной солидарности пожертвованій для поощренія промышленности?

3. Наконецъ, полезна-ли для общества народная исключительность, которая проистекаетъ отъ охранительной системы?

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Торговый балансъ.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору положеній, поставленныхъ мною во введеніи, я считаю необходимымъ посвятить нѣсколько словъ торговому балансу, на которомъ протекціонисты основываютъ большую часть своихъ аргументовъ.

Изъ послѣдняго отчета департамента таможенныхъ сборовъ видно, что въ 1887 году вывезено изъ Россіи товаровъ на 622.951,666 руб. кр. и золота и серебра въ слиткахъ, въ россійскихъ и иностранныхъ монетахъ на 21.786,324 руб. Привезено товаровъ на 399.626,528 руб., а золота и серебра въ слиткахъ и монетахъ на 6.042,498 рублей. Мы слѣдовательно выслали за-границу на 239.068,964 руб. больше товаровъ, чѣмъ сами получили оттуда.

Такъ какъ трудно допустить, чтобы русскіе были настолько великодушны или простодушны, чтобы сдѣлать такой крупный подарокъ иностранцамъ [1],

[1] Благодаря помѣшательству протекціонизма, бываютъ однако примѣры такихъ подарковъ. Такъ, согласно условію,

то надо предполагать, что они получили что-нибудь взамѣнъ товаровъ, стоющихъ 239.068,964 руб. Но что̀ же? Отчетъ департамента таможенныхъ сборовъ не даетъ ни малѣйшаго отвѣта на этотъ вопросъ.

Еслибы отчетъ департамента былъ составленъ слѣдующимъ образомъ:

	Вывезено:	Привезено:
Товаровъ черезъ таможню . . . р.	622.951,666	399.626,528
„ помимо „ . . „	000.000,000	000.000,000
Золота и сереб. черезъ таможню. „	21.786,324	6.042,498
„ „ помимо „ . „	00.000,000	00.000,000
Фонд. рус. и иностранныхъ. . . .	00.000,000	00.000,000
Кредитн. билет.	00.000,000	00.000,000
Итого. р.	000.000,000	000.000,000
Остается долга за иностранцами . р.		000,000
Балансъ . р.	000.000,000	000.000,000

Или

	Вывезено:	Привезено:
Товаровъ и проч. . . . . р.	000.000,000	000.000,000
Остается въ долгу за русскими . „	000,000	
Балансъ . р.	000.000,000	000.000,000

Еслибы при этомъ цифры рубрикъ, прибавленныхъ мною, были всѣ извѣстны, еслибы всѣ осталь-

заключенному между нашими сахаро-заводчиками (такъ-называемой нормировкѣ), рѣшено вывозить за-границу до 9 милліоновъ пудовъ сахару съ потерею не менѣе 50 коп. на пудъ. Это ежегодный подарокъ иностранцамъ въ 4.500.000 рублей. Прибавимъ къ этому, что при вывозѣ казна возвращаетъ акцизъ въ рубль сер., т. е. еще 9 милліоновъ, что доводитъ подарокъ русскаго народа до 13.500.000 р. ежегодно! Да, кромѣ того, есть еще и премія въ 80 к. на пудъ сахара, вывозимаго на Востокъ.

ныя цифры, показанныя въ отчетѣ, были несомнѣнно вѣрны, и общій итогъ тождественъ на двухъ столбцахъ, тогда можно было бы въ самомъ дѣлѣ говорить о торговомъ балансѣ. Но въ такомъ видѣ, какъ представляетъ его отчетъ таможеннаго департамента, вѣрность подлежитъ сомнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ отчетъ не принимаетъ въ соображеніе: 1) товаровъ золота и серебра, вывезенныхъ и привезенныхъ помимо таможни [1], и 2) фондовъ, кредитныхъ билетовъ и долговыхъ обязательствъ.

Всѣ эти пробѣлы въ значительной степени умаляютъ значеніе отчета таможеннаго департамента. Но, кромѣ того, есть еще и другое весьма важное обстоятельство: это—оцѣнка товаровъ. Она дѣлается всѣми таможнями очень часто совершенно произвольно. Такъ, напримѣръ, въ Англіи цѣны, на которыхъ основывались вычисленія о привозѣ до 1854 г., были установлены въ 1694 году.

Изъ вышесказаннаго явствуетъ, какъ мало можно вѣрить таможеннымъ отчетамъ почти всѣхъ государствъ. Къ сожалѣнію, всѣ экономическія мѣропріятія правительствъ основаны на этихъ ложныхъ и фантастическихъ данныхъ. Предположимъ однако, что возможно было-бы составить совершенно вѣрный отчетъ о торговлѣ какого-нибудь государства, и разсмотримъ, правда-ли, что, когда привозъ больше вывоза, то общество бѣднѣетъ.

Всякій человѣкъ старается продавать свои продукты какъ можно дороже и покупать то, что̀ ему необходимо, какъ можно дешевле; онъ старается

[1] Контрабандою, пассажирами, и проч.

дать какъ можно меньше продуктовъ своего труда и взять какъ можно больше продуктовъ труда другихъ людей. Если я могъ промѣнять вчера корову только на 6 овецъ, а сегодня на 12, я доволенъ; если, напротивъ, мнѣ предлагаютъ только 4 овецъ, то мнѣ непріятно. Другими словами: чѣмъ больше я буду привозить въ свой домъ и чѣмъ меньше вывозить изъ него, тѣмъ лучше будетъ для меня.

Обратимся теперь къ государству.

Предположимъ, что русскіе послали на 500 милліоновъ руб. товаровъ иностранцамъ; но, какъ только эти товары перешли границу, они попали въ руки разбойниковъ, которые присвоили ихъ себѣ и не дали русскимъ ничего взамѣнъ. Таможня запишетъ эту операцію такимъ образомъ:

Вывозъ	500.000,000
Привозъ	0
Превышеніе вывоза надъ привозомъ.	500.000,000

По теперешнимъ понятіямъ, это—идеалъ торговаго баланса.

Представимъ себѣ, наоборотъ, что иностранцы возымѣли желаніе быть щедрыми и подарили намъ товаровъ на 500 милліоновъ. Тогда таможня запишетъ:

Ввезено на.	500.000,000
Вывезено „	0

Россія разорилась, кричали бы протекціонисты [1]. Но едва-ли получившіе подарокъ были бы въ накладѣ.

Благодаря разнымъ мѣстнымъ условіямъ, въ Аргентинской республикѣ скотъ стоитъ въ настоящее время баснословно дешево, а машины и издѣлія, напротивъ, очень дорого. Представимъ себѣ, что какой-нибудь англичанинъ отправилъ туда машины, которыя ему стоили на родинѣ 100 ф. ст., и продалъ ихъ за 150 ф. ст.; тамъ онъ купилъ сто штукъ скота, перевезъ въ Англію и продалъ по мѣстнымъ цѣнамъ за 200 ф. ст. Таможня запишетъ эту операцію такъ:

Вывезено машинъ на	100	ф. с.
Ввезено скота „	200	„ „
Излишекъ привоза надъ вывозомъ.	100	ф. с.

Эта операція, которая дала англичанину прекрасный барышъ, считается разорительною для его отечества.

Не всѣ товары имѣютъ въ одно и то же время одинаковую цѣнность въ разныхъ мѣстахъ. Талантъ купца заключается именно въ томъ, чтобы перевезти товаръ изъ того мѣста, гдѣ его цѣнность низка, въ то, гдѣ она высока, съ цѣлью воспользоваться

[1] Еслибы Пруссія потребовала въ 1871 г. военную контрибуцію не деньгами, а товарами, то послѣдняя была бы записана французскою таможнею слѣдующимъ образомъ:

Вывозъ изъ Франціи	5 милліард.
Привозъ	0
Торговый балансъ *въ пользу Франціи*. . .	5 милліард.

разницею. Эта разница составляетъ его барышъ, и, чѣмъ она будетъ больше, тѣмъ операція для него будетъ выгоднѣе. Государство есть совокупность всѣхъ гражданъ; поэтому, если граждане дѣлаютъ выгодныя операціи, то онѣ выгодны и для государства. Слѣдовательно не излишекъ вывоза надъ привозомъ, а, наоборотъ, превышеніе привоза надъ вывозомъ служитъ доказательствомъ обогащенія общества.

Факты вполнѣ подтверждаютъ эти разсужденія. Дѣйствительно, въ самыхъ богатыхъ странахъ привозъ превышаетъ вывозъ. Такъ, въ Англіи въ 30 послѣднихъ лѣтъ, отъ 1854 до 1883 года, привоза было больше, чѣмъ вывоза на 3.478.624,000 фунтовъ, т. е., на 30 милліардовъ рублей [1]. Согласно идеямъ протекціонистовъ, Англія должна была бы обѣднѣть на эту сумму. Однако, наоборотъ, благосостояніе Англіи значительно увеличилось въ этотъ періодъ. Общее богатство Соединеннаго королевства оцѣнивалось въ 1860 году въ 6,000 милліоновъ фунт. стерлинговъ, а въ 1879 году—въ 8,800 милліон. [2]. Во Франціи въ періодъ отъ 1854 по 1886 г. привозъ превышаетъ вывозъ на 7.931.000,000 фр. Никто не станетъ утверждать, что Франція обѣднѣла въ это время. Въ Бельгіи отъ 1861 до 1886 года излишекъ привоза былъ на 5,813.000,000 фр. Бельгія однако одна изъ самыхъ богатыхъ странъ

[1] Такъ какъ здѣсь говорится объ отчетахъ тѣхъ же самыхъ таможенъ за извѣстный періодъ, то цифры, если не безусловно, то относительно, вѣрны.

[2] См. Jeans. *La suprématie de l'Angleterre.* Переводъ Бальe. Парижъ, 1887 г., стр. 460.

въ мірѣ; и хотя она имѣетъ только 6 милліоновъ жителей, она ведетъ бо̀льшую торговлю, чѣмъ Россійская имперія съ 108-милліоннымъ населеніемъ [1].

Если кто получаетъ больше товаровъ, чѣмъ самъ отпускаетъ, то или онъ беретъ ихъ въ долгъ, или получаетъ за долги. Въ свою очередь долгъ есть обязательство выдать взамѣнъ полученнаго товара другой чрезъ нѣкоторое установленное время, или постепенно, въ извѣстные сроки. Еслибы можно было въ какой нибудь день заключить торговые балансы государствъ, принимая въ соображеніе *всѣ* ихъ экономическія операціи (а не только нѣкоторыя, какъ дѣлаютъ таможенные отчеты), то всегда выходилъ бы сальдосъ то въ пользу одного государства, то въ пользу другаго. Сальдосъ этотъ заключался бы въ извѣстныхъ долговыхъ обязательствахъ.

Многіе полагаютъ, что долги разоряютъ. Но это чрезвычайно узкій взглядъ. Не долгъ разоряетъ, а употребленіе занятыхъ денегъ. Если кто-нибудь нашелъ возможность занять по 5 процентовъ капиталъ для предпріятія, приносящаго ему 6, то какая бы ни была величина его долга, для него всегда будетъ выгода, а не потеря. Долгъ поэтому не только не всегда разоряетъ, а даже можетъ служить источникомъ громаднаго богатства. Вотъ почему изъ того только, что извѣстное общество больше привозитъ, чѣмъ вывозитъ, нельзя еще заключить, что оно разоряется.

[1] Торговля Бельгіи въ 1887 г. по привозу и вывозу была въ 5.180.000,000 фр.; наша же въ 1888 году въ 1.185.000,000 р. кред. или 2.855.000,000 фр. по курсу того года.

Въ 1886 году во всѣхъ австралійскихъ колоніяхъ привозъ былъ въ 59.734,000 ф. с., а вывозъ — 45.409,000; привозъ былъ, стало-быть, больше на 14.325,000 ф. ст. (около 123 милліоновъ руб.). Развѣ можно изъ этого вывести заключеніе, что Австралія разоряется? Напротивъ, она самая богатая страна на свѣтѣ. Джинсъ разсчитываетъ, что средній доходъ англичанина равняется 35 ф. ст. въ годъ, а средній доходъ австралійца—44 фунт. [1]. Кромѣ того, богатство Австраліи растетъ съ поразительною быстротою. Въ новой странѣ, въ которой экономическая жизнь развивается нормально и быстро, избытокъ привоза даже неизбѣженъ. Онъ обозначаетъ, что капиталы находятъ тамъ выгодное помѣщеніе, что создаются новыя прибыльныя предпріятія, словомъ, что страна процвѣтаетъ и двигается впередъ. Конечно, эти страны должны уплатить капиталъ и проценты получаемыхъ авансовъ. Но если онѣ сами зарабатываютъ проценты выше платимыхъ, то выгода для нихъ несомнѣнна.

Почему въ богатыхъ странахъ съ высокою культурою привозъ всегда превышаетъ вывозъ—тоже объясняется легко. Эти страны получаютъ обратно товарами вознагражденіе за капиталы, помѣщенные у иностранцевъ [2], или за оказанныя имъ услуги. Была даже сдѣлана попытка опредѣлить, изъ какихъ источниковъ уплачиваетъ Англія разницу между привозомъ и вывозомъ.

[1] *Suprématie de l'Angleterre*, стр. 464.

[2] Въ однѣхъ американскихъ желѣзныхъ дорогахъ англичане помѣстили около 6½ милліардовъ фр.

Г. Джорджъ Мэдлэ, въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: *The reciprocity craze* („Помѣшательство взаимности“) [1], вывелъ слѣдующій разсчетъ: въ 1886 г.

привозъ въ Англію былъ . .	411.000,000	ф. с.
вывозъ изъ Англіи „ . .	286.000,000	„ „
разница. .	125.000,000	ф. с.

Она покрывалась:

полученіями за фрахты . . .	45.000,000	ф. с.
страхованіемъ	3.000,000	„ „
прибылью торговли	17.000,000	„ „
и процентами на капиталы, помѣщенные за границею . .	60.000,000	„ „

Изъ всего вышесказаннаго можно вывести слѣдовательно заключеніе, что выгоднымъ балансомъ нельзя называть, какъ думаютъ обыкновенно, превышеніе вывоза надъ привозомъ, а, наоборотъ—привоза надъ вывозомъ [2].

[1] Въ послѣднее время въ Англіи возникла школа, проповѣдующая, что безпошлинно слѣдуетъ впускать товары только тѣхъ государствъ, которыя дѣлаютъ то же самое для англійскихъ продуктовъ. Брошюра г. Мэдлэ направлена противъ этой школы.

[2] Хотя это не входитъ необходимымъ образомъ въ предметъ настоящаго труда, однако я позволю себѣ поговорить еще объ одномъ заблужденіи, весьма распространенномъ въ нашемъ обществѣ.

У насъ воображаютъ, будто торговый балансъ имѣетъ важное значеніе для поддержанія курса нашихъ бумажныхъ денегъ. Если въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, привозъ у насъ будетъ больше вывоза, то всѣ наши металлическія деньги уйдутъ за границу, и бумажки наши будутъ падать все больше и больше. Прежде всего заблуждаются тѣ, которые думаютъ, что избытокъ привоза имѣетъ послѣдствіемъ исчезновеніе золотой монеты. Въ Англіи, напримѣръ, находится въ обращеніи 111.000,000 ф. ст. золотой

монеты и 21.000,000 ф. серебряной, всего 132.600,000 ф. ст. Каждый годъ чеканятъ вновь около 3.000,000 ф. ст. золотомъ и 721,000 ф. ст. серебромъ (См. Neumann-Spalart. *Übersichten der Weltwirthschaft*. Штутгардтъ, 1887 г., стр. 419). Привозъ въ Англію только за два года, 1886 и 1887, превышаетъ вывозъ на 278.744,000 ф. ст., то есть, на сумму въ два раза больше всего металлическаго запаса страны. Такимъ образомъ въ Англіи не могло бы оставаться ни одной монеты. На дѣлѣ однако не такъ. Монета обращается въ громадномъ количествѣ.

Въ Австраліи, гдѣ также привозъ превышаетъ вывозъ, мы наблюдаемъ то же самое явленіе: золотая и серебряная монета не исчезаетъ. То же самое мы видимъ въ Бельгіи и во Франціи. И это совершенно понятно, потому что сальдосъ международной торговли между цивилизованными государствами выплачивается не монетою, а обязательствами краткосрочными (векселя, чеки и проч.), или долгосрочными (акціи, облигаціи и проч.). Поэтому, какой бы ни былъ у насъ торговый балансъ, еслибы у насъ была металлическая монета, она осталась бы у насъ дома такъ же, какъ она остается въ Англіи, Австраліи, Бельгіи и Франціи.

Слѣдующая таблица показываетъ торговый балансъ Россіи за 16 послѣднихъ лѣтъ въ металлическихъ рубляхъ и курсъ кредитнаго рубля на золото.

Года.	Привозъ.	Вывозъ.	Избытокъ привоза.	Избытокъ вывоза.	Курсъ кред. руб. на золото.
	В ъ м и л л і о н а х ъ.				
1872	346,1	264,5	81	—	84,8
1873	346,4	290,5	51	—	85,2
1874	382,9	357,7	25	—	86,9
1875	429,6	310,5	119	—	86,1
1876	358,2	306,8	52	—	80,9
1877	196.6	342,8	—	142	67,4
1878	355	379,7	—	34	63,6
1879	345,9	382,6	—	37	69
1880	378	311,4	—	67	65,3
1881	313	316,5	—	3	65
1882	326,6	372,2	—	42	69
1883	317,4	375,6	—	58	61,8
1884	307,1	347,7	—	40	63,1
1885	241,9	315,8	—	74	63,4
1886	227,7	265,8	—	38	63,3
1887	239,3	373	—	133	59,8

Какъ видитъ читатель, нѣтъ никакого соотношенія между торговымъ балансомъ и курсомъ рубля. Въ 1876 году есть излишекъ привоза на 52 милліона, и кредитный рубль стоитъ 86 к. золотомъ; въ 1887 г. излишекъ вывоза на 142 милліона, и рубль стоитъ 67 коп. Отъ 1886 по 1887 г. излишекъ растетъ почти на сто милліоновъ; рубль кредитный, по мнѣнію протекціонистовъ, долженъ бы былъ подыматься, а онъ, наоборотъ, падаетъ.

Если положить ледъ на огонь, онъ, конечно, растаетъ. Можно повторить опытъ сотни тысячъ разъ, и сотни тысячъ разъ результатъ будетъ тотъ же. Стало-быть, между теплотою и таяніемъ льда есть причинная связь. Если государство или банкъ, или частное лицо постоянно и безъ малѣйшаго замедленія выдаетъ золото взамѣнъ представленныхъ кредитныхъ знаковъ, то эти знаки ходятъ al pari. Если исполненіе обязательствъ заемщика (т. е., постоянный обмѣнъ бумаги на металлъ) отложено на неопредѣленное время, то, вообще говоря, кредитные знаки повышаются, когда увеличивается надежда на ихъ обмѣнъ, и понижаются, когда она уменьшается. Если государство или частное учрежденіе объявляетъ, что оно никогда не выдастъ никакого количества золота за эти знаки, то ихъ бросаютъ въ соръ, какъ негодный хламъ. Эти явленія могутъ повторяться сотни тысячъ разъ, и сотни тысячъ разъ они будутъ имѣть тотъ же результатъ. Поэтому связь причины и дѣйствія для курса кредитныхъ денегъ существуетъ между возможностью или невозможностью ихъ обмѣна на золото. Торговый балансъ здѣсь ни причемъ.

Правда, торговля создаетъ нѣкоторое колебаніе курсовъ, но въ весьма незначительномъ размѣрѣ, рѣдко превышающемъ 1 — 1½ процента. Когда требуется много тратъ на извѣстное мѣсто, а на рынкѣ ихъ мало, то стоимость ихъ немного увеличивается, и курсъ на то мѣсто подымается. Это явленіе бываетъ даже и при исключительномъ обращеніи металлической монеты, такъ что нельзя приписать ему тѣ страшныя колебанія, которымъ подвержены кредитные знаки.

Торговля можетъ однако вліять на курсъ бумажныхъ денегъ, но косвеннымъ образомъ. При этомъ здѣсь играетъ главную роль не столько излишекъ вывоза надъ привозомъ, сколько величина общаго итога коммерческихъ операцій. Если страна, благодаря разнымъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, увеличиваетъ свои торговые обороты, то, значитъ, заработки народа растутъ. Тогда налоги выплачиваются въ большемъ количествѣ. Чѣмъ лучше состояніе государственнаго казначейства,

тѣмъ, понятно, больше растетъ надежда, что оно выполнитъ свои обязательства по отношенію къ кредитнымъ деньгамъ. Но возможность выполнить обязательство еще не доказываетъ, что оно дѣйствительно будетъ выполнено. У насъ давно можно было бы возстановить размѣнъ бумажныхъ денегъ, еслибы хотѣли. Вотъ почему, несмотря на увеличеніе торговыхъ операцій, курсъ бумажныхъ денегъ все-таки можетъ падать. Здѣсь дѣйствуютъ многочисленныя причины, о которыхъ не мѣсто тутъ распространяться.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Можетъ ли общество быть богато безъ промышленности?

Непостоянство человѣческихъ убѣжденій приводитъ иногда къ самымъ удивительнымъ противорѣчіямъ. Такъ, въ древнемъ мірѣ, въ средніе вѣка и почти до нашихъ дней промышленность была въ небольшомъ почетѣ. „Nec enim quidquid ingenuum potest habere officina", сказалъ Цицеронъ [1]. Въ западной Европѣ, да и у насъ, аристократъ или вельможа считалъ унизительнымъ заниматься промыслами и торговлею. Въ Польшѣ въ прошломъ столѣтіи послѣдній шляхтичъ былъ того же самаго убѣжденія. Напротивъ, земледѣліе всегда считалось благороднымъ занятіемъ; люди, принадлежавшіе къ самой высшей знати, никогда имъ не пренебрегали.

У насъ, на Руси теперь полная реакція противъ этихъ старинныхъ идей: промышленность въ почетѣ, земледѣліе въ загонѣ. Для промышленности— всѣ ласки, всѣ привилегіи; для земледѣлія — всѣ строгости и всѣ налоги. Если какой-нибудь фабрикантъ сдѣлалъ улучшеніе въ своемъ производствѣ,

[1] De Officiis. I, 42.

сейчасъ ему даются награды и кресты. Если землевладѣлецъ образцово ведетъ свои дѣла, если у него десятина даетъ въ три раза больше, чѣмъ у сосѣда,—никто о немъ не заботится. Общество наше слѣдитъ теперь съ напряженнымъ вниманіемъ за успѣхами промышленности. Когда учреждается какая нибудь новая фабрика, всѣ газеты пишутъ объ этомъ; но если засѣваются прежде невоздѣланныя пространства — на это не обращаютъ никакого вниманія. У насъ господствуетъ теперь мнѣніе, что безъ промышленности общество должно обрѣтаться въ нищетѣ и что съ однимъ земледѣліемъ невозможно достичь не только богатства, но даже довольства.

Разсмотримъ, насколько это убѣжденіе выдерживаетъ критику фактовъ.

Прежде всего надо сказать, что ни земледѣліе, ни промышленность вообще не заслуживаютъ ни восхваленія, ни порицанія. Какъ говоритъ французская поговорка, il n'y a pas de sot métier; самое лучшее занятіе то, которое даетъ наибольшій доходъ съ наименьшимъ трудомъ и наименьшими затратами.

Всякая промышленность имѣетъ назначеніемъ измѣнять форму матеріаловъ: изъ льна, напримѣръ, дѣлать матеріи. Послѣдовательныя измѣненія формъ матеріаловъ требуютъ постояннаго, неослабнаго труда. Не такъ въ земледѣліи. Когда поле обработано и засѣяно, человѣкъ можетъ скрестить руки. Силы природы начинаютъ работать для него, да еще какъ работать! Въ Средней Азіи,

напримѣръ, пшеница даетъ иногда самъ-60 и самъ-100, а просо—самъ-500! Какая промышленность можетъ бороться съ такимъ производствомъ? Промышленность работаетъ только своими силами, тогда какъ для земледѣльца работаютъ и силы природы. Вотъ почему при хорошемъ урожаѣ земля даетъ такой барышъ, какого не дастъ ни одна промышленность.

Недаромъ у всѣхъ народовъ мы замѣчаемъ жадность къ землѣ. Ибо земледѣліе имѣетъ еще и то громадное преимущество передъ промышленностью, что оно требуетъ простѣйшаго инвентаря. Кромѣ того, земледѣліе не только прибыльнѣе промышленности, но оно еще несравненно пріятнѣе. Это тоже весьма важное обстоятельство.

Предубѣжденіе противъ промышленности существовало не безъ основанія. Большое количество фабричныхъ производствъ связано съ крайне непривлекательными условіями; многія изъ нихъ даже положительно вредны для здоровья, благодаря пыли, удушающимъ и вреднымъ испареніямъ или отвратительнымъ запахамъ. На многихъ большихъ заводахъ, какъ, напримѣръ, чугунно-литейныхъ, грязь, дымъ, невыносимая жара производятъ впечатлѣніе какого-то ада, изъ котораго каждый старается вырваться какъ можно скорѣе. Какая разница съ земледѣліемъ! Работа эта происходитъ среди бѣлаго дня въ живительномъ воздухѣ деревни. Сельскій рабочій живетъ въ обстановкѣ благодатной. Всегда на солнцѣ, здоровый и бодрый, онъ можетъ смотрѣть съ презрѣніемъ на несчастныхъ фабричныхъ рабочихъ,

которые проводятъ цѣлый день на душныхъ фабрикахъ.

Въ силу экономическихъ обстоятельствъ заводы скопляются въ отдѣльныхъ предмѣстьяхъ или даже составляютъ цѣлые города. Какую мрачную картину представляютъ эти промышленные центры! Кто тамъ бывалъ, тотъ никогда не забудетъ, какое они производятъ впечатлѣніе. Эти фабричные города ложатся темными пятнами на современную цивилизацію. Никто не идетъ туда для своего удовольствія. Только суровая нужда заставляетъ людей жить при такой печальной обстановкѣ. Спросите у любаго бѣднаго мужика: чего онъ хочетъ? Едва ли онъ скажетъ, что желаетъ работать на фабрикѣ. Всякій вамъ скажетъ: хочу земли! Когда нашъ народъ рѣшается покинуть свою родину, когда съ лишеніями, страданіями, терпя голодъ и холодъ, онъ отправляется въ глубь Сибири, въ Среднюю Азію или на Амуръ, чего онъ ищетъ въ этихъ отдаленныхъ мѣстахъ? Работы на фабрикахъ? Нѣтъ, земли! Когда графъ Толстой пожелалъ себя облагородить посредствомъ физическаго труда, пошелъ ли онъ работать на заводъ? Нѣтъ, онъ сталъ ходить за сохой въ чистомъ полѣ и подъ блестящимъ сводомъ небесъ!

Рѣдко кто занимается промышленностью изъ любви къ искусству. Почти всѣ фабриканты завидуютъ жизни помѣщика. Многіе бросаютъ свои заводы и покупаютъ землю. Въ награду за услуги отечеству всѣ правительства даютъ землю, а не фабрики и заводы. Иногда, несмотря на всевозможныя гоненія, нельзя заставить людей продать свои

имѣнія. Однимъ словомъ, отъ крестьянина до вельможи всѣ стремятся къ одному: пріобрѣсти *землю*. Не есть-ли это лучшее доказательство того, что занятіе земледѣліемъ несравненно пріятнѣе, чѣмъ всякая промышленность?

Итакъ, когда дѣло касается нашихъ личныхъ конкретныхъ интересовъ, мы всегда ставимъ земледѣліе выше фабричной промышленности; но, когда дѣло идетъ объ обществѣ, тогда мы переносимся въ область отвлеченій и обобщеній; мы говоримъ тогда, что промышленность выше всего на свѣтѣ, что безъ промышленности мы останемся какими-то рабами иностранцевъ. На дѣлѣ, къ счастью, совершенно наоборотъ. Тотъ царь, у кого *земля!* Тотъ народъ, который еще не истощилъ запаса свободныхъ земель, можетъ считать себя счастливѣйшимъ между счастливыми. Онъ аристократъ, онъ вельможа. Онъ можетъ смотрѣть съ состраданіемъ и съ презрѣніемъ на тѣ несчастныя государства, гдѣ половина народа живетъ въ мрачныхъ и вредныхъ фабричныхъ городахъ. Всѣ эти рабочіе—рабы того, кто владѣетъ землей.

Вмѣсто того, чтобы завидовать Франціи, Бельгіи и Англіи, мы, русскіе, можемъ величаво и горделиво поднимать наши головы. Эти народы — наши илоты. Для насъ они вѣчно готовы опускаться въ холодныя шахты, проводить весь день на душныхъ заводахъ, напрягать всѣ силы своего ума и изобрѣтательности, чтобы удовлетворить всѣмъ нашимъ прихотямъ, пока мы будемъ давать имъ то, безъ чего они не могутъ жить:

хлѣбъ и мясо. Мы отъ нихъ не зависимъ; они вполнѣ зависятъ отъ насъ. Завидовать фабричной промышленности Англіи или Бельгіи намъ положительно нечего.

Наше пристрастіе къ промышленности происходитъ отъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ политическою экономіей. Пораженные удивительнымъ развитіемъ фабричныхъ производствъ въ западной Европѣ, мы изъ патріотическихъ побужденій захотѣли завести то же у себя. Подражать Западу сдѣлалось у насъ болѣзнью. Одна только Россія можетъ выставить такой типъ, какъ г. Мальцевъ. Этотъ богатый помѣщикъ, владѣющій тысячами десятинъ земли и имѣющій громадный доходъ, учреждалъ заводы изъ любви къ искусству, а не для наживы. То ему приходило въ голову, что полезно было бы наградить Россію стекляннымъ производствомъ, то онъ считалъ лучшимъ дѣлать локомотивы и вагоны. Онъ закладывалъ свои земли и строилъ заводы, которые работали очень плохо и которые пришлось въ концѣ-концовъ закрыть. Цѣлые милліоны были выброшены совершенно напрасно. Одинъ этотъ примѣръ доказываетъ самымъ неопровержимымъ образомъ, насколько наше пристрастіе къ промышленности не основательно. Нѣтъ сомнѣнія, что, еслибы г. Мальцевъ занимался земледѣліемъ, онъ увеличилъ бы свое состояніе.

По послѣднимъ изслѣдованіямъ видно, что у насъ въ силу разныхъ мѣстныхъ условій производство стекла стоитъ на 38 проц. дороже, чѣмъ на Западѣ. Казалось бы, что изъ этого можно вы-

вести, что эта промышленность не находитъ пока у насъ благопріятной почвы и что лучше было бы отъ нея отказаться. Ничуть не бывало! Гг. протекціонисты приходятъ къ діаметрально противоположному заключенію. Они говорятъ, что надо просто установить такую пошлину, которая уравновѣшивала бы эту разницу. Такъ какъ нынѣ дѣйствующая пошлина (по 1 р. 45 к. зол. съ пуда) не достигаетъ, по ихъ мнѣнію, этой цѣли, то они предлагаютъ ее возвысить до 3 р. 20 коп. золотомъ. Какъ это просто, легко и мило! Въ этомъ прелестномъ умозаключеніи упущенъ одинъ факторъ, правда, такой незначительный, что о немъ почти не стоитъ и говорить: это — потребитель. Гг. протекціонисты ни минуты не задумались о томъ, выгодно-ли для русскаго народа платить лишнихъ 30 проц. за необходимое стекло. Впрочемъ и винить ихъ нельзя: кто думаетъ о потребителѣ? [1]. Эта безмолвная масса не только не высказывается, но даже иногда и не понимаетъ своей истинной выгоды.

Нахальство гг. фабрикантовъ поистинѣ возмутительно. Невольно задаешь себѣ вопросъ: считаютъ ли они потребителей своими соотечественниками или какимъ-то порабощеннымъ племенемъ, которое можно грабить сколько угодно? Надо полагать, что второе предположеніе правильнѣе; ибо

[1] Во всѣхъ государствахъ, когда обсуждаются перемѣны тарифовъ, всегда приглашаются фабриканты для защиты своихъ интересовъ. Но я не вижу, кого приглашаютъ для защиты интересовъ потребителей; они однако такіе же граждане, какъ и фабриканты.

гг. фабриканты воображаютъ, что они составляютъ какую-то привилегированную касту, интересамъ которой должны подчиняться и общество, и государство. Какъ только кто-нибудь изъ нихъ вздумаетъ основать заводъ, будь даже онъ и иностранецъ, поселившійся на короткое время въ Россіи, все должно повиноваться его желаніямъ. Если вновь устроенный заводъ стоитъ на самомъ невыгодномъ мѣстѣ, если фабрикантъ вздумалъ обрабатывать предметъ, для котораго надо выписывать всѣ матеріалы изъ дальнихъ странъ, если онъ наконецъ человѣкъ лѣнивый или тупоумный, если, благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, его продуктъ стоитъ на 100 процентовъ дороже, чѣмъ иностранный, то неужели всю эту разницу долженъ уплачивать народъ? Но почему же? Ради чего?

Извѣстно, что самые совершенные паровые двигатели въ наше время превращаютъ въ работу только $^1/_5$ энергіи, заключающейся въ каменномъ углѣ; $^4/_5$ пропадаетъ совершенно даромъ. Всѣ стремленія техники направлены къ тому, чтобы уменьшить эту непроизводительную потерю; и чѣмъ больше эта цѣль будетъ достигаться, тѣмъ совершеннѣе будетъ машина. Предположимъ, что передъ нами два двигателя, изъ которыхъ, при одинаковой работѣ, одинъ требуетъ 100 пудовъ угля, а другой 138. Еслибы какое-нибудь правительство запретило покупать первую машину и заставляло покупать вторую, оно разсуждало бы точно такъ, какъ разсуждаютъ наши протекціонисты по отношенію къ стекляннымъ издѣліямъ. Тѣ лишніе 38 процентовъ, которые рус-

скій народъ платитъ за свое стекло, такія же непроизводительно брошенныя деньги, какъ лишніе 38 пудовъ угля, сожигаемые машиною худшаго устройства.

Послѣднія изслѣдованія о стеклянной промышленности должны были бы привести къ формулированію слѣдующаго правильнаго заключенія: разъ доказано, что производство стекла обходится у насъ на 38% дороже, чѣмъ на Западѣ, значитъ, эта отрасль не имѣетъ пока у насъ подъ собою твердой почвы [1]. Поэтому слѣдуетъ предоставить свободу пріобрѣтать стекло за болѣе выгодную цѣну вездѣ, гдѣ только возможно.

Слѣдуя по узкой колеѣ гг. протекціонистовъ, можно было бы смѣло и серьезно разсуждать слѣдующимъ образомъ. Въ настоящее время въ Россіи не дѣлается часовъ. Но эта промышленность развивается въ Швейцаріи въ гигантскихъ размѣрахъ и приноситъ хорошіе барыши. Отчего бы не завести ее у насъ? Увеличимъ пошлину на часы съ 90 коп. и 1 р. 75 к. со штуки до 50 р., тогда и у насъ будутъ фабрики. Конечно! Эти самые швейцарцы сейчасъ же устроятъ ихъ и будутъ наживать большія деньги. Но, спраши-

[1] Вотъ что говоритъ г. Крупскій о зеркальномъ производствѣ: „Приходится основываться у насъ на выпискѣ изъ-за границы не только всякихъ обдѣлочныхъ станковъ и прочихъ орудій (какъ и матеріаловъ), но прежде всего—и самаго персонала литейныхъ мастеровъ и литейщиковъ. Въ виду такихъ обстоятельствъ надо предполагать, что къ болѣе быстрому развитію у насъ самостоятельнаго производства зеркалъ *недостаетъ основныхъ задатковъ*“ (См. Матеріалы по пересмотру тарифа. Записка о стеклянныхъ издѣліяхъ, стр. 24).

вается, будетъ-ли это полезно для русскаго народа? Теперь можно купить часы за 10—12 руб., тогда самые дешевые будутъ стоить 60 руб. Число русскихъ, имѣющихъ часы, значительно сократится и многіе изъ нашихъ соотечественниковъ будутъ лишены еще одного удобства въ жизни; болѣе же состоятельные люди, уплативъ 60 руб. за часы вмѣсто прежнихъ 10, просто потеряютъ 50 рублей.

Богатство не происходитъ отъ рода занятія, а только отъ производительности труда, т. е., отъ экономіи въ производствѣ. Существованіе въ Россіи всевозможныхъ фабрикъ, но работающихъ въ убытокъ, по сравненію съ другими странами, разорительно; а, напротивъ, производительная обработка хотя бы только нѣкоторыхъ предметовъ съ выгодою способствовала бы развитію нашего богатства [1].

Факты доказываютъ, насколько ошибочно мнѣніе, будто съ однимъ земледѣліемъ страна не можетъ достигнуть большаго богатства. Самая богатая страна на земномъ шарѣ въ настоящее время Австралія [2], страна преимущественно земледѣльческая. Если Россія бѣдна, то это совсѣмъ не потому, что у

[1] Во Франціи до 1789 г. были внутреннія таможни между отдѣльными провинціями. Это заставляло, напримѣръ, мѣстность, называемую Бри, производить вино. Теперь эта мѣстность производитъ только пшеницу, а все вино выписываетъ изъ Бургундіи. Однако Бри не только не разорилась, но напротивъ, богаче, чѣмъ была до революціи.

[2] Богатство Австраліи увеличилось между 1860 и 1882 годами приблизительно на 400 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Средній доходъ австралійца доходитъ до 44 ф. на человѣка; онъ на 17 ф. выше средняго дохода жителя Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и на 9 ф.—жителя Великобританіи (См. Jeans. *La Suprématie de l'Angleterre*, стр. 107).

насъ нѣтъ промышленности, а въ силу множества соціальныхъ условій. Прежде всего умственный и нравственный уровень нашего народа еще очень не высокъ. Образованіе вообще, и главнымъ образомъ образованіе техническое, у насъ слишкомъ мало распространено. Наши немногочисленныя гимназіи выпускаютъ молодыхъ людей рѣшительно безъ малѣйшихъ реальныхъ знаній. Понятно, что эти лица, оторванныя отъ дѣйствительности, будутъ плохими производителями. Они стремятся почти всѣ поступить на государственную службу, и всѣ неистощимыя богатства нашей земли остаются нетронутыми. Низкій уровень нравственности въ нашемъ обществѣ служитъ тоже большимъ тормазомъ къ развитію богатства. Постоянная необходимость провѣрять товары при всѣхъ пріемкахъ создаетъ массу лишнихъ расходовъ. Наконецъ общее недовѣріе другъ къ другу мѣшаетъ быстрому распространенію самыхъ совершенныхъ формъ производства посредствомъ большихъ акціонерныхъ капиталовъ. Даже чеки, эта столь упрощенная форма платежа, примѣняются у насъ еще мало. Мы бѣдны потому, что не умѣемъ пользоваться громадными природными богатствами нашего отечества. Земледѣліе наше находится еще въ первобытномъ состояніи. Поля въ Англіи даютъ въ шесть разъ больше продуктовъ, чѣмъ въ Россіи. Изъ Новой Зеландіи снабжаютъ Англію мясомъ, а мы не сумѣли еще этого сдѣлать изъ Риги и Петербурга [1].

[1] Въ 1887 г. перевезено изъ Новой Зеландіи въ Англію 2.600,000 овецъ, искусственно замороженныхъ.

Страна, гдѣ землю обрабатываютъ самымъ усовершенствованнымъ способомъ, гдѣ скотоводство достигаетъ большихъ размѣровъ, гдѣ правильно эксплуатируютъ лѣса, гдѣ извлекается доходъ изъ всѣхъ горныхъ промысловъ — желѣза, мѣди, угля, соли, ртути и проч. и проч.,—такая страна можетъ обладать самыми громадными богатствами и самымъ широкимъ благосостояніемъ, безъ особеннаго развитія промышленности. А какая страна на земномъ шарѣ могла бы лучше другихъ вести такую экономическую политику, какъ не Россія! Природа наградила нашу родину такими неисчерпаемыми богатствами, что мы пользуемся только незначительною ихъ частью и многихъ не успѣли даже изслѣдовать.

Если въ странѣ произведенія земледѣлія дешевы, и дешевы также произведенія промышленности, то понятно, что въ ней благосостояніе достигнетъ возможнаго максимума. Для того же, чтобы фабричные продукты были дешевы, надо ихъ пріобрѣтать тамъ, гдѣ они обрабатываются съ наибольшею экономіей.

Если спросъ на англійскія издѣлія, напримѣръ, будетъ рости въ Россіи, то ихъ производство будетъ рости въ Англіи, и число промышленниковъ будетъ увеличиваться въ той странѣ. Для этого необходимо, или чтобы люди, которые тамъ занимались раньше земледѣліемъ, стали заниматься мануфактурами, или чтобы народонаселеніе увеличилось въ Англіи иммиграціею или избыткомъ рождаемости надъ смертностью. Во всѣхъ случаяхъ Англія будетъ требовать больше съѣстныхъ продуктовъ. Цѣны на эти

предметы будутъ подниматься, и русскіе будутъ этимъ пользоваться. Выгода, очевидно, обоюдная.

Странная вещь! Никто не отрицаетъ благотворныхъ послѣдствій раздѣленія труда, пока оно происходитъ въ предѣлахъ государства. Но многіе отрицаютъ пользу этого благотворнаго и законнаго принципа, когда вопросъ переходитъ на международныя отношенія. На дѣлѣ однако политическія границы такъ же мало измѣняютъ сущность законовъ экономическихъ, какъ законовъ химіи или механики.

Изъ всего вышесказаннаго можно заключить, мнѣ кажется, что народы могутъ быть очень богаты даже безъ особеннаго развитія мѣстной фабричной или обрабатывающей промышленности.

Говорятъ, что фабричная промышленность необходима въ Россіи вслѣдствіе спеціальныхъ условій нашего отечества. Благодаря нашему суровому климату, земледѣльцы, составляющіе большинство народа, лишены возможности исполнять свои работы въ теченіе шести зимнихъ мѣсяцевъ, и въ это время они могли бы прилагать свой трудъ къ прибыльнымъ занятіямъ на фабрикахъ.

Такое мнѣніе показываетъ поразительное незнаніе условій промышленности, и приходится только удивляться, когда его высказываютъ серьезные люди и администраторы.

По изслѣдованіямъ г-на Фовиля видно, что въ настоящее время во Франціи перемѣщеніе километрической тонны [1] человѣческими мускулами (стало-

[1] Терминъ, аналогичный нашей пудо-верстѣ.

быть, безъ малѣйшихъ приспособленій) обходится въ 10 фр., а желѣзной дорогой—6 сант., или въ 166 разъ меньше. Такое сравненіе можно вывести для всѣхъ фабричныхъ производствъ, причемъ удешевленіе продукта, ceteris paribus, прогрессируетъ со введеніемъ въ употребленіе болѣе разнообразныхъ и усовершенствованныхъ, а слѣдовательно и дорогихъ машинъ, увеличивающихъ основной капиталъ предпріятія [1]. Вотъ почему современная промышленность все болѣе и болѣе сосредоточивается въ громадныхъ заводахъ. Но понятно, что чѣмъ значительнѣе основной капиталъ, тѣмъ убыточнѣе всякая остановка въ работѣ. Всѣ фабриканты, а также и русскіе, стремятся работать круглый годъ, а въ нѣкоторыхъ производствахъ—и день и ночь [2]. Ясно, что заводы, работающіе 290 дней [3], будутъ приносить больше процентовъ, чѣмъ работающіе только 145 дней. А потому, несмотря на всевозможныя пошлины, въ силу экономическихъ законовъ, при малѣйшемъ развитіи нашей промышленности, первые заводы вытѣснятъ вторые.

Идея, что фабрики могутъ работать у насъ только шесть мѣсяцевъ въ году, не выдерживаетъ слѣдовательно критики фактовъ.

Говорятъ также, что земледѣлецъ нашъ, не имѣя

[1] Такъ, если желѣзная дорога устроена хорошо (два пути, большіе радіусы, малые подъёмы, значительный подвижной составъ, совершенная сигнализація и проч.), перевозка грузовъ обходится дешево. Но всѣ эти качества, конечно, стоятъ денегъ.

[2] Это уже исполняется на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ.

[3] Съ нашими многочисленными праздниками выходитъ не больше рабочихъ дней въ году.

болѣе возможности бороться съ иностранной конкуренціей, долженъ работать въ убытокъ и что поэтому надо приниматься за промышленныя предпріятія. Вопервыхъ, это невыгодное положеніе нашего земледѣльца еще далеко не доказано; напротивъ, изслѣдованія послѣдняго времени показали, что нашъ хлѣбъ съ доставкою въ Лондонъ обходится 2 коп. на пудъ дешевле индійскаго и 8 коп. дешевле американскаго. Но положимъ даже, что существованіе факта невыгодной конкуренціи справедливо. Какая этому причина? Очевидно, не естественныя условія нашего отечества. Пшеница наша по природнымъ своимъ качествамъ лучше всякой другой. Если земледѣліе не даетъ у насъ хорошихъ барышей, то это происходитъ оттого, что хозяйство ведется у насъ самымъ первобытнымъ образомъ, и оттого, что торговля у насъ очень плохо организована,—словомъ, во многомъ виновны не столько естественныя условія страны, сколько люди.

Въ силу какого же чудеснаго явленія можно ожидать, чтобы эти люди, проявившіе такъ мало способностей въ земледѣліи, вдругъ проявятъ самыя удивительныя дарованія въ промышленности? Вѣдь фабричное дѣло несравненно сложнѣе: оно требуетъ гораздо больше энергіи, творчества и знаній, чѣмъ обработка полей. Какія данныя доказываютъ, что промышленность будетъ больше процвѣтать у насъ, чѣмъ теперь земледѣліе?

Протекціонисты отвѣтятъ: „Неумѣлость вести дѣло сводится на дороговизну продуктовъ. Такъ какъ мы можемъ увеличивать пошлины по нашему

усмотрѣнію, то, какъ бы ни былъ дорогъ русскій продуктъ, мы все-таки можемъ ему обезпечить внутренній рынокъ". Согласенъ; но посмотримъ на общій результатъ этой политики.

Не подлежитъ сомнѣнію, что какъ бы промышленность ни поощрялась, русскіе не бросятъ поголовно своихъ полей для фабрикъ. Страна безъ земледѣлія можетъ существовать только въ области чистѣйшей фантазіи. Не только всѣ русскіе не бросятъ своихъ плодородныхъ полей, но большинство будетъ все-таки ихъ обрабатывать.

Мы не можемъ установить цѣнъ по нашему желанію на вывозимые предметы: онѣ зависятъ отъ международнаго рынка. Мы можемъ только увеличивать стоимость привозимыхъ товаровъ посредствомъ таможенныхъ тарифовъ. Не будь пошлины, сахаръ стоилъ бы у насъ не болѣе двухъ рублей. Стало-быть, за пудъ пшеницы можно было бы пріобрѣсти 20 ф. сахару. Но, благодаря пошлинѣ, сахаръ стоитъ три рубля (не считая акциза); поэтому за пудъ пшеницы можно получить только 13 ф. сахару. Если мы обобщимъ это сравненіе и распространимъ его на другія отрасли промышленности, окажется, что, благодаря протекціонизму, громадное большинство русскихъ будетъ поставлено въ необходимость давать много земледѣльческихъ продуктовъ и получать мало мануфактурныхъ. При такихъ условіяхъ обмѣна, количество полезныхъ предметовъ, находящихся въ распоряженіи русскаго народа, будетъ несомнѣнно меньше, т. е онъ будетъ бѣднѣе.

Обращаю вниманіе читателя еще на одинъ весьма важный фактъ. Земледѣлецъ можетъ прокормить самъ себя. Многіе мужики у насъ почти ничего не покупаютъ,—у нихъ есть все свое. Промышленникъ не можетъ этого сдѣлать. Если завтра число сапожниковъ учетверится въ Россіи, они будутъ умирать съ голоду. Число промышленниковъ во всякомъ обществѣ не можетъ превышать извѣстной нормы всего населенія, въ зависимости отъ его экономическаго развитія. Наоборотъ, *пока есть земля*, число земледѣльцевъ можетъ расти въ значительной мѣрѣ, безъ ущерба другъ для друга. Земледѣльцы составляютъ какъ бы основу общества. У насъ земли, сколько угодно. Если только считать одну треть территоріи нашего отечества удобною для земледѣлія и если предположить, что она будетъ имѣть только 50 человѣкъ на квадратную версту [1], населеніе Россіи достигло бы 315-ти милліоновъ человѣкъ. Конечно, болѣе трети русской территоріи годно для хлѣбопашества. Я нарочно уменьшаю цифры. Если же практиковать болѣе усовершенствованное земледѣліе, эта территорія могла бы легко прокормить сто душъ на квадратную версту, и населеніе дошло бы у насъ до 630 милліоновъ.

Способствуя колонизаціи плодороднѣйшихъ территорій, одна сибирская желѣзная дорога принесла бы во сто разъ больше пользы, чѣмъ всевозможные фабрики, заводы и таможенные тарифы. Мы ведемъ

[1] Въ Бельгіи 200; въ Италіи, гдѣ нѣтъ особеннаго развитія промышленности, 103, въ Японіи 100.

самую нецѣлесообразную политику. Главная забота наша должна была бы состоять не въ искусственномъ поддержаніи чахлыхъ отраслей нашей промышленности, а въ скорѣйшемъ заселеніи нашего громаднаго и пустыннаго отечества.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Можетъ-ли промышленность развиваться безъ протекціонизма?

Если у владѣльца имѣнія, приносящаго хорошій доходъ, есть еще и фабрика, дающая большіе барыши, то понятно, что онъ будетъ богаче, чѣмъ тотъ, у кого только одно имѣніе. Само собою разумѣется, что если какая-нибудь страна будетъ имѣть самое усовершенствованное земледѣліе, да еще кромѣ того очень развившуюся промышленность, она будетъ богаче, чѣмъ еслибы она занималась только земледѣліемъ.

Развитіе промышленности весьма желательно. Въ этомъ протекціонисты совершенно правы. Гораздо удобнѣе имѣть подъ рукой всѣ необходимые продукты, чѣмъ выписывать ихъ изъ дальнихъ странъ. Это избавляетъ отъ скучной переписки, отъ излишней потери времени, отъ разныхъ ошибокъ и недоразумѣній, отъ упаковки и перевозки, отъ порчи и пропажи товаровъ, словомъ, отъ массы непроизводительныхъ расходовъ.

Да, очень желательно для всякой страны имѣть

развитую промышленность. До сихъ поръ мы идемъ рука объ руку съ гг. протекціонистами. Но, говорятъ они, если вы хотите, чтобы промышленность развилась, надо сначала оказать ей нѣкоторую поддержку. Молодому дубку дается подпора. Или они дѣлаютъ еще другое любимое сравненіе. Когда мы переносимъ растеніе на новую почву, его надо сначала подержать въ теплицѣ (охранительныя пошлины), и, только когда оно окрѣпнетъ, когда оно аклиматизируется, его можно уже сажать на открытомъ воздухѣ. Посмотрите на англичанъ, говорятъ протекціонисты, еще въ XVII вѣкѣ, при Кромвелѣ, они издали самые строгіе охранительные законы для своего флота: теперь онъ первый въ мірѣ; въ настоящее время онъ, конечно, уже не нуждается въ покровительствѣ. Словомъ, протекціонисты утверждаютъ, что промышленность не можетъ водвориться въ какой-нибудь странѣ, если она не будетъ въ теченіе нѣкотораго времени охраняема покровительственными пошлинами.

Мы здѣсь окончательно расходимся съ протекціонистами, придерживаясь совершенно противоположнаго мнѣнія. Мы постараемся доказать, что, наоборотъ, промышленность прекрасно *развивается безъ охранительныхъ пошлинъ*.

Никакое цивилизованное общество не можетъ обойтись безъ портныхъ, сапожниковъ, кузнецовъ, слесарей и проч. и проч. Съ другой стороны, при самомъ лучшемъ желаніи трудно, напримѣръ, привозить готовые каменные дома изъ-за границы. Отсюда цѣлая новая отрасль ремеслъ: каменьщики, шту-

катуры, плотники, столяры и проч. и проч. Дороги тоже надо дѣлать на мѣстѣ, и вотъ являются чернорабочіе, каменотесы, мостовщики, инженеры и проч. Наконецъ, если въ странѣ есть минеральныя богатства, которыя извлекаются изъ нѣдръ земли, то необходимы рудокопы; если есть лѣса—пильщики и проч. Для того чтобы управлять всѣми этими предпріятіями, нужны подрядчики, архитектора, инженеры, химики и техники всякаго рода.

Въ странѣ, гдѣ никто никогда не подозрѣвалъ о существованіи таможенныхъ пошлинъ, всѣ вышесказанныя спеціальности должны все-таки возникнуть неминуемо. Рядомъ съ земледѣліемъ, въ силу самихъ законовъ природы, должны будутъ существовать многочисленныя ремесла, которыя никакая конкуренція въ мірѣ не въ состояніи уничтожить.

Поэтическія сравненія промышленности съ растеніемъ очень милы, но, къ сожалѣнію, они не что иное, какъ риторскіе пріемы.

Дѣло въ томъ, что каждая мастерская ремесленника—зародышъ фабрики. Фридрихъ Крупъ самъ билъ молотомъ на наковальнѣ. Теперь его скромная кузница, послѣ трехъ поколѣній, превратилась въ одинъ изъ самыхъ колоссальныхъ заводовъ земнаго шара.

Посмотримъ ближе на работу какого-нибудь ремесленника, положимъ, слесаря. Онъ можетъ начать самымъ скромнымъ образомъ: открывать замки, отъ которыхъ потеряны ключи. Необходимые инструменты для этого дѣла онъ носитъ при себѣ.

Затѣмъ онъ начинаетъ чинить замки: ему нуженъ уже станокъ и нѣсколько незначительныхъ инструментовъ, которыми онъ можетъ уже дѣлать небольшія вещи — крючокъ, петлю и проч. Если число этихъ работъ увеличивается, слесарь можетъ обзавестись нѣкоторыми машинами: пріобрѣсти сверлильный станокъ, затѣмъ точильный и проч. Тогда онъ можетъ уже предпринимать болѣе сложныя работы, — дѣлать, напримѣръ, перила для лѣстницъ, рѣшетки и множество другихъ вещей, необходимыхъ при постройкахъ, которыя гораздо удобнѣе дѣлать на мѣстѣ. Нашъ слесарь ведетъ дѣла хорошо; заказы все увеличиваются. Вотъ онъ чувствуетъ необходимость поставить паровой двигатель. Тогда его мастерская начинаетъ уже принимать характеръ небольшаго завода. Онъ видитъ, что открылся большой спросъ на какой-нибудь предметъ, положимъ, на петли, и узнаетъ, что изобрѣтена новая усовершенствованная машина, которая выдѣлываетъ по тысячѣ петель въ день при надзорѣ одного рабочаго. Онъ высчитываетъ, сколько ему будетъ стоить матеріалъ этой петли, во что ему обойдутся паровой двигатель, рабочіе, общіе расходы производства, — и видитъ, положимъ, что эта петля обойдется ему въ 20 к.; на мѣстѣ же она продается, положимъ, по 30 к. Онъ выписываетъ машину. Здѣсь онъ уже не боится никакой иностранной конкуренціи, ибо онъ тогда только завелъ новое производство, когда убѣдился, что оно будетъ прибыльно. Разъ спеціальная машина пущена въ ходъ, ему нѣтъ разсчета, чтобы она стояла даромъ, и онъ заставляетъ

ее работать цѣлый день. Продукты, которые она производитъ, онъ складываетъ въ свой магазинъ, не заботясь уже о томъ, есть-ли у него заказы на этотъ предметъ, или нѣтъ. Нашъ слесарь входитъ тогда въ фазисъ фабричной промышленности [1].

Я спрашиваю теперь у читателя: въ какой моментъ прогрессивнаго и естественнаго развитія мастерской нашего слесаря необходима ему охранительная пошлина? Можно утвердительно отвѣтить — ни въ какой! Переходъ отъ ремесла къ фабричной дѣятельности дѣлается совершенно незамѣтно. Если смотрѣть на дѣйствительные факты, то необходимость въ протекціонизмѣ исчезаетъ, какъ призракъ.

Примѣръ этого слесаря можно примѣнить ко всѣмъ другимъ ремесламъ. Портной можетъ превратиться въ фабриканта готоваго платья, столяръ въ фабриканта мебели и проч. Такимъ же образомъ и каждый подрядчикъ можетъ пройти по тѣмъ же фазисамъ. Для постройки одного дома пришлось ломать камень. Сначала это дѣлали самыми первобытными инструментами. Но спросъ на камень увеличивается, является предприниматель, который вы-

[1] Извѣстно, что промышленность проходитъ двѣ стадіи: въ первой работается только по заказу; нѣтъ заказовъ — работа прекращается. Это фазисъ, который можно назвать ремесленнымъ. Затѣмъ, когда техника совершенствуется, когда для выдѣлки отдѣльнаго предмета употребляются сложныя и дорого стоющія машины, нѣтъ никакого разсчета останавливать ихъ движеніе. Тогда фабрикантъ работаетъ на нихъ круглый годъ даже безъ опредѣленныхъ заказовъ. Этотъ второй фазисъ можно назвать фабричнымъ.

писываетъ машины для облегченія труда, и мало-по-малу эта каменоломня можетъ возрасти до громаднаго предпріятія съ милліонными приспособленіями.

Есть еще одна причина, которая неизбѣжно вызываетъ развитіе промышленности. Сырые продукты, требующіе для сбыта перемѣщенія на болѣе или менѣе отдаленные рынки, выгоднѣе перевозить въ полуобработанномъ видѣ, для чего необходима извѣстная подготовка, создающая въ концѣ-концовъ большіе заводы внѣ всякой конкуренціи.

Извѣстно, что наша пенька главнымъ образомъ вывозится за-границу въ полуобработанномъ видѣ, а въ меньшемъ количествѣ — въ видѣ уже спряденныхъ нитокъ. Ручное пряденіе стоитъ гораздо дороже машиннаго. Если же у насъ завести кардy для очистки пакли, а затѣмъ и прядильные станки— можно создать громадное заведеніе, которое не будетъ бояться никакой конкуренціи. То же можно сказать и относительно льна, кожъ, зерна, обращеннаго въ муку, и т. д.

Я спрашиваю опять у читателя: въ какой моментъ потребуется покровительство фабрикантамъ, обрабатывающимъ мѣстные продукты? Отвѣтъ будетъ тотъ же самый: ни въ какой! Всѣ отрасли промышленности, которыя возникаютъ *въ силу естественныхъ экономическихъ условій*, ни въ какое время не нуждаются въ охранительныхъ пошлинахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, никогда свободная торговля нигдѣ не служила препятствіемъ возникновенію но-

выхъ фабрикъ. Доказательствъ—безконечное число. Приведу здѣсь только два, чтобы не утомлять напрасно читателя.

Когда Россія завоевала теперешній Новороссійскій край, онъ едва имѣлъ 90,000 жителей. О промышленности не могло быть и рѣчи въ этой странѣ, гдѣ почти даже не было людей. Въ то же самое время центральная Россія имѣла уже, относительно говоря, довольно развитую промышленность. На фабрикахъ Тульской, Московской и Петербургской губерній обрабатывалось тогда не мало продуктовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы завоевали Новороссію, никогда не существовало таможенныхъ преградъ между этимъ краемъ и центральною Россіей. Несмотря на то, одна Херсонская губернія производитъ уже теперь на 30.000,000 руб. разныхъ продуктовъ, что составляетъ приблизительно пятую часть производства Московской губерніи и на семь милліоновъ рублей превышаетъ производство Тульской. Читатель видитъ, что свободная торговля между Московской и Херсонской губерніями не воспрепятствовала возникновенію и процвѣтанію промышленности въ этой послѣдней.

То же самое случилось въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Еще въ началѣ нашего столѣтія западная часть Пенсильваніи и территорія, гдѣ возникли впослѣдствіи штаты Огайо, Индіана и Иллинойсъ, составляли пустынные безконечные луга, куда изрѣдка заходилъ европеецъ. Въ то время штаты, лежавшіе у береговъ Атлантическаго океана, были уже заселены довольно густо и обладали промышленными

заведеніями, производительность которыхъ достигала въ 1810 году до 198 милліоновъ долларовъ [1].

Наши протекціонисты утверждаютъ, напримѣръ, что Россія не можетъ конкурировать съ Франціей. Общая производительность французской промышленности достигала въ 1874 г. 13-ти милліардовъ фр. [2]; наша же была тогда оцѣнена Бушеномъ въ 872 милліона руб., т. е. около 3 милліардовъ франковъ (точно 2.952.000,000 ф. Средній курсъ 1874 г. былъ 350 ф. за 100 руб.). Французское производство относилось къ нашему какъ 4,3 къ 1, тогда какъ производство атлантическихъ штатовъ относилось къ производству западныхъ, какъ 198.000,000 къ 0. Никогда не было устанавливаемо никакихъ пошлинъ между Массачусетсомъ, Нью-Іоркомъ и Родъ-Айландомъ съ одной стороны и Пенсильваніей, Огайо, Индіаной и Иллинойсомъ съ другой. Однако, несмотря на неравенство силъ, гораздо большее чѣмъ между французами и нами, промышленность развилась во всѣхъ этихъ штатахъ. Они покрылись всевозможными фабриками. Въ одной только Пенсильваніи капиталы, помѣщенные въ промышленныхъ заведеніяхъ, въ 1880 году достигли 474 милліоновъ долларовъ, тогда какъ въ Массачусетсѣ они не превышали 303 милліоновъ долларовъ. Какъ видно, промышленность старыхъ шта-

[1] Около 346 милліоновъ рублей, то-есть почти $^1/_3$ того, что производятъ теперь всѣ фабрики въ Россіи. (См. C. Vogel. *le Monde Terrestre*. Парижъ, 1884 г., томъ III, часть 3, стр. 170).

[2] См. E. Reclus. *Nouvelle Géographie Universelle*. Парижъ, 1877 г., томъ III, стр. 867.

товъ не помѣшала развитію промышленности въ новыхъ. Скажутъ, быть можетъ, что центральные штаты обрабатываютъ другіе продукты, чѣмъ атлантическіе. Вопервыхъ, въ этомъ нѣтъ никакого вреда, и, вѣроятно, Сѣверная Америка отъ этого ничего не теряетъ. Но все-таки можно привести доказательство, что тождественныя промышленности могутъ возникать въ новыхъ мѣстахъ безъ покровительственныхъ пошлинъ.

Извѣстно, что бумагопрядильное производство въ Сѣверной Америкѣ сосредоточилось въ штатахъ такъ называемой Новой Англіи, т. е., главнымъ образомъ въ Конектикутѣ, Родъ-Айландѣ и въ Массачусетсѣ. Въ 1868 году тамъ было 664 бумагопрядильныя фабрики съ 6.360,000 веретенами, тогда какъ въ то же время въ южныхъ штатахъ (двѣ Каролины, Георгія, Алабама и проч.) было только 86 фабрикъ съ 225,000 веретенами. Несоразмѣрность громадная [1]. Казалось бы, что штаты Новой Англіи должны были подавить въ зародышѣ всякую попытку возникновенія бумагопрядильной промышленности въ какой-либо другой части союза. Однако на дѣлѣ вышло не такъ. Несмотря на отсутствіе таможенъ, бумагопрядильная промышленность дѣлаетъ постоянные успѣхи въ южныхъ штатахъ. Съ 1880 до 1888 года число фабрикъ воз-

[1] Она больше, чѣмъ та, которая существуетъ между англійскою и русскою промышленностью. Въ 1885 г. было въ Англіи 42.000,000 веретенъ, а у насъ 4.400,000 (см. Scherzer. *Das wirthschaftliche Leben der Völker*. Лейпцигъ, 1885 г., стр. 215).

расло тамъ отъ 179 до 300, а производство отъ 21.000,000 до 43.000,000 [1].

Могутъ возразить, что мой примѣръ неудачный; что американцы южныхъ штатовъ народъ энергичный и предпріимчивый, способный на самыя большія усилія, который можетъ обойтись безъ покровительства; но народы болѣе слабые, менѣе цивилизованные, гдѣ запасъ знанія и капиталовъ гораздо меньше, не могутъ бороться съ болѣе передовыми. Прекрасно. Перенесемся и на эту почву. Никто не станетъ отрицать, что Индія ниже Англіи какъ въ отношеніи умственнаго развитія, такъ и въ отношеніи техническихъ усовершенствованій. Англичане установили въ Индіи полнѣйшую свободу торговли; они отмѣнили рѣшительно всѣ привозныя пошлины [2]: тѣмъ не менѣе фабричная промышленность развивается въ Индіи. Тамъ въ одной бомбейской провинціи уже 87 бумагопрядильныхъ фабрикъ съ 1.964,000 веретенами. Въ настоящее время строятся 12 фабрикъ

[1] См. *Revue des deux mondes* отъ 1 февраля 1889 года стр. 654. Причина этого явленія объясняется самымъ элементарнымъ образомъ. Заводы Новой Англіи не уничтожаютъ заводовъ южныхъ штатовъ по той простой причинѣ, что работа есть какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ. Новые заводы возникаютъ по мѣрѣ потребности, а потребность эта растетъ ежедневно въ Америкѣ.

[2] Этотъ фактъ даже часто приводится у насъ въ доказательство того, какъ безпощадно и безстыдно англичане выжимаютъ послѣдніе соки изъ Индіи. Для того, чтобы оказать покровительство манчестерскому ситцевому производству, англичане уничтожили всякую пошлину на этотъ товаръ и такимъ образомъ убили все индійское мѣстное производство. Бѣдные туземцы живутъ теперь въ самой страшной нищетѣ, благодаря хищнымъ бриттамъ.

съ 250,000 веретенами [1]. Въ 1889 году число веретенъ во всей Индіи доходило до 1.750,000 ($^2/_5$ того, что у насъ) [2]. Фабрики въ Индіи были учреждены самими англичанами. Вовсе не заботясь о томъ, будетъ-ли это вредно или полезно для Манчестера, когда они увидѣли, что въ Индіи можно зарабатывать хорошія деньги бумагопрядильной промышленностью, они пустились въ это предпріятіе [3]. Нѣкоторые туземцы, видя примѣръ, стали имъ подражать, и, очевидно, отрасль эта дѣлаетъ быстрые успѣхи безъ охранительныхъ пошлинъ.

Еслибы пошлины содѣйствовали развитію промышленности, то при каждомъ ихъ уменьшеніи промышленность должна была бы падать. Посмотримъ, подтверждаютъ ли факты это умозаключеніе.

Извѣстно, что нашъ тарифъ 1857 года былъ довольно либеральнаго характера. По 59 статьямъ товары пропускались совершенно безпошлинно. Эти статьи обнимали всѣ предметы, необходимые для промышленности, какъ въ видѣ сырыхъ матеріаловъ,

[1] См. *Bulletin financier international de Rome* отъ 9 февраля 1889 года.

[2] См. Scherzer. *Das wirthschaftliche Leben.* стр. 215.

[3] Извѣстно, что нѣкоторые протекціонисты, какъ, напримѣръ, Фридрихъ Листъ, приписываютъ Англіи самые коварные замыслы. Они говорятъ, что англичане доходили даже до того, что продавали свои товары въ убытокъ, чтобы уничтожить фабрики на континентѣ и затѣмъ наверстать потерянное съ барышемъ. Вышеприведенные факты о бумагопрядильныхъ фабрикахъ въ Индіи показываютъ всю неосновательность этой клеветы. Въ дѣйствительности, въ Англіи дѣлается то, что во всѣхъ другихъ странахъ: каждый человѣкъ заботится о своемъ собственномъ благѣ.

такъ и въ видѣ механическихъ приспособленій: хлопокъ, всѣ металлы, уголь, всякія машины, суда и проч. пропускались совершенно свободно. Этотъ тарифъ съ значительными измѣненіями дѣйствовалъ почти до конца прошлаго царствованія. Можно-ли однако доказать, что русская промышленность перестала развиваться, начиная съ 1857 года. Всѣ статистическія свѣдѣнія доказываютъ, наоборотъ, что она дѣлала постоянные успѣхи. Такъ въ 1866 году въ Россіи было 23,751 фабрика съ производствомъ въ 500 милліоновъ руб. [1], а въ 1884 году—83,182 фабрики съ производствомъ 1.306.862,489 руб. [2].

Вышеприведенные факты и цифры доказываютъ, что отсутствіе охранительныхъ пошлинъ не мѣшаетъ развитію многихъ отраслей промышленности. Нормальный ходъ этого развитія тождественъ съ ходомъ земледѣлія. Когда колонизуется новая страна, самы лучшія земли занимаются прежде другихъ. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ увеличивается населеніе, земли худшаго качества тоже начинаютъ обрабатываться. Можетъ дойти до того, что, какъ въ настоящее время въ Бельгіи, не пропадетъ даромъ ни одной пяди удобной земли. То же самое бываетъ и съ промышленностью. Сначала она является въ видѣ самыхъ необходимыхъ ремеслъ, затѣмъ начинаютъ производить самые прибыльные продукты. Но именно потому, что страна богатѣетъ, количество капиталовъ увеличивается и нормальный процентъ, кото-

[1] См. Павловъ. *Сравнительная статистика Россіи.* С.-Петербургъ, 1871 г., стр. 133.

[2] См. Сборникъ Центральнаго Статистическаго Комитета за 1884—1885 г., стр. 139.

раго они требуютъ, дѣлается меньше. Отрасли промышленности, считавшіяся раньше недостаточно доходными (какъ земли худшаго качества), начинаютъ привлекать охотниковъ. Нѣтъ никакой надобности въ протекціонизмѣ, для того чтобы достигнуть этого положенія. Оно совершается въ силу естественныхъ законовъ природы.

Но есть дѣйствительно производства, которыя свободная торговля уничтожаетъ безпощадно. Это всѣ тѣ, которыя не приспособлены къ окружающей средѣ. Еслибы, напримѣръ, захотѣли теперь дѣлать карманные часы въ Россіи, то, безъ сомнѣнія, при отсутствіи охранительныхъ пошлинъ, промышленность эта была бы задавлена иностранною конкуренціею. Свободная торговля уничтожаетъ во всѣхъ странахъ тѣ отрасли промышленности, которыя не могли бы водвориться тамъ безъ излишней расточительности экономическихъ силъ. Можно-ли это назвать зломъ? Напротивъ, еслибы свободная торговля не оказывала другой услуги человѣчеству, то и тогда она была бы большимъ благодѣяніемъ. Уменьшать всякую непроизводительную затрату силъ— это самая сущность, какъ біологическаго, такъ и соціальнаго прогресса. Нѣкоторыя рыбы должны снести до трехъ милліоновъ яицъ, для того чтобы обезпечить продолженіе своего рода. Человѣкъ достигаетъ этой цѣли единичными рожденіями. Первыя паровыя машины жгли до двадцати ф. на силу въ часъ, теперь онѣ жгутъ только два [1].

[1] См. *R. H. Thurston.* Histoire de la machine à vapeur. Парижъ, 1880 г. Томъ II, стр. 247.

Цѣль всѣхъ нашихъ стремленій заключается въ уменьшеніи расходовъ производства (то есть, въ пріобрѣтеніи наибольшаго благосостоянія съ наименьшимъ трудомъ), или въ экономіи. Свободная торговля способствуетъ достиженію этой цѣли лучше всякихъ другихъ пріемовъ, безпощадно искореняя всякую промышленность безъ задатковъ жизненности, т. е., непроизводительную при извѣстной обстановкѣ и въ данное время.

У насъ въ послѣднее время помѣшались на угольномъ дѣлѣ. Чтобы подвинуть впередъ добываніе минеральнаго топлива въ Донецкомъ краѣ, мы несемъ не малыя жертвы. На иностранный уголь наложили громадныя пошлины (въ южныхъ портахъ Россіи онѣ доходили иногда до 50 процентовъ его стоимости). Но это не помогло. Нашего угля не хватило даже для ближайшихъ рынковъ, и въ 1887 г. страшный угольный кризисъ разразился на югѣ Россіи. Отчего русскія копи не доставили достаточно угля? Стоитъ только поближе посмотрѣть на дѣло, и это станетъ совершенно понятнымъ. Угля у насъ мало потому, что „мѣстные крестьяне въ южной Россіи въ значительной мѣрѣ обезпечены; всякій имѣетъ достаточное пространство земли, воловъ или лошадей, возы и арбы; многіе изъ нихъ, имѣющіе надобность въ подсобномъ промыслѣ для жизни, занимаются извозомъ, уклоняясь отъ шахтовыхъ работъ. Съ другой стороны, углепромышленники, желая получить возможно больше барыша съ наименьшею затратою капитала, не сдѣлали до-

селѣ никакихъ машинныхъ приспособленій для обезпеченія добычи угля“ [1].

Итакъ видно, что угольная промышленность не развивается у насъ потому, что жители тѣхъ мѣстностей, гдѣ находится уголь, имѣютъ болѣе прибыльныя занятія. Заставить этихъ жителей отказаться отъ земледѣлія, гдѣ они зарабатываютъ больше, и идти въ шахты, гдѣ они зарабатываютъ меньше, значитъ практиковать ту непроизводительную трату экономическихъ силъ, которая разоряетъ какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыя общества.

Пренебреженіе нѣкоторыми основными началами науки составляетъ главное несчастіе человѣчества. Для всѣхъ ясно, что человѣкъ созданъ для совокупной жизни, что только въ отношеніяхъ къ себѣ подобнымъ онъ находитъ удовлетвореніе бытія, что отношенія эти регулируются обществомъ, и что умственныя силы каждаго отдѣльнаго члена общества развиваются отъ взаимодѣйствія всѣхъ другихъ; такое взаимодѣйствіе и регулированіе отношеній возможно лишь при условіи тождественности законовъ, управляющихъ жизнью какъ общества, такъ и человѣка, а потому, если часть цѣлаго есть организмъ, то логично возникаетъ необходимость и цѣлое, въ проявленіяхъ его жизненной дѣятельности, разсматривать какъ организмъ. Принимая этотъ выводъ за основную истину соціологіи, мы поймемъ, что общество развивается органически, т. е., медленно, и что порядокъ послѣдовательности общественныхъ явленій не

[1] Изъ корреспонденціи *Новаго Времени*.

зависитъ отъ воли человѣка, а отъ естественныхъ законовъ. Такъ, функціи простыя осуществляются ранѣе сложныхъ. Напрасно требовать отъ ребенка, чтобы онъ умѣлъ читать раньше, чѣмъ онъ будетъ умѣть говоритъ, нельзя также требовать отъ общества, чтобы въ немъ менѣе прибыльныя занятія исполнялись раньше болѣе прибыльныхъ. Во всякомъ государствѣ промышленность разовьется непремѣнно безо всякой посторонней и искусственной помощи, какъ скоро возникнутъ соотвѣтственныя соціальныя условія [1].

Мы часто ошибочно приписываемъ явленія совершенно постороннимъ причинамъ. Намъ говорятъ, напримѣръ, что, если англійскій коммерческій флотъ одинъ превышаетъ нынѣ флоты всѣхъ другихъ націй, взятыхъ вмѣстѣ, то это, благодаря мѣропріятіямъ Кромвеля. Было бы, дѣйствительно, очень удобно достигать столь гигантскихъ результатовъ помощью только законодательныхъ мѣръ, т. е., нѣсколькихъ строкъ, занесенныхъ въ сводъ законовъ. Увы, надо отказаться отъ такихъ розовыхъ надеждъ! Если Англія имѣетъ теперь самый большой флотъ въ мірѣ, то это, не благодаря мѣропріятіямъ Кромвеля, а благодаря массѣ географическихъ, топографическихъ, этнографическихъ, соціальныхъ и историческихъ причинъ. Англія имѣетъ громадное протяженіе береговъ, прекрасныя гавани, неисчерпаемое количество угля и руды около самаго моря. Въ здоровомъ и ровномъ кли-

[1] См. по этому поводу прекрасную статью въ іюньской книжкѣ *Русской Мысли* за 1889 годъ.

матѣ Англіи развелась раса, одаренная высокими умственными способностями. Въ силу разныхъ историческихъ причинъ въ Англіи лучше всего ограждается личная свобода и неприкосновенность имущества каждаго гражданина, и проч. и проч. Затѣмъ Англія нашла бы страшнаго конкурента въ лицѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ [1], еслибы не возникла междоусобная война въ 1861 году и еслибы охранительныя пошлины въ Соединенныхъ Штатахъ не тормозили развитія американскаго коммерческаго флота. Немного лѣтъ спустя послѣ знаменитаго эдикта Кромвеля, Кольберъ издалъ во Франціи почти тождественные законы, которые дѣйствуютъ и понынѣ. И что же? Французскій флотъ имѣетъ въ настоящее время 993,000 тоннъ, а англійскій—7.352,000! [2]).

„Для поощренія нашего коммерческаго флота, говоритъ г. Аме [3], испробовали всевозможныя системы покровительства: привилегированныя компаніи, колоніи, преміи на рыбную ловлю, громадныя субсудіи пароходнымъ обществамъ, запрещеніе иностранцамъ производить каботажъ, дифференціальныя

[1] До междоусобной войны американскій флотъ почти равнялся англійскому.

[2] „Два коренныхъ преобразованія, говоритъ г. Уордъ, совершенно измѣнили условія коммерческаго флота въ наше время: деревянныя суда замѣнены сначала желѣзными, а потомъ стальными, и парусныя суда замѣнены паровыми. Благодаря тому, что Англія обладала богатыми желѣзными и каменноугольными залежами вблизи отъ прекрасныхъ гаваней, она пріобрѣла громадныя преимущества въ дѣлѣ кораблестроенія“ (См. T. H. Ward. *The Reign of queen Victoria*. Лондонъ. 1887 года, томъ II, стр. 116.

[3] Etude sur les Tarifs de Douanes. Томъ II, стр. 173.

и якорныя пошлины [1]. Все-таки во Франціи коммерческій флотъ развивался медленнѣе, чѣмъ другія отрасли промышленности. Но причина этого явленія объясняется очень просто: во многихъ прибрежныхъ департаментахъ, и главнымъ образомъ въ южныхъ, тяжелое морское дѣло привлекаетъ очень мало охотниковъ". Если французскій коммерческій флотъ такъ туго развивается, то это только потому, что французы находятъ другія занятія, дающія больше барышей при менѣе тяжеломъ трудѣ. Французы должны не сожалѣть, а радоваться, что у нихъ флотъ не развивается. Это доказываетъ, насколько у нихъ много благосостоянія. Они живутъ себѣ спокойно на берегу, занимаясь прибыльными дѣлами, въ то время какъ несчастные англичане, итальянцы, норвежцы, въ силу тяжелой необходимости, должны подвергать себя, какъ илоты, всѣмъ опасностямъ и всѣмъ лишеніямъ морской жизни.

Наша кустарная промышленность тоже доказываетъ, насколько излишни бываютъ покровительственныя пошлины. Кустарные промыслы выросли изъ нѣдръ нашей земли. Они не нуждаются ни въ какихъ пошлинахъ, потому что всѣ эти производства соотвѣтствуютъ самымъ совершеннымъ образомъ мѣстнымъ условіямъ, какъ по пріобрѣтенію матеріаловъ, такъ и по сбыту готовыхъ продуктовъ.

Въ заключеніе еще одинъ общій доводъ. Про-

[1] Товары, привезенные на французскихъ судахъ, платили менѣе пошлины, чѣмъ привезенные на иностранныхъ. Иностранныя суда несли больше портовыхъ расходовъ, чѣмъ національныя.

текціонизмъ вводится въ Европѣ главнымъ образомъ со второй половины XVII столѣтія. Начиная съ каменнаго періода, когда человѣкъ обладалъ одною только кремневою скребницею, и до эпохи Кольбера, промышленность сдѣлала, мнѣ кажется, нѣкоторые успѣхи. Если они были возможны безъ таможенныхъ пошлинъ, то не лучшее-ли это доказательство, что промышленность можетъ прекрасно развиться безъ охранительной системы?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Правда-ли, что протекціонизмъ содѣйствуетъ развитію промышленности?

Для поощренія нашего производства, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, наложили высокую пошлину на иностранный уголь. Но, чтобы русскій уголь появился въ достаточномъ количествѣ на рынкахъ потребленія, необходимо его туда доставить. Самая дешевая доставка возможна, очевидно, водянымъ путемъ; фрахтъ же доводится до низшей нормы только самою широкою конкуренціею между судовладѣльцами [1]). Поэтому, для развитія угольнаго дѣла, было бы вполнѣ раціонально открыть всѣмъ народамъ наши рѣки и моря. Но для поддержанія нашего коммерческаго флота, запрещается иностранцамъ заниматься у насъ каботажемъ. Вслѣдствіе этой привилегіи, русскіе судовладѣльцы, для развитія своей провозоспособности, естественно склонны заказывать или покупать готовые пароходы тамъ,

[1] Такъ, въ апрѣлѣ 1890 г. иностранцы брали 10—12 коп. съ пуда изъ Одессы до Лондона, а русскіе—ту же самую цѣну изъ Одессы до Николаева.

гдѣ они строятся дешево и хорошо, какъ, напр., въ Англіи и Швеціи. Но на пароходы иностранной работы наложены высокія пошлины, чтобы развить дома желѣзное судостроеніе [1]). Надо было предполагать, что эта пошлина принесетъ пользу нашимъ верфямъ. Но и этого нѣтъ! Высокая пошлина на желѣзо, сталь и машины парализуетъ дѣятельность верфей въ весьма значительной мѣрѣ [2]). Слѣдовательно провозъ угля не удешевляется, а дороговизна его тормозитъ развитіе многихъ заводовъ, приготовляющихъ матеріалы для судостроенія. Такимъ образомъ довершается остроумный заколдованный кругъ протекціонизма. Интересами тысячи русскихъ фабрикантовъ жертвуютъ для нѣсколькихъ владѣльцевъ угольныхъ шахтъ [3]). Интересы этихъ господъ, плюсъ всѣхъ русскихъ фабрикантовъ, въ свою очередь приносятся въ жертву

[1] Для пароходовъ пошлина достигаетъ теперь отъ 20 до 30 проц. стоимости. Для желѣзныхъ баржъ, которыя главнымъ образомъ необходимы для плаванія по нашимъ рѣкамъ,—до 65 проц. стоимости! Извѣстно, что многіе паливные пароходы, принадлежащіе русскимъ, плаваютъ теперь подъ *англійскимъ* флагомъ, чтобы не платить пошлинъ. Вотъ какимъ образомъ протекціонизмъ развиваетъ нашъ коммерческій флотъ.

[2] Верфь г. Кундышова-Володина въ Николаевѣ должна была прекратить свои дѣйствія и всѣ ея дорого стоящія приспособленія были проданы за безцѣнокъ, потому что русскіе фабриканты не могли доставить ей во-время необходимые матеріалы.

[3] Я знаю одинъ сахарный заводъ въ Черниговской губерніи, которому уголь обходился 17 коп. Послѣ наложенія пошлины онъ уже стоилъ 40 коп. Кромѣ того, такъ какъ угля нельзя было достать нигдѣ, то заводъ бастовалъ много дней. Въ 1888 году балансъ былъ заключенъ съ потерей въ 50,000 р., тогда какъ раньше онъ давалъ 40,000 барыша. Разница 90,000! Ab uno disce omnes.

интересамъ каботажниковъ, которыхъ едва-ли наберется тысяча человѣкъ. Эти послѣдніе стѣснены для пользы владѣльцевъ русскихъ верфей. Верфей же у насъ всего не болѣе десяти. На Черномъ морѣ ихъ четыре, изъ которыхъ три принадлежатъ ненавистнымъ иностранцамъ (братья Вадонъ въ Херсонѣ, г. Спозито въ Николаевѣ, товарищество Белино-Фендерихъ въ Одессѣ) и только одна — русскому (г-ну Пастухову въ Ростовѣ на Дону). Прибавимъ еще, что всѣ эти верфи строятъ только желѣзныя баржи. Пароходы, больше тысячи тоннъ вмѣстимости, вовсе не строятся въ Россіи для частныхъ лицъ. Верфь Русскаго Общества пароходства и торговли въ Севастополѣ и Балтійскій заводъ въ Петербургѣ работаютъ только для казны. Выходитъ, что интересы всѣхъ выше переименованныхъ производителей приносятся въ жертву на пользу *несуществующей* промышленности!

Конечно, такая система *покровительства* (!) отечественной промышленности въ высшей степени нераціональна, чтобы не сказать больше. И потому каждый производитель старается выпутаться изъ этой роковой и убійственной сѣти. Вотъ какъ выражается между прочимъ Одесскій комитетъ мануфактуръ и торговли: „при дороговизнѣ у насъ отечественныхъ матеріаловъ для постройки желѣзныхъ судовъ необходимо ходатайствовать о предоставленіи судостроителямъ безпошлиннаго ввоза сырыхъ матеріаловъ (желѣза, стали и проч. нужныхъ для постройки судовъ), безъ чего конкуренція съ заграничными заводами немыслима и при всѣхъ поощрительныхъ

мѣрахъ и существующей чрезвычайно высокой пошлинѣ на суда, пріобрѣтаемыя за-границею, нашему торговому флоту трудно будетъ избавиться отъ судовъ иностранной постройки". Вотъ далѣе что находимъ въ докладѣ г. Бостельмана, читанномъ въ московскомъ собраніи Общества для содѣйствія русскому торговому мореходству: „такъ какъ замѣна судовъ устарѣлаго типа судами усовершенствованной конструкціи составляетъ насущную потребность и такъ какъ въ настоящее время на русскихъ судостроительныхъ заводахъ, при ихъ малочисленности, можетъ быть построено только небольшое количество судовъ, то русскому мореходу поневолѣ приходится заказывать новые пароходы за-границею и оплачивать ихъ высокою ввозною пошлиною, что̀ сильно затрудняетъ конкуренцію съ иностранцами, которымъ суда обходятся дешевле. Поэтому необходимо освободить отъ таможенной пошлины выписываемыя русскими изъ-за границы суда: заграничнаго плаванія—навсегда, большаго каботажа—на 3 года и внутренняго плаванія—на 1 годъ" [1].

Такого рода ходатайства встрѣчаются чуть-ли не каждый день въ нашихъ газетахъ. Вотъ, напримѣръ, еще одно: „какъ извѣстно, отрасль мукомольной промышленности находится у насъ въ неудовлетворительномъ состояніи. Одною изъ причинъ этого является между прочимъ дороговизна постройки у насъ мельницъ, еще болѣе увеличивающаяся оттого, что привозимыя изъ заграницы принадлежности мукомольнаго дѣла обложены весьма

[1] См. *Новороссійскій Телеграфъ* отъ 13 апрѣля 1889 г.

высокою пошлиною. Въ виду этого, юго-западные мукомолы ходатайствуютъ передъ правительствомъ объ отмѣнѣ пошлины съ шелковой ткани, употребляемой для мучныхъ цилиндровъ или вальцовъ изъ зеркальнаго чугуна“ [1].

То одна, то другая отрасль промышленности проситъ о льготахъ. Въ другихъ государствахъ было совершенно то же самое. Такъ, въ 1825 году фабриканты желѣзныхъ издѣлій Шеффильда и Бирмингама ходатайствовали объ уменьшеніи пошлины на желѣзо, которая была тогда въ Англіи въ $6^1/_2$ ф. за тонну (около 93 кред. коп. за пудъ; у насъ она теперь отъ 60 до 90 к. кредит.) [2]. Кораблестроители ходатайствуютъ въ 1840 году объ отмѣнѣ пошлины

[1] См. *Одесскій Вѣстникъ* отъ 3 января 1890 г.

[2] Вотъ какимъ образомъ президентъ Бордъ-офъ-трэда (board of trade) (должность эта соотвѣтствуетъ Департаменту мануфактуры и торговли), знаменитый Хускинсонъ, защищалъ тогда ихъ ходатайство предъ парламентомъ: „Въ послѣднее время цѣны на желѣзо удвоились въ Англіи. Заводчики завалены заказами и никакъ не успѣваютъ ихъ выполнить. Не составитъ ли это опасность для нашихъ фабрикъ желѣзныхъ издѣлій? Какимъ образомъ выполнятъ онѣ заказы, которые получаютъ изъ-за границы, если желѣзо останется въ такой же цѣнѣ или если оно еще болѣе вздорожаетъ? Тысячи рабочихъ останутся безъ хлѣба, если мы потеряемъ эту отрасль производства. Не можемъ ли мы опасаться, что она перейдетъ въ Бельгію, въ Голландію, въ Германію или въ какое-нибудь другое государство? Уже нѣкоторые заказы, которые отказались выполнить въ Бирмингамѣ, были переданы континентальнымъ фабрикамъ. Было бы полезно получать за дешевую цѣну иностранное желѣзо, особенно изъ Швеціи. Это желѣзо очень высокаго достоинства и его смѣсь съ желѣзомъ англійскимъ увеличитъ качество нашихъ производствъ“. Эти слова убѣдили парламентъ. Пошлина на желѣзо была понижена на 5 ф. ст. за тонну. (См. Richelot: *Histoire de la réforme commerciale en Angleterre*. Томъ I, стр. 62).

на иностранное дерево, доказывая, что необходимость снабжаться исключительно сквернымъ канадскимъ лѣсомъ приноситъ имъ убытка около милліона фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Англійскимъ кораблестроителямъ, имѣвшимъ уже желѣзо и уголь по дешевой цѣнѣ, недоставало только дешеваго лѣса, чтобы имѣть за наивыгоднѣйшую цѣну матеріалы, необходимые для ихъ производства [1]. Такія ходатайства повторялись такъ же часто передъ парламентомъ, какъ у насъ передъ министерствомъ финансовъ

Изъ вышесказаннаго видно, что всякій промышленникъ желаетъ свободной торговли для тѣхъ предметовъ, которые ему необходимо покупать, а высокую пошлину онъ желаетъ только для тѣхъ, которые продаетъ. Такъ, для обрабатывающаго желѣзо желательна пошлина на него; напротивъ, для фабриканта машинъ желателенъ свободный ввозъ этого матеріала. Въ свою очередь для прядильныхъ заводовъ необходимы безпошлинныя машины и пошлина на пряжу. Для фабрикантовъ тканей нужна безпошлинная пряжа и такъ далѣе.

Одинъ знакомый мнѣ слесарь, человѣкъ очень предпріимчивый и умный, говорилъ мнѣ: „еслибы я могъ имѣть уголь и желѣзо по такой цѣнѣ, какъ въ Англіи, я бы могъ дѣлать замки лучше и дешевле англійскихъ“. Кто виноватъ, что уголь и желѣзо много дороже у насъ, чѣмъ въ Англіи? Протекціонизмъ! Эта система не только не покровительствуетъ промышленности, но, напротивъ, *слу-*

[1] Въ 1841 году ходатайство это было уважено, и пошлина на строевой лѣсъ значительно уменьшена.

житъ однимъ изъ главныхъ тормазовъ къ ея возникновенію. Прежде всего она лишаетъ возможности пріобрѣтать механическія приспособленія по самой дешевой цѣнѣ. Для того чтобы открыть какую -нибудь фабрику въ охраненной странѣ, надо затратить большій основный капиталъ, чѣмъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ таможенныхъ пошлинъ [1]. Если для тождественнаго заведенія англичанину надо издержать 100,000 руб., а русскому 130,000 руб., то понятно, что англичанинъ будетъ въ привиллегированномъ положеніи. Ясно, что чѣмъ больше размѣръ капитала, требуемаго для промышленныхъ заведеній, тѣмъ труднѣе они возникаютъ. И безъ того у насъ, въ Россіи, условія для развитія промышленности довольно неблагопріятны. Въ Англіи, напримѣръ, имѣется въ изобиліи два основныхъ матеріала для всякаго заведенія: уголь и желѣзо; тамъ расходы перевозки дешевы до минимума, ибо нѣтъ мѣстности, которая отстояла бы отъ моря далѣе 150-ти верстъ; капиталовъ можно найти, сколько угодно, по 3 и даже по 2 процента, тогда какъ у насъ уголь и желѣзо дороже и за капиталъ надо платить 7 — 8, а иногда 10 и 20 проц. Какъ будто всѣхъ этихъ естественныхъ затрудненій мало, намъ, несчастнымъ промышленникамъ, навязываютъ еще кучу другихъ препятствій въ видѣ самыхъ стѣснительныхъ пошлинъ. Насъ [2]

[1] Учрежденіе бумагопрядильнаго завода въ Англіи обходится на 20 проц. дешевле, чѣмъ въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ. См. Jeans, *Suprématie de l'Angleterre* стр. 227.

[2] Какъ извѣстно читателю, пишущій эти строки самъ промышленникъ.

связываютъ по рукамъ и ногамъ; насъ душатъ самымъ безпощаднымъ образомъ и это называютъ покровительствомъ русской промышленности [1]!.

Протекціонизмъ есть обоюдоострое орудіе. Онъ покровительствуетъ одному и разоряетъ другаго. Такъ, главные двигатели современной промышленности, желѣзо и уголь, обложены у насъ пошлиною въ 40 и 28 процентовъ ихъ стоимости. Въ угоду нѣкоторымъ лицамъ, всѣ остальные фабриканты задавлены самымъ тягчайшимъ образомъ [2]. То же самое можно сказать о пошлинахъ на машины, которыя доходятъ у насъ иногда до 40, 50 и даже 100 проц. ихъ стоимости. Еслибы хотѣли принять

[1] Извѣстно, что зародышъ человѣка проходитъ въ девять мѣсяцевъ тѣ фазисы развитія, которые предшествующіе его виды проходили въ милліоны лѣтъ. Такимъ же образомъ ребенокъ въ нашихъ школахъ узнаетъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ науки, создавшіяся цѣлыми столѣтіями. Чѣмъ скорѣе можно ознакомиться съ пройденными фазисами человѣческаго развитія и воспользоваться ихъ культурными итогами, тѣмъ болѣе вѣроятія продвинуться далѣе предшественниковъ на пути совершенствованія. Такъ, промышленникъ долженъ сразу обзавестись самыми усовершенствованными орудіями. Когда же охранительная система увеличиваетъ искусственно цѣну орудій, то получается дѣйствіе, по своей логичности, подобное стѣсненію препятствіями обученія мальчика съ тѣмъ, чтобы облегчить ему стать выше своихъ товарищей, свободныхъ отъ такого стѣсненія.

[2] „Такъ, напримѣръ, говоритъ Г. Черняевъ, пудъ русскаго локомобиля на три рубля дороже иностраннаго, потому что у насъ слишкомъ дороги сырые матеріалы. Въ Германіи и Англіи уголь стоитъ 7 к., чугунъ 42, желѣзо 70—90, сталь 1 р. 40 к. Не то дѣлается у насъ въ Россіи. Не говоря уже объ углѣ, стоимость котораго выше, чугунъ стоитъ 60—62 к., желѣзо— 1 р. 40—1 р. 60 к., и сталь 2 р.—2 р. 80 к. Въ Москвѣ цѣны еще грандіознѣе: чугунъ—90 к., желѣзо—1 р. 80—2 р. 25 к. и сталь 3 р. 20 к.“

мѣры противъ развитія русской промышленности, то ничего не могли бы сочинить лучшаго, какъ пошлины на желѣзо, уголь и машины. Когда русскій фабрикантъ выписываетъ машину изъ-за границы, онъ не покупаетъ только извѣстное количество колесъ, станковъ и проч., но главнымъ образомъ идею самаго механизма. Эта идея часто ему даже неизвѣстна; онъ узнаетъ, что такая-то машина можетъ сдѣлать такую-то работу за такую-то цѣну, но иногда конструкція этой машины составляетъ собственность изобрѣтателя. Переводя на простой русскій языкъ, пошлину на машину можно выразить такъ: „Гг. русскіе фабриканты, надо, чтобы всѣ новѣйшія изобрѣтенія, всѣ усовершенствованныя орудія обходились иностранцамъ очень дешево, а вамъ очень дорого, — этимъ вы будете облагодѣтельствованы“. Но, говорятъ протекціонисты, пошлина на машины наложена для того, чтобы ихъ дѣлали въ Россіи. Это значитъ: „Гг. фабриканты, вамъ запрещается пользоваться изобрѣтеніями, дѣлаемыми въ другихъ странахъ. Начинайте все съ начала, вы скорѣе достигнете цѣли; затѣмъ сочиняйте все сами,— это вамъ значительно облегчитъ трудъ“.

При этомъ гг. протекціонисты забываютъ еще одно главное обстоятельство. Въ промышленности прогресъ зависитъ отъ спеціализаціи труда. Въ Англіи нѣтъ ни одного завода, который дѣлалъ бы всѣ части локомотива. Чѣмъ шире рынокъ, тѣмъ болѣе спеціализуются производства. У насъ теперь, въ Россіи, не можетъ существовать спеціальный заводъ

для выдѣлыванія пеньково-прядильныхъ машинъ, потому что онъ не будетъ имѣть достаточно заказовъ. Да и въ западной Европѣ такихъ заводовъ не болѣе шести или семи. Когда гг. протекціонисты говорятъ намъ—дѣлайте машины сами, они только показываютъ свое крайнее невѣжество и непониманіе истинныхъ интересовъ промышленности.

Но пошлина берется не только съ предметовъ, необходимыхъ на первое обзаведеніе заводовъ, она берется тоже со всѣхъ матеріаловъ, нужныхъ для производства. Этимъ наносится второй тяжкій ударъ промышленности.

Протекціонисты утверждаютъ, что охранительныя пошлины составляютъ какъ бы опеку для юной и несозрѣвшей еще промышленности. Но что такое въ самомъ дѣлѣ опека? Какимъ образомъ мы оказываемъ ее, напримѣръ, по отношенію къ малолѣтнимъ дѣтямъ? Мы имъ даемъ помѣщеніе, пропитаніе, освѣщеніе, отопленіе, одежду и проч. и съ нихъ ничего за это не требуемъ взамѣнъ; мы имъ дѣлаемъ постоянныя благодѣянія,—даримъ имъ все, что̀ имъ нужно. Еслибы правительство держало такую рѣчь: англичанину уголь стоитъ отъ 7 до 8 к. пудъ, но я вамъ буду давать сколько угодно угля по 4 коп.—это, дѣйствительно, можно было бы назвать покровительствомъ, потому что русскій промышленникъ, имѣя уголь по 4 коп., былъ бы поставленъ въ болѣе выгодныя условія, чѣмъ англійскій, и могъ бы успѣшно конкурировать съ нимъ. Но наша система протекціонизма совсѣмъ не та-

кого рода. Вмѣсто того, чтобы давать уголь дешевле, чѣмъ онъ обходится англичанину, она заставляетъ платить втрое дороже. Здѣсь оказывается уже не покровительство, а притѣсненіе [1]).

Всѣмъ производителямъ оказывается покровительство. Но такъ какъ произведенія однихъ служатъ матеріаломъ для другихъ, то понятно, что, искусственно повышая цѣну этихъ матеріаловъ, причиняютъ громадный вредъ тѣмъ, которые должны ихъ пріобрѣтать. Правда, что заставляя платить дороже за все то, что нужно купить для производства, охранительная система даетъ возможность вмѣстѣ съ тѣмъ продавать продукты по болѣе высокой цѣнѣ. Тарифъ безспорно обезпечиваетъ монополію внутренняго рынка; но здѣсь чистый самообманъ, потому что протекціонизмъ во всякомъ случаѣ суживаетъ его. Если нѣкоторымъ спеціальнымъ фабрикантамъ выгодно продавать ограниченное количество товара по высокой цѣнѣ, то нельзя того же сказать о промышленности вообще, выгода которой заключается въ увеличеніи сбыта посредствомъ удешевленія произведеній. Но для того, чтобы продавать дешево, надо, чтобы расходы перваго обзаведенія фабрикъ и расходы на покупку матеріаловъ были доведены до минимума. Когда же всѣ промышленности требуютъ охранительныхъ пошлинъ, то, напротивъ, первое обзаведеніе и расходы на покупку матеріаловъ доходятъ до максимума.

Протекціонизмъ не позволяетъ производить по

[1] Такая политика служитъ покровительствомъ *для иностранцевъ*.

дешевой цѣнѣ и затрудняетъ, стало-быть, продажу большаго количества произведеній. Съ другой стороны, каждый гражданинъ, покупая по самой высокой цѣнѣ необходимые ему предметы, дѣлаетъ меньше сбереженій; онъ медленнѣе богатѣетъ и поэтому покупная его способность слабо возрастаетъ.

Вмѣсто тормазовъ пошлинъ, лучше, казалось бы, поощрять промышленность благодѣяніями: уменьшеніемъ налоговъ, льготами всякаго рода, субсидіями, заказами и т. п.

Правительства уже давно прибѣгали и къ этимъ мѣрамъ, но увы, и онѣ никогда не приносили желанныхъ плодовъ. Большая часть заводовъ, прямо субсидированныхъ правительствами, влачила жалкое существованіе и очень часто закрывалась [1]. Явленіе это объясняется легко. Разъ промышленникъ получаетъ субсидію, онъ болѣе заботится о казенной маннѣ, а не о томъ, чтобы производить лучшій продуктъ за самую дешевую цѣну. На первомъ планѣ тогда не техника, а политика. Конечно, промышленность отъ этого страдаетъ. Главный ея двигатель, это—личный интересъ, предпріимчивость и то, что англичане называютъ self help (самопомощь). Плохой тотъ промышленникъ, который разсчитываетъ болѣе на другихъ, чѣмъ на себя. Самое дѣйствительное, самое вѣрное, самое абсолютно безошибочное покровительство, которое правительство можетъ оказать промышленности, это не вмѣшиваться въ экономическую сторону ея дѣла.

[1] См. о неудачахъ Кольбера въ этомъ направленіи у Клэмана. *Histoire du système protecteur en France.* стр. 58.

Какъ это видно, для внутренняго рынка пользы отъ протекціонизма очень мало, но для сбыта товаровъ на иностранныхъ рынкахъ эта система просто пагубна. Какъ ожидать, напримѣръ, чтобы московскій фабрикантъ продавалъ свой ситецъ въ Малой Азіи или въ Персіи дешевле англійскаго, когда ему машины, уголь, хлопокъ, всѣ красильныя вещества стоятъ дороже, чѣмъ англичанину [1].

Итакъ выходитъ, что охраняющее правительство принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы свой промышленникъ не могъ бороться съ иностраннымъ. Это-ли его желаніе? О, конечно, нѣтъ. Напротивъ, начиная уже со второй половины XVII столѣтія, всѣ государства преслѣдуютъ прямо противоположную цѣль. Они желаютъ, чтобы отечественная промышленность овладѣла, какъ можно больше, иностранными рынками. Для того чтобы достигнуть этой цѣли, государства стали прибѣгать ко всевозможнымъ мѣрамъ. Прежде всего они начали возвращать акцизы, какъ у насъ дѣлаютъ на спиртъ и сахаръ, а потомъ додумались до операціи, называемой въ Англіи drawback [2]. Въ сущности drawback есть фактическое признаніе необходимости свободной торговли, ибо это ничто иное, какъ разрѣшеніе безпошлиннаго ввоза извѣстнаго количества сырья. Но drawback — паліативная мѣра. Сложныя таможенныя формальности, которыми со-

[1] Извѣстно, что всѣ эти предметы не обложены пошлиною въ Англіи.

[2] Извѣстно, что это возвратъ пошлины на сырье отвозимаго за границу обдѣланнаго товара.

провождается она, заставляютъ многихъ промышленниковъ отъ нея отказываться. Затѣмъ если вывозится ситецъ, казна возвращаетъ, правда, пошлину на хлопокъ, но не возвращаетъ пошлины на красильныя вещества и на уголь, а особенно—и это важнѣе всего—не возвращаетъ пошлины на машины. Самая лучшая, самая совершенная система drawback'a это — *свободная торговля*. Англичане, этотъ умный, предпріимчивый народъ, эти дѣловые люди въ полномъ смыслѣ этого слова, первые раскусили эту истину. Они уничтожили всѣ пошлины на предметы, необходимые для промышленности и такимъ образомъ они производятъ всѣ издѣлія дешевле, чѣмъ другіе народы, и могутъ выгодно торговать на всѣхъ иностранныхъ рынкахъ.

Я говорилъ выше о вывозныхъ пошлинахъ (см. кн. I глава I) и показалъ, что онѣ равняются конфискаціи. Для нѣкоторыхъ промышленниковъ и привозныя пошлины имѣютъ то же значеніе. Возьмемъ какую-нибудь отрасль производства, которая, въ силу мѣстныхъ условій, находится въ самомъ выгодномъ положеніи, напримѣръ, льнопрядильное дѣло.

Извѣстно, что Россія производитъ больше льна, чѣмъ всѣ остальныя страны Европы [1]. Кромѣ того нашъ ленъ, какъ растеніе, лучше всѣхъ другихъ. Однако мы вывозимъ его главнымъ образомъ въ полуобработанномъ видѣ и не можемъ его выво-

[1] Изъ общаго производства нашего континента въ 610 милліоновъ килогр. Россія производитъ около 410 милліоновъ (См. Neumann-Spallart. *Uebersichten der Weltwirthschaft*, стр. 386.

зить въ видѣ нитокъ. Отчего? Очень просто: потому, что англичане могутъ прясть дешевле насъ. Ленъ имъ обходится немного дороже, чѣмъ у насъ, но зато машины, уголь и проч. имъ стоятъ дешевле. А почему у насъ машины и уголь стоятъ дороже? Благодаря высокимъ пошлинамъ! Стало-быть, русскій фабрикантъ долженъ продавать пряжу дороже, чѣмъ англичанинъ. Не равносильно-ли это вывозной пошлинѣ на русскую пряжу? Не равносильно-ли это привилегіи, даваемой *англичанину-производителю* для того, чтобы онъ могъ главенствовать на иностранныхъ рынкахъ въ ущербъ русскимъ подданнымъ?

А эти иностранные рынки начинаютъ пріобрѣтать все большее и большее значеніе. Сто лѣтъ тому назадъ сумма оборотовъ международной торговли едва-ли достигала 4 — 5 милліардовъ франковъ въ годъ; теперь она уже значительно превышаетъ 80 милліардовъ. Въ Англіи и Бельгіи третья, а во Франціи десятая часть населенія живетъ уже на заработки, которые получаются отъ вывозимыхъ товаровъ [1].

Понятно, что, чѣмъ дороже достаются машины и матеріалы, тѣмъ въ данной странѣ производство дѣлается дороже и тѣмъ больше она должна уступать свои международные рынки націямъ, пользующимся свободною торговлею Бѣда тому народу, который пустился въ смутный механизмъ протекціонизма. Всевозможныя пошлины составляютъ запу-

[1] См. G. de Molinari. *La morale économique.* Парижъ, 1888, стр. 327.

танную сѣть, изъ которой вырваться не легко. Во Франціи, напримѣръ, говоритъ г. Молинари, стали охранять бумагопрядильную промышленность, затѣмъ строителей машинъ, затѣмъ производителей желѣза и стали, изъ которыхъ дѣлаются машины, производителей каменнаго угля, безъ котораго нельзя работать желѣзо, и такъ далѣе. „Пришло однако время, когда всѣ производители, сопоставляя выгоды, получаемыя отъ внутреннихъ рынковъ, благодаря этой сѣти пошлинъ, съ потерями, понесенными отъ исключенія съ иностранныхъ рынковъ, замѣтили, что потери значительно превышали выгоды [1].

Хотя у насъ, въ Россіи, внутренній рынокъ имѣетъ пока больше значенія, чѣмъ международный, тѣмъ не менѣе и у насъ заключеніе г. Молинари вполнѣ примѣнимо. Есть множество промышленностей, которыя могли бы проникнуть на иностранные рынки, еслибы не существовало пошлинъ на механическія приспособленія и на сырые матеріалы. Нашъ вывозъ значительно возросъ бы, но протекціонизмъ какъ разъ препятствуетъ достиженію этой цѣли, къ которой онъ однако стремится. Я приведу здѣсь примѣръ: „Упадокъ нашего мучнаго экспорта вытекаетъ изъ тѣхъ большихъ преимуществъ, которыми пользуются передъ нами иностранныя мельницы и которыя заключаются въ пользованіи болѣе дешевыми машинами, кредитомъ, мѣшками и углемъ. Не довольствуясь этими пре-

[1] См. G. de Molinari. *L'évolution économique au XIX siècle* Парижъ, 1880 г., стр. 82.

имуществами, другія страны, для покровительства своей мукомольной промышленности, ввели дифференціальныя пошлины на зерно и муку, чѣмъ мы еще болѣе вытѣсняемся съ рынковъ Франціи, Германіи, Италіи, Испаніи, Швеціи и Швейцаріи. Одновременно съ такимъ покровительствомъ иностранцами своей промышленности, для развитія нашего мукомолья, были созданы искусственныя преграды въ видѣ ввозныхъ пошлинъ на машины, мѣшки и уголь. Этимъ и объясняется такая аномалія, какъ перемолъ русской пшеницы на мельницахъ Австріи (Тріестъ и Фіуме) и Франціи (Марсель) и конкуренціи затѣмъ этой муки на рынкахъ, до того времени бывшихъ отъ насъ въ зависимости (Турція, Египетъ, Греція)“ [1].

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что протекціонизмъ не можетъ достигнуть своей цѣли: онъ не только не содѣйствуетъ развитію промышленности, а напротивъ, останавливаетъ ея быстрый и здоровый ростъ.

---

[1] См. *Новороссійскій телеграфъ* отъ 1-го апрѣля 1888 года.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Можетъ-ли немедленное уничтоженіе таможенныхъ пошлинъ убить промышленность?

Положимъ, что вы правы, скажутъ нѣкоторые протекціонисты; да, быть можетъ, промышленность развилась бы лучше и скорѣе безъ охранительныхъ пошлинъ; быть можетъ, эти пошлины служатъ главнымъ тормазомъ ея дальнѣйшихъ успѣховъ; но протекціонная система существуетъ, и немедленная ея отмѣна разоритъ окончательно весь народъ. Фабрики закроются, милліоны рабочихъ останутся безъ куска хлѣба, множество капиталовъ погибнетъ,—словомъ, вся государственная жизнь будетъ потрясена до основъ. Поэтому надо *пока* сохранить пошлины, даже сознавая ихъ вредъ, для того чтобы предотвратить самыя страшныя бѣдствія.

Такъ какъ нѣтъ никакой возможности опредѣлить, сколько надо времени для того, чтобы окрѣпла промышленность какой нибудь страны, то это *пока* продолжается цѣлыя столѣтія. Рутина беретъ верхъ надъ благоразумісмъ, и гг. протекціонисты дости-

гаютъ своихъ корыстныхъ цѣлей этимъ окольнымъ путемъ [1].

Я постараюсь доказать въ этой главѣ, что немедленное уничтоженіе пошлинъ не вызоветъ никакихъ катастрофъ и что промышленность не только не погибнетъ, но, напротивъ, будетъ развиваться еще скорѣе.

У древнихъ семитовъ было одно страшное божество—Молохъ. Ему приносили въ жертву людей и главнымъ образомъ первородныхъ сыновей всякой семьи. Молохъ, понятно, — плодъ народнаго воображенія, чистѣйшій призракъ, который конкретно никогда не существовалъ. Тѣмъ не менѣе, онъ причинялъ страшныя страданія несчастнымъ семитамъ. Пусть читатель подумаетъ только объ ужасныхъ мученіяхъ родителей при жертвоприношеніи первороднаго сына. Жертвы эти однако продолжались въ теченіе многихъ столѣтій, потому что семиты дрожали передъ призракомъ, созданнымъ ихъ же собственною фантазіею.

Таковъ, увы, удѣлъ всего рода человѣческаго! Онъ вѣчно дрожитъ предъ призраками, созданными его воображеніемъ, и эти несуществующія химеры причиняютъ ему тяжкія страданія.

Одинъ изъ такихъ призраковъ, которымъ насъ постоянно пугаютъ гг. протекціонисты, это — пресловутое *наводненіе* иностранными товарами. Они

[1] Промышленники вездѣ и всегда угрожаютъ закрыть свои заводы, если пошлины будутъ уменьшены хотя на копѣйку. Этимъ они наводятъ иногда страхъ на слабыя правительства (См. Amé. *Etude sur les tarifs*. Томъ I, стр. 279).

утверждаютъ, что съ отмѣною пошлинъ будетъ такой громадный наплывъ чужихъ произведеній, что мѣстная производительность, какъ земледѣльческая, такъ и фабричная, должна будетъ совершенно и немедленно прекратиться и народъ впадетъ въ нищету.

Можно было бы написать цѣлую толстую книгу объ экономическихъ страхахъ. Смѣшнаго было бы въ ней не мало.

Приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ такихъ страховъ и покажу, насколько они оправдываются на дѣлѣ.

Землевладѣльцы въ Англіи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ нашего столѣтія воображали, что если отмѣнить пошлину на иностранные зерновые продукты [1], то ихъ поля надо будетъ забросить не воздѣланными. Однако не только этого не случилось, но, наоборотъ, англійское земледѣліе сдѣлало гораздо больше успѣховъ послѣ отмѣны пошлинъ, чѣмъ оно дѣлало раньше. Даже цѣна земли, послѣ незначительнаго пониженія, увеличилась. Такъ акръ стоилъ въ Англіи:

въ 1781	— 5	годахъ	18	ф. ст.
„ 1811	— 5	„	24	„ „
„ 1831	— 5	„	28	„ „
„ 1840	—50 [1]	„	26	„ „
„ 1871	— 5	„	32	„ „

Страхъ промышленниковъ не уступалъ страху землевладѣльцевъ. Въ 1824 году фабриканты шелковыхъ матерій въ Англіи утверждали, что пошлина

[1] Извѣстно, что пошлина на хлѣбъ отмѣнена въ 1846 г.

въ 60 проц. со стоимости товаровъ едва-ли можетъ ихъ оградить отъ конкуренціи Франціи. Хускинсонъ все-таки ее понизилъ до 30 проц. И что же? чрезъ три года производство шелковыхъ матерій *удвоилось* въ Англіи [1]. По знаменитому навигаціонному акту Кромвеля, только англійскія суда могли плавать между Америкою и Великобританіею. Когда Соединенные Штаты сдѣлались независимымъ государствомъ, это законодательство было примѣнено и къ нимъ. Американцы протестовали и, послѣ длинныхъ переговоровъ, въ 1815 году былъ заключенъ между Великобританіею и Соединенными Штатами взаимный договоръ, въ силу котораго судамъ одного государства разрѣшалось приходить въ гавани другаго. Англійскіе судовладѣльцы противились этому трактату всѣми силами, утверждая, что если онъ будетъ принятъ, великобританскій флотъ не будетъ перевозить *ни одной тоны* американскихъ товаровъ. Что же вышло на дѣлѣ? Въ то время, когда англичане пользовались монополіею, они перевозили 19,000, а въ 1844 г., не смотря на пугавшій ихъ договоръ перевезли 700,000 тоннъ въ годъ американскихъ товаровъ! Когда обсуждали въ парламентѣ совершенную отмѣну законодательства Кромвеля, тѣ же англійскіе судовладѣльцы стали опять утверждать, что англійскій флотъ погибнетъ, если эта отмѣна послѣдуетъ. Она послѣдовала тѣмъ не менѣе въ 1849 г. И что же? Англійскій коммерческій флотъ, который имѣлъ тогда 3.700,000 тоннъ, достигъ въ 1888 году до

[1] См. Clément. *Hist. du syst. protect.* Стр. 145.

7.352,000. Слѣдовательно, флотъ не только не *погибъ*, а почти удвоился въ 39-лѣтній періодъ.

Приведу теперь примѣры изъ исторіи Франціи. Извѣстно, что торговый договоръ, заключенный между этою державою и Англіею въ 1860 году, имѣлъ фритредерскія стремленія. Такъ, пошлина на уголь была понижена на 300 проц. (съ 3 фр. 60 с. за тонну до 1 ф. 20 с.); пошлина на чугунъ — на 450 проц., на желѣзо — на 385 проц. Тѣмъ не менѣе вотъ какіе получились результаты этихъ пониженій.

Франція производила:

	угля.	чугуна.	желѣза.
въ 1859 г. .	7.600,000 тоннъ	856,000 тоннъ	520,000 тоннъ.
„ 1869 „ .	13.509,000 „	1.380,000 „	903,000 „

Значитъ, производство не только не уменьшалось, а, напротивъ, увеличилось въ значительной степени. Здѣсь произошло даже очень знаменательное явленіе: пониженіе тарифа заставило французскихъ фабрикантовъ желѣза примѣнить у себя тѣ же усовершенствованные методы обработки, какіе существовали въ Англіи. Благодаря этимъ улучшеніямъ, ихъ продукты стали не дороже англійскихъ *и привозъ иностраннаго желѣза не только не увеличился, благодаря пониженію пошлины, но уменьшился* [1].

Отмѣна вывозныхъ пошлинъ возбуждала такіе же страхи, какъ и отмѣна привозныхъ. Англійскіе промышленники говорили въ 1825 г., что для нихъ

[1] См. Amé. *Etude sur les tarifs*. Томъ II, стр. 387, 397 и 400.

послѣдуетъ неминуемое разореніе, если вывозныя пошлины на машины будутъ отмѣнены. Эта отмѣна послѣдовала на тяжелыя машины въ 1825 году и на всѣ безъ исключенія—въ 1845 году. Несмотря на это, англійская промышленность процвѣтаетъ и эти самые англичане только и думаютъ теперь о томъ, какъ бы продавать побольше своихъ машинъ иностранцамъ.

Такихъ примѣровъ я бы могъ привести тысячи изъ исторіи другихъ странъ.

Но я пойду дальше. Не только отмѣна отдѣльныхъ пошлинъ, но даже отмѣна всей пограничной таможни не производитъ никакого *наводненія* и не вредитъ промышленности.

Во время первой республики и при Наполеонѣ I, Бельгія, Прирейнскій край, Голландія и Сѣверная Италія были присоединены къ Франціи. Всѣ пограничныя таможни, отдѣлявшія раньше эти государства, были уничтожены. Погибла-ли отъ этого промышленность какъ въ странѣ завоевателя, такъ и въ странахъ завоеванныхъ? Хотя бельгійское желѣзо и уголь, нѣмецкія сукна, голландское полотно, ломбардскія шелковыя матеріи и прочіе продукты стали ввозиться во Францію безпошлинно, они не произвели тамъ никакого *наводненія* и не убили подобныхъ же фабрикъ въ этой странѣ. То же самое мы видимъ въ Германіи во время образованія таможеннаго союза. Тамъ тоже всѣ пограничныя таможни отдѣльныхъ государствъ были уничтожены въ весьма короткое время и тѣмъ не менѣе промышленность продолжала развиваться вездѣ. То же

самое было въ Италіи, когда она соединилась въ одно государство.

Эти экономическіе страхи — чистое ребячество. Они такъ же основательны, какъ боязнь несуществующаго Молоха. И, странно, всѣ народы одинаково боятся этого пресловутаго наводненія. Такъ, англичане утверждали раньше, что ихъ фабрики должны будутъ закрыться, если французскія произведенія будутъ пропускаться безпошлинно, а французы, съ своей стороны, высказывали то же самое опасеніе относительно англійскихъ.

Для того чтобы на самомъ дѣлѣ это *наводненіе* было возможно, надо, чтобы одинъ народъ производилъ достаточно товаровъ для потребностей другихъ. Что это абсолютно невозможно для всѣхъ предметовъ, необходимыхъ человѣку, — это ясно, какъ Божій день. Но это невозможно даже для всякаго отдѣльнаго предмета. Извѣстно, напримѣръ, что Россія можетъ удѣлить иностранцамъ только седьмую часть производимыхъ ею зерновыхъ товаровъ; остальныя шесть седьмыхъ необходимы для ея собственнаго потребленія. Приведу другой примѣръ. Швейцарія занимаетъ первое мѣсто на земномъ шарѣ въ производствѣ часовъ. Положимъ, что это самое выгодное занятіе для швейцарцевъ. Однако изъ этого далеко не слѣдуетъ, что всѣ они будутъ дѣлать только часы. Швейцарцамъ надо ѣсть, пить, одѣваться; у нихъ, стало-быть, должны быть кухарки, повара, сапожники, портные, и проч. Швейцарцамъ нужна государственная организація; у нихъ будутъ полицей-

скіе, жандармы, администраторы, судьи; они тоже пожелаютъ воздѣлывать свои поля—у нихъ будутъ земледѣльцы и проч., и проч. Наконецъ, между швейцарцами богатые люди будутъ жить отъ своихъ доходовъ. Если между швейцарцами выдѣлить такимъ образомъ тѣхъ людей, которые могутъ или желаютъ дѣлать часы, то ихъ останется такое небольшое число, что, конечно, они не смогутъ снабдить весь земной шаръ этимъ товаромъ. Вотъ почему, хотя въ Англіи нѣтъ никакихъ пошлинъ на часы, все-таки Швейцарія не наводняетъ Англіи, и въ Англіи тоже производятъ этотъ предметъ.

Имѣя намѣреніе предложить парламенту уменьшить пошлину на хлѣбъ, англійское министерство командировало въ 1821 году г. Вильяма Джэкобса на континентъ для изученія производства и торговли пшеницею. Изслѣдованія его показали, что если отправить въ Англію весь излишекъ хлѣба, находившійся тогда въ Германіи, Австріи и Привислянскомъ краѣ, то этой пшеницы хватило бы на прокормленіе Англіи только въ теченіе *двѣнадцати дней*. До 1815 года вывозъ пшеницы былъ запрещенъ во Франціи, а привозъ былъ совершенно безпошлинный. Крупные землевладѣльцы, которые имѣли тогда большое вліяніе въ палатахъ, перевернули это законодательство: они разрѣшили вывозъ и наложили пошлину на привозный хлѣбъ. Главный ихъ аргументъ былъ страхъ наводненія одесскими грузами. Однако зерновые продукты, привозимые тогда съ юга Россіи во Францію, едва могли въ не-

урожайные годы удовлетворять потребности этой страны въ теченіи *шести* или *семи* дней [1].

Въ наше время англичане, наученные опытомъ, не только не боятся *наводненія* иностраннымъ хлѣбомъ, но питаютъ совершенно обратное опасеніе: хватитъ-ли въ странахъ, производящихъ зерновые продукты, достаточно излишковъ для продовольствія Великобританіи? Обстоятельства показываютъ, что ихъ теперешнее опасеніе иногда весьма основательно.

То, что было въ Англіи съ хлѣбомъ, будетъ во всѣхъ странахъ со всѣми другими предметами. Еслибы завтра у насъ отмѣнили пошлину на желѣзо, то едва-ли Великобританія могла-бы *наводнить* насъ этимъ продуктомъ по той весьма простой причинѣ, что тамъ нѣтъ такихъ большихъ запасовъ желѣза. Фабрики наши продолжали бы работать, какъ англійскіе землевладѣльцы продолжали обрабатывать свои поля послѣ отмѣны пошлины на пшеницу.

Другое заблужденіе состоитъ въ убѣжденіи, что спросъ на какой-нибудь предметъ имѣетъ разъ навсегда установившіеся предѣлы. Въ душѣ человѣческой нѣтъ границъ желаніямъ. Никогда Англія, напримѣръ, не будетъ въ состояніи наводнить Россію машинами, потому что никогда не настанетъ момента, когда русскіе скажутъ: „мы уже достаточно богаты, довольно съ насъ; съ настоящаго дня мы желаемъ бѣднѣть“. Никогда не будетъ на свѣтѣ достаточно машинъ, пароходовъ, локомотивовъ, по-

[1] См. Amé. *Etude sur les Tarifs*. Томъ I, стр. 114.

тому что, чѣмъ больше будетъ возрастать ихъ число, тѣмъ больше будетъ также возрастать потребность въ нихъ. Можно даже съ увѣренностью сказать, что, не будь у насъ таможенныхъ пошлинъ, только для починки иностранныхъ машинъ потребовалось бы больше мастерскихъ, чѣмъ существуетъ теперь для выдѣлки ихъ внутри имперіи. Такъ, требуется больше извозчиковъ въ наше время для доставленія товаровъ на желѣзно-дорожныя станціи, чѣмъ требовалось раньше для общаго передвиженія грузовъ.

Чѣмъ дешевле продуктъ, тѣмъ больше на него спросъ. Въ свою очередь усиленный спросъ опять подымаетъ цѣны [1]. Отмѣните пошлину на сахаръ, его цѣна уменьшится, если есть и пока будутъ запасы у иностранцевъ. Но тогда спросъ увеличится въ Россіи. Иностранцы не будутъ въ состояніи при теперешнемъ ихъ обзаведеніи снабжать этотъ рынокъ, и наши фабриканты (тѣ, которые обставлены хорошо) будутъ попрежнему зарабатывать деньги. Тогда всѣмъ будетъ хорошо — и народу, и фабрикантамъ. Теперь же народъ приносится въ жертву 240 сахарозаводчикамъ.

Третья причина, почему *наводненіе* невозможно, это—первобытная организація торговли въ наше время и особенно у насъ, въ Россіи. Дѣло въ томъ, что усовершенствованія техники идутъ

[1] Тотъ самый г. Джэкобсъ, о которомъ я говорилъ выше, доказалъ, что, еслибы континентъ въ 1827 году могъ доставлять только десятую часть хлѣба, необходимаго для Англіи, то цѣны на пшеницу на континентѣ поднялись бы выше великобританскихъ.

несравненно быстрѣе, чѣмъ развитіе торговли. Недостаточно производить хорошій продуктъ по низкой цѣнѣ, надо еще сумѣть его продать. А это очень трудно. Хорошихъ промышленниковъ гораздо больше на свѣтѣ, чѣмъ ловкихъ купцовъ. Самая трудная вещь въ торговлѣ—это показать товаръ [1]. Говорятъ, что въ Москвѣ дѣлаютъ прекрасныя матеріи всякаго рода. Очень можетъ быть. Но даже въ такомъ большомъ городѣ, какъ Одесса, ихъ никто не видѣлъ. Московскіе промышленники не сдѣлали ни малѣйшаго усилія для того, чтобы показать свои произведенія одесской публикѣ; они даже не позаботились открыть въ Одессѣ магазинъ на бойкомъ мѣстѣ, гдѣ товары ихъ можно было бы видѣть на выставкѣ.

Торговля требуетъ большихъ капиталовъ, правильной и весьма сложной организаціи и большаго развитія умственныхъ и нравственныхъ качествъ. Медленность, съ которою товары распространяются вообще, а у насъ, въ Россіи, въ особенности, просто поразительна. Въ одномъ уѣздномъ городѣ Орловской губерніи (на Орловско-Витебской желѣзной дорогѣ), имѣющемъ 17,000 жителей, я не могъ найти фарфоровой чашки для умыванія! Теоретики воображаютъ, что все создается на свѣтѣ, какъ по мановенію чуднаго жезла и что немедленно послѣ отмѣны пошлинъ иностранцы *наводнятъ* насъ сво-

[1] Только въ послѣднее время стали понимать, что главное для торговли — это возбужденіе желанія людей. Вообще вся организація ознакомленія публики съ произведеніями промышленности находится еще въ первобытномъ состояніи.

ими продуктами. Въ дѣйствительности же созданіе торговыхъ связей—дѣло весьма нелегкое.

Едва-ли можно ожидать, что бы наши купцы оказали на другой день послѣ уничтоженія таможенныхъ преградъ, много больше поворотливости, чѣмъ раньше. Иностранцы же, пользуясь большимъ просторомъ, пожелаютъ, конечно, посылать въ Россію больше товаровъ. Но они должны будутъ тогда или обратиться къ русскимъ купцамъ и агентамъ, или прислать своихъ. Съ русскими купцами отношенія затрудняются незнаніемъ языка, недовѣріемъ къ ихъ нравственнымъ качествамъ и къ ихъ ловкости (ибо товаръ, даже посланный на коммиссію, не всегда продается выгодно или даже вовсе не продается). Для того же, чтобы создать свои склады и свою организацію торговли посредствомъ агентовъ или своихъ коммерческихъ домовъ, потребуется для иностранцевъ очень много капиталовъ и времени. Это потребовало бы переселенія къ намъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, а быть можетъ, и нѣсколькихъ сотенъ тысячъ человѣкъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ было бы хорошо, еслибы въ какомъ-нибудь Арзамасѣ или Стародубѣ можно было найти все, что душѣ угодно, какъ въ Парижѣ. Но пока иностранная торговля успѣетъ привезти свои произведенія на всѣ внутренніе рынки Россіи (что было бы крайне желательно) пройдутъ десятки и десятки лѣтъ [1]. Въ это время русская промышленность, которая кое-какъ снабжаетъ уже

[1] Всякій промышленникъ знаетъ, какъ трудно открывать себѣ новые рынки.

эти рынки, сохранитъ свое господство и успѣетъ приготовиться къ борьбѣ съ новыми конкурентами. Такимъ образомъ, еслибы даже отмѣна пошлинъ состоялась немедленно, вліяніе свободной торговли будетъ обнаруживаться постепенно въ силу самой природы вещей; переходное состояніе, о которомъ такъ хлопочутъ протекціонисты, установится естественно.

Когда утверждается, что всякій стремится купить товаръ тамъ, гдѣ онъ лучше и дешевле, то не надо забывать, что въ общее понятіе „дешевле“ входитъ также и условіе „съ наименьшею затратою труда“.

Посмотрите, что̀ дѣлается въ любомъ городѣ. Магазины, которые находятся на болѣе бойкихъ, болѣе центральныхъ и болѣе красивыхъ улицахъ, продаютъ всегда товары на 50 и иногда даже на 100 процентовъ дороже, чѣмъ магазины въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ. Я знаю, что въ такомъ мѣстѣ я могу пріобрѣсти извѣстную вещь по болѣе низкой цѣнѣ. Но усиліе, которое я долженъ сдѣлать, для того чтобы добраться до того мѣста, не вознаграждаетъ разницы, и я покупаю по цѣнѣ болѣе высокой. Такое дѣйствіе мы повторяемъ *сознательно* почти каждый день, а безсознательно еще чаще; ибо, *не зная*, гдѣ можно купить дешевле, мы покупаемъ дороже тамъ, гдѣ находимъ товаръ.

Промышленники или купцы дѣлаютъ нѣкоторыя усилія, чтобы пріобрѣсти по самымъ выгоднымъ условіямъ приспособленія или матеріалы, которые составляютъ предметъ ихъ производства или

торговли; но по отношенію ко всѣмъ другимъ предметамъ они являются прямыми потребителями, для которыхъ не послѣдняя забота пріобрѣсти *съ наименьшимъ трудомъ*.

На этой важной экономической истинѣ основано *настоящее, естественное* и вполнѣ достаточное покровительство отечественной промышленности. Сношенія съ иностранными отдаленными странами устанавливаются иногда нелегко. Незнаніе языка, нравовъ, обычаевъ, затрудняютъ въ нѣкоторой степени международныя коммерческія сношенія. Легче и слѣдовательно пріятнѣе имѣть дѣло съ соотечественникомъ, чѣмъ съ иностранцемъ. Громадное значеніе для потребителя и даже для производителя имѣетъ время. Не всѣ люди предвидятъ заранѣе то, что̀ имъ нужно. За непредусмотрительность надо тоже заплатить деньги, и многіе соглашаются дать высшую цѣну, лишь бы имѣть поскорѣе товаръ. Наконецъ, болѣе быстрый оборотъ капиталовъ даетъ иногда такую большую пользу, что *выгоднѣе* заплатить бо̀льшую цѣну, лишь бы имѣть товаръ нѣсколько поскорѣе.

Открывайте границы, сколько угодно. Никакое фритредерство не можетъ отнять у отечественной промышленности естественное покровительство, происходящее отъ мѣстныхъ преимуществъ. Приведу только одно доказательство: г. Крупскій доказываетъ, что выдѣлка стекла стоитъ у насъ на 38 процентовъ дороже, чѣмъ за границей. Онъ тоже доказалъ, что настоящая пошлина не пополняетъ этой разницы, и что ее надо почти удвоить,

для того чтобы эта цѣль была достигнута. Казалось-бы, что при такихъ условіяхъ не должно продаваться въ Россіи ни одного произведенія изъ русскаго стекла, ибо оно дороже и хуже заграничнаго. Что же однако мы видимъ на дѣлѣ? Въ 1870 году производилось въ Россіи стеклянныхъ издѣлій на 5 милліоновъ рублей, а въ 1884 г.—на 10.310,000 [1]. Итакъ, несмотря на то, что цѣнность нашего стекла на 38 процентовъ выше иностраннаго, наши фабрики въ теченіе 14 лѣтъ удвоили свое производство! Почему это? Очень просто; потому что русское стекло снабжаетъ такіе рынки, куда иностранцы не могли проникнуть съ своими товарами. Всякій разъ, когда промышленникъ и купецъ сумѣютъ поставить свои товары прямо, такъ-сказать, въ руки покупателей, они будутъ ихъ продавать: отъ этого умѣнья, а не отъ протекціонизма зависитъ ихъ успѣхъ. Но никакой протекціонизмъ не создаетъ этого умѣнья; никакой протекціонизмъ не создаетъ обширнаго класса купцовъ, предпріимчивыхъ и честныхъ. Честность, то-есть, аккуратное выполненіе принятыхъ обязательствъ, есть самый могущественный рычагъ торговли. Она умепьшаетъ на половину всѣ трудности этого дѣла. Ясное сознаніе, что honesty best policy, удесятеряетъ быстроту коммерческихъ операцій. Но, очевидно, не протекціонизмъ можетъ внушить это созпаніе.

Резюмируя все сказанное въ этой главѣ, можно придти къ заключенію, что отъ немедленной отмѣ-

[1] См. Матеріалы по пересмотру тарифа стеклянныхъ издѣлій, стр. 17.

ны таможенныхъ пошлинъ никакого *наводненія* не послѣдуетъ и что, стало-быть, отечественная промышленность ни чуть не будетъ убита наповалъ; напротивъ, она столько же выиграетъ, сколько выиграла и англійская отъ установленія свободной торговли. Вопервыхъ, всѣ механическія приспособленія и всѣ матеріалы будутъ обходиться промышленнику несравненно дешевле; множество стѣсненій и затрудненій, которыя тормозятъ наши предпріятія, будутъ устранены; мы пріобрѣтемъ иностранные рынки для тѣхъ товаровъ, которые мы можемъ производить дешевле другихъ народовъ. Но всего важнѣе, что внутренній рынокъ расширится. Отъ устраненія излишнихъ расходовъ въ производствѣ будетъ достигнута наибольшая экономія во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства и слѣдовательно народъ будетъ скорѣе богатѣть, чѣмъ теперь; онъ будетъ болѣе солидный покупатель, и потребности его будутъ возрастать, а разъ созданная потребность будетъ развиваться все больше и больше на пользу нашей промышленности.

Извѣстно, что въ большихъ торговыхъ центрахъ однородныя отрасли торговли стремятся большею частью группироваться въ одномъ мѣстѣ. Казалось бы, что невыгодно для золотыхъ дѣлъ мастера, если рядомъ съ нимъ двѣ, три, десять лавокъ, гдѣ продаются тѣ же самыя вещи; казалось-бы, что эти конкуренты будутъ для него вредны и что ему лучше торговать одному въ своемъ кварталѣ. Да, такъ *кажется*. Но на дѣлѣ не то. Однородныя отрасли группируются вмѣстѣ, чтобы

облегчить трудъ покупателя: чего онъ не найдетъ въ одномъ магазинѣ, онъ можетъ найти въ другомъ. Еслибы не было этого *другаго*, то покупатель могъ бы совсѣмъ отказаться отъ пріобрѣтенія вещи и тогда ни первый, ни второй магазинъ, не имѣлъ бы пользы отъ ея продажи. Группируясь вмѣстѣ, торговцы поддерживаютъ другъ друга (хотя и ведутъ между собою конкуренцію), потому что шансы привлечь покупателя распредѣляются между ними равномѣрно.

Такъ будетъ съ нашею промышленностью вообще. Изъ того, что будутъ продаваться у насъ иностранныя произведенія, не слѣдуетъ, что не будутъ продаваться наши; напротивъ, дешевизна и доступность товаровъ увеличатъ ихъ спросъ, и тогда русская промышленность будетъ продавать гораздо больше своихъ продуктовъ, чѣмъ теперь, при охранительной системѣ.

Положимъ, что англичане привезли къ намъ милліоны пудовъ желѣза, сотни тысячъ разныхъ машинъ; французы завалили насъ цѣлыми горами разныхъ матерій. Всѣ эти вещи сложены въ амбарахъ и распредѣлены въ самыхъ мелкозаселенныхъ центрахъ нашей имперіи. Но ясно, что иностранцы не будутъ отдавать намъ этихъ вещей даромъ. Они только тогда ихъ выпустятъ изъ рукъ, когда мы имъ предложимъ какой-нибудь товаръ нашего производства, чтобы обмѣнять его на ихъ произведенія. Какое зло могутъ намъ причинить товары, лежащіе

въ складахъ, пока они не выходятъ на свѣтъ Божій?

Но иностранцы будутъ ихъ продавать за безцѣнокъ, говорятъ протекціонисты. Что-же, тѣмъ лучше. Значитъ, русскій будетъ давать мало своихъ продуктовъ и будетъ брать много иностранныхъ: дѣло не накладное[1]. Я пойду дальше. Еслибы иностранцы раздавали свои товары *даромъ*, тогда-то можно было бы имъ сказать *большое-пребольшое спасибо!* Представимъ себѣ, какъ было бы хорошо на Руси, еслибы французы дарили на улицахъ шелковыя матеріи, а англичане отпускали бы безъ денегъ самые усовершенствованные плуги, молотилки и проч. Вотъ бы тогда было не житье, а масляница!..

Не могу также не обратить вниманія читателя на фразу 124 страницы: послѣ отмѣны пошлины будетъ такъ много продуктовъ, что народъ впадетъ въ нищету. Это равносильно слѣдующему положенію: въ такой-то мѣстности такъ *много* прѣсной воды, что люди тамъ

[1] Извѣстно, что многія государства выдаютъ значительныя преміи на вывозимый сахаръ. Въ Англіи же этотъ товаръ не облагается никакой пошлиной. Англичане покупаютъ его дешевле, чѣмъ онъ стоитъ производителю. Не видно, однако, чтобы англійскій народъ страдалъ отъ *наводненія* иностраннаго сахара. Онъ пріобрѣтаетъ его по 4 коп. за фунтъ и, конечно, былъ бы радъ, еслибы онъ стоилъ еще дешевле. Тогда какъ нашъ народъ пьетъ чай въ прикуску, англичанинъ потребляетъ до 77 ф. сахара на человѣка въ годъ. Но и это еще не много: зажиточный человѣкъ потребляетъ по меньшей мѣрѣ 120 ф. сахара въ годъ. Это показываетъ, что даже при цѣнѣ въ 4 к. очень много людей должны отказывать себѣ въ томъ количествѣ сахара, которое съѣли бы съ удовольствіемъ. А что сказать, когда сахаръ стоитъ не 4, а 14 коп.?

страдаютъ отъ жажды. Здѣсь явное противорѣчіе. Предметы, необходимые для человѣка, составляютъ богатство; стало-быть, ихъ изобиліе можетъ создать *богатство, а не нищету.*

Мнѣ часто приходилось спорить съ разными лицами о раціональной системѣ торговли. Если мои оппоненты были прижаты къ стѣнѣ и не находили годныхъ аргументовъ для защиты протекціонизма, они восклицали: „Какъ! вы хотите уничтожить таможни, но, вѣдь, это повлечетъ за собою всеобщее разореніе!“

Я прекрасно видѣлъ, что они сами вовсе не вѣрили въ это *всеобщее разореніе*, но привычка къ существованію таможенъ такъ укоренилась у нихъ, что уничтоженіе этихъ учрежденій казалось имъ какимъ-то чудовищнымъ нововведеніемъ. Они не осмѣливались критикою своего разума проникать и отыскивать дѣйствительность за призрачнымъ покрываломъ протекціонизма. Въ силу закона инерціи и рутины, они думали, что если раньше и такъ долго существовали таможни, то онѣ должны существовать и впредь.

Настало, мнѣ кажется, время наконецъ разсѣять эти ребяческіе страхи и объявить громогласно и безбоязненно, что совершенное уничтоженіе таможенъ не только не принесетъ никакого вреда народамъ, но принесетъ имъ, напротивъ, громадную выгоду.

Безъ сомнѣнія, съ отмѣною всякихъ пошлинъ,

многія лица пострадаютъ. Господа, которые получаютъ теперь отъ своихъ фабрикъ 20, 25, 30 и 35 процентовъ барыша, будутъ получать быть можетъ только 2, 3 или 4 процента. Многія фабрики безъ жизненныхъ задатковъ, учрежденныя самымъ безразсуднымъ образомъ, погибнутъ безвозвратно. Ну, что-же, царство имъ небесное и вѣчный покой! Для народа будетъ даже лучше, потому что эти фабрики не что иное, какъ піявки, сосущія его кровь. Развѣ теперь не закрывается много фабрикъ [1]? Кто видитъ въ этомъ всеобщую гибель государства? Иногда при неурожаяхъ цѣлыя губерніи, цѣлыя области страдаютъ отъ голода, а въ этихъ областяхъ живетъ въ пять, десять разъ больше людей, чѣмъ считается рабочихъ на всѣхъ россійскихъ фабрикахъ. Однако Россія не погибла отъ этихъ неурожаевъ; они не могли даже надолго остановить ростъ ея благосостоянія.

Уничтоженіе таможенъ причинитъ, конечно, кризисъ. Но послѣ нѣкотораго броженія порядокъ возстановится и уже на прочныхъ, научныхъ, незыблемыхъ началахъ.

Будутъ нѣкоторыя страданія — безспорно; но эти страданія положительно ничто въ сравненіи съ

[1] До 1860 года во Франціи были высокія таможенныя пошлины. Тѣмъ не менѣе изъ 100 заводовъ, учрежденныхъ въ этой странѣ, тридцать погибли немедленно послѣ ихъ открытія, шестьдесятъ кое-какъ перебивались, ожидая минуты полнаго крушенія и только десять дѣйствительно процвѣтали. (Amé. Томъ II, стр. 231). Несмотря на нашъ охранительный тарифъ, въ одной Одессѣ въ 1889 году закрылось до 10 фабрикъ, то-есть, около двадцатой части существующихъ въ этомъ городѣ.

тѣми, которыя порождаютъ теперешнія стѣсненія торговли. Безъ протекціонизма богатство было бы, быть можетъ, въ два-три раза больше чѣмъ теперь, прогрессъ двигался бы вдвое или втрое быстрѣе. Мы свыклись съ теперешнимъ положеніемъ дѣлъ и всѣ лишенія, происходящія отъ протекціонизма, не достигаютъ, такъ-сказать, до общественнаго сознанія, тогда какъ внезапныя катастрофы даже отдѣльныхъ лицъ привлекаютъ вниманіе и возбуждаютъ состраданіе. Но надо отдѣлаться отъ этого близорукаго взгляда на вещи. Страданія, причиняемыя теперешнею экономическою системою, очень велики. Подумайте только, что лишать человѣка возможности имѣть вдвое или втрое больше благосостоянія— то же самое, что отобрать у него половину или двѣ трети его имущества. Такая колоссальная и вѣчно продолжающаяся конфискація, очевидно, пагубнѣе и несправедливѣе тѣхъ единоличныхъ недолговременныхъ страданій, которыя можетъ причинить уничтоженіе таможенъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Необходимъ-ли протекціонизмъ для безопасности государства?

Въ предыдущихъ четырехъ главахъ я старался доказать, что общество можетъ быть богато даже безъ особеннаго развитія промышленности, что промышленность можетъ прекрасно развиваться безъ охранительныхъ пошлинъ, что, напротивъ, эти пошлины служатъ главнымъ тормазомъ ея быстрыхъ успѣховъ и, наконецъ, что немедленное уничтоженіе охранительныхъ пошлинъ не только не убьетъ промышленности, но будетъ даже содѣйствовать ея процвѣтанію.

Изъ всего этого читатель убѣдился, я надѣюсь, насколько несостоятельна система протекціонизма въ содѣйствіи развитію богатства.

Обратимся теперь ко второму положенію протекціонистовъ, что ихъ система необходима для безопасности государства.

Выше я формулировалъ ихъ тезисъ [1]: при невозможности вѣчнаго мира, каждому народу надо

[1] См. стр. 54.

производить все у себя дома; охранительная пошлина есть подать, которую граждане должны платить, подобно тому, какъ платятъ за содержаніе арміи и крѣпостей.

Для болѣе успѣшной организаціи дѣла защиты противъ внѣшняго врага происходитъ раздѣленіе труда: общество распадается на военное и гражданское сословія. Для исполненія своихъ обязанностей, каждое изъ нихъ обзаводится спеціальными приспособленіями, какъ-то: для арміи заводятся крѣпости, казармы, орудія, фургоны, ружья, снаряды и проч.; для гражданскаго сословія—всякаго рода земледѣльческія, ремесленныя и фабричныя принадлежности. Понятно, что въ случаѣ войны, нельзя снабжаться боевыми припасами не только у врага, но даже въ нейтральныхъ государствахъ. Поэтому для каждаго народа, желающаго обезпечить свою самостоятельность, *прежде всего* необходимо завести у себя всѣ фабрики, которыя производятъ военныя принадлежности, и пріобрѣтать ихъ только дома, а не у иностранцевъ. Но какъ ни странно, а на самомъ дѣлѣ всѣ правительства поступаютъ не такъ.

Недавно я читалъ въ газетахъ извѣстіе о томъ, что добровольный флотъ заказалъ въ Нью-Кэстлѣ крейсеръ, который можетъ помѣщать запасъ угля на 240 дней. Значитъ, наше правительство не стало ожидать того времени, когда подобное судно могло бы быть построено на своей верфи, а заказало его въ Англіи, для того чтобы имѣть его какъ можно скорѣе. Такъ поступаютъ всѣ правительства всегда и вездѣ. Отлично сознавая, что побѣда, вѣ-

роятнѣе, склонится на сторону снабженнаго болѣе совершеннымъ вооруженіемъ, они пріобрѣтаютъ это вооруженіе, гдѣ только могутъ. Какъ только распространяется слухъ о производствѣ усовершенствованнаго предмета, правительства спѣшатъ его пріобрѣсти, вовсе не заботясь о томъ, какого онъ изготовленія, мѣстнаго или иностраннаго.

Правительства разсуждаютъ совершенно, какъ промышленники, которые желаютъ пріобрѣсти самыя лучшія машины по самой выгодной цѣнѣ и для которыхъ совершенно безразлично, выдѣлывалъ-ли ихъ соотечественникъ или иностранецъ. Прекрасныя ружья Генри Мартини, причинившія намъ столько вреда въ 1877—78 годахъ, были выписаны турками изъ Америки, а ихъ пушки—съ завода Круппа. Еслибы Турція вступила съ нами въ борьбу съ оружіемъ своего производства, то оборона ея была бы несравненно менѣе продолжительна. Такимъ же самымъ образомъ поступаетъ и наше правительство. Первыя ружья Бердана были заказаны въ Америкѣ; стальныя полевыя дальнобойныя орудія заказывались въ Пруссіи заводу Круппа; оттуда же получали береговыя, крѣпостныя и морскія орудія бо̀льшаго калибра.

Правительства покупаютъ у иностранцевъ не только ружья, орудія и проч., т. е., предметы, составляющіе основное обзаведеніе, но даже порохъ, снаряды, патроны и проч., т. е., предметы ежедневнаго расхода военнаго дѣла. Такъ, при введеніи у насъ берданки сперва гильзы, а потомъ латунь для гильзъ очень долго покупались въ Америкѣ.

При теперешнемъ уровнѣ человѣческой цивилизаціи (или, если хотите, человѣческаго варварства), армія самый важный органъ общества. Неумолимая сила обстоятельствъ заставила націи снабдить армію болѣе совершенною организаціей, чѣмъ другія общественныя учрежденія. Какъ только дѣло касается арміи, правительства откладываютъ въ сторону отвлеченныя понятія и призраки и, держась ближе къ конкретной истинѣ, совершенно забываютъ о протекціонизмѣ. Они покупаютъ все лучшее тамъ, гдѣ могутъ найдти по самой дешевой цѣнѣ.

Благоразумное правительство страны, не производящей ни пушекъ, ни ружей, ни снарядовъ, ни патроновъ, можетъ, пользуясь мирнымъ временемъ, достаточно пополнить свои арсеналы, чтобы выдержать продолжительную войну. Замѣтимъ еще, что даже тѣ государства, которыя производятъ у себя дома всѣ военныя принадлежности, не разсчитываютъ на фабрикацію боевыхъ припасовъ во время войны, а ведутъ войну запасами, заготовленными въ мирное время. Это единственный способъ обезпеченія арміи при современной быстротѣ, съ которой разыгрываются войны.

Итакъ, еслибы самыя могущественныя націи были тѣ, которыя выдѣлываютъ у себя дома всѣ военныя принадлежности, то протекціонисты были бы правы; но тогда правительства не покупали-бы ни одного боевого припаса внѣ своихъ границъ. Но такъ какъ на дѣлѣ самая сильная армія просто та, которая (при одинаковыхъ условіяхъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ) владѣетъ самымъ лучшимъ

вооруженіемъ, то правительства только заботятся о томъ, чтобы имѣть это наилучшее вооруженіе и практикуютъ полнѣйшую свободу покупки (это-то и есть фритредерство). Трудно послѣ этого утверждать, что охранительная система необходима для обезпеченія государственной безопасности въ военномъ отношеніи.

Но допустимъ даже, что въ самомъ дѣлѣ приготовленіе всѣхъ боевыхъ принадлежностей необходимо производить у себя дома: развѣ изъ этого слѣдуетъ, что необходима протекціонная система? Ничуть не бывало. И вотъ почему.

Правительство можетъ устроить заводы для приготовленія боевыхъ принадлежностей, выплачивая ихъ расходы изъ налоговъ [1]. Если же правительство считаетъ, что частные заводы могутъ работать дешевле казенныхъ, то оно имъ передаетъ изготовленіе боевыхъ принадлежностей. Если даже и мѣстные заводы не могутъ производить ихъ дешевле, то и тогда протекціонизмъ совершенно здѣсь не нуженъ: достаточно просто выдавать преміи этимъ заводамъ или покупать у нихъ продукты по болѣе высокой цѣнѣ, чѣмъ заграничные. Эти преміи и приплаты будутъ извлекаться опять-таки изъ общихъ доходовъ государства такъ же, какъ издержки на прокормленіе войска, на содержаніе военныхъ чиновъ, и проч.

Для того чтобы вести войну, нужны три вещи,

[1] У насъ, какъ извѣстно, на первыхъ порахъ покупали берданки въ Америкѣ, потомъ наше правительство стало ихъ выдѣлывать на своихъ заводахъ.

сказалъ Монтекукули: деньги, деньги и деньги. Посредствомъ протекціонизма государство уменьшаетъ народное богатство и, стало-быть, казенные доходы. Поэтому въ боевомъ отношеніи оно какъ-бы само обезоруживаетъ себя. Затѣмъ каждый органъ долженъ отправлять свою функцію, а не чужую. Тогда только достигается максимумъ развитія общества. Если военное министерство нуждается въ извѣстныхъ суммахъ для защиты страны, оно должно просто и прямо ихъ требовать отъ народа, который будетъ ихъ выплачивать посредствомъ податей. Но вмѣшательство въ экономическій строй общества ради военныхъ цѣлей ведетъ только къ разоренію.

Приведу одно доказательство.

Одна изъ причинъ, которая повліяла, какъ извѣстно, на запрещеніе иностранцамъ производить у насъ каботажъ, это—желаніе создать опытныхъ моряковъ для комплектованія военнаго флота. Но потери, проистекающія для народа отъ законовъ, стѣсняющихъ плаваніе на нашихъ моряхъ, гораздо больше тѣхъ, которыя были-бы необходимы морскому вѣдомству для образованія своего персонала изъ людей, никогда не видѣвшихъ моря.

Покончивъ съ арміею, перейдемъ къ гражданамъ.

Надо всѣ необходимые предметы изготовлять дома, говорятъ протекціонисты; иначе въ случаѣ войны нація будетъ обречена на погибель. Дѣйствительно-ли однако такъ велика опасность? Бросимъ громкія и пустыя фразы и обратимся къ фактамъ.

Во время послѣдней войны съ Турціей наши южные порты были въ блокадѣ. Лишилась-ли отъ

этого вся южная часть нашего отечества предметовъ первой необходимости? Замѣтно-ли было у насъ разложеніе общества? Страны рѣдко ведутъ войны одновременно со всѣми своими сосѣдями. Что̀ не проникаетъ чрезъ одну границу, ввозится чрезъ другую. Но еслибы даже война была всеобщая, она не набѣгаетъ внезапно, какъ гроза, и торговля находитъ возможность во̀-время запастись предметами заграничнаго приготовленія, подобно тому, какъ правительства запасаются порохомъ, патронами и прочими боевыми принадлежностями.

Войнъ, увы, не мало среди самыхъ образованныхъ государствъ. Но, я спрашиваю, гдѣ и когда имѣли онѣ послѣдствіемъ ту пресловутую погибель общества, которою насъ такъ запугиваютъ гг. протекціонисты? Это—такой же призракъ, какъ знаменитое „наводненіе“ иностранными продуктами.

Но допустимъ даже, что промышленная зависимость отъ иностранцевъ повлечетъ большія бѣдствія во время войны. Можетъ-ли это служить достаточнымъ доводомъ въ пользу протекціонизма? Нелогично и неблагоразумно подчиняться постоянно разорительной торговой системѣ во имя случайностей, наступающихъ чрезъ отдаленные промежутки времени, которыхъ невозможно предвидѣть заранѣе. У насъ не было войны съ Швеціей 81 годъ, съ Пруссіей 127 лѣтъ; съ Австріей мы никогда не воевали [1]. Съ Персіею послѣдняя война была въ

[1] Если въ 1812 году Австрія двинула свои войска въ предѣлы Россіи, то это было только по приказанію Наполеона; поэтому я не принимаю этого факта во вниманіе.

1827 г., съ Китаемъ тоже мы не имѣли никакихъ враждебныхъ столкновеній. Можетъ-ли кто сказать, когда будетъ нарушенъ миръ съ нашими сосѣдями? Разумно-ли заставлять русскій народъ терпѣть всѣ тяжести и всѣ стѣсненія протекціонизма въ виду случайности, наступленія которой никто не можетъ предвидѣть? Не безумно-ли поступилъ бы человѣкъ, подвергая себя постоянному лишенію пищи и неминуемому изнуренію, чтобы предупредить разстройство органовъ пищеваренія, которое можетъ проявиться въ рѣдкихъ случаяхъ.

Изъ вышесказаннаго можно заключить, кажется, что протекціонизмъ такъ же мало нуженъ для гражданскаго населенія, какъ и для военнаго сословія; стало-быть, эта система вовсе не необходима для безопасности государства.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Уменьшаетъ-ли экономическая зависимость безопасность государства?

Каждое державное государство имѣетъ право объявить войну, когда оно находитъ это выгоднымъ для себя. Изъ этого анархическаго положенія международныхъ отношеній, продолжавшагося столько столѣтій, вытекаетъ главнымъ образомъ убѣжденіе, что каждый народъ долженъ производить у себя дома все, что ему необходимо.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ только отдѣльныя государства сливаются въ одно, какъ только слѣдовательно между ними устанавливаются *правовыя* отношенія, немедленно уничтожаются всѣ таможенныя преграды, и экономическую зависимость находятъ уже совершенно безвредною. При перемѣнѣ политическихъ границъ промышленники, которые считались раньше самыми опасными конкурентами, превращаются вдругъ въ самыхъ полезныхъ сотрудниковъ.

Такъ, Неаполь до 1860 г. находилъ нужнымъ защищать свою промышленность отъ конкуренціи

Пьемонта и Тосканы. Но, когда всѣ эти государства, годъ спустя, соединились въ одно королевство, итальянское правительство признало промышленность Пьемонта и Тосканы совершенно безвредною для Неаполя, ибо таможни, отдѣлявшія Неаполь отъ Тосканы и Пьемонта, были упразднены. Всѣмъ извѣстно, что до 1870 г. ситцевое производство Эльзаса стояло на очень высокомъ уровнѣ совершенства. Нѣмецкія фабрики однородныхъ продуктовъ не могли, конечно, соперничать съ эльзасскими; тѣмъ не менѣе нѣмецкое правительство не считало, что промышленность въ Германіи будетъ разорена отъ перенесенія таможни съ Рейна на Вогезы. Въ этомъ случаѣ оно было совершенно право, ибо нѣмецкая промышленность будетъ такъ же мало разорена и отъ перенесенія таможни съ Вогезовъ на Атлантическій океанъ.

То же самое мы видимъ и въ Россіи. Промышленность, благодаря нѣмцамъ, гораздо болѣе развита въ Польшѣ, чѣмъ въ нашихъ восточныхъ губерніяхъ. Правительство наше (да и народъ, полагаю) не ощущаетъ въ этомъ никакого неудобства. Но, будь Польша государствомъ иностраннымъ, тотчасъ же сталъ бы преобладать взглядъ, что ея промышленность убиваетъ нашу.

Лодзь и Москва заключены нынѣ въ одной общей таможенной границѣ, и это нисколько не препятствуетъ быстрымъ успѣхамъ московской промышленности.

Странное дѣло! Видѣли-ли когда-нибудь, чтобы одна область жаловалась на развитіе промышлен-

ности въ другой? Слышали-ли, напримѣръ, чтобы обитатель Курска говорилъ: „какъ много фабрикъ въ Москвѣ! Какое несчастіе, что онѣ не въ Курскѣ?“ Никто, конечно, никогда не произносилъ подобныхъ словъ. Въ послѣднее время стало быстро развиваться на югѣ Россіи желѣзнодѣлательное производство при условіяхъ, во многомъ гораздо выгоднѣйшихъ, чѣмъ на сѣверѣ. Уральскимъ заводамъ грозитъ большая опасность. Никто однако не бьетъ тревоги. И правительство, и граждане рады, когда много фабрикъ въ государствѣ, вовсе не заботясь о томъ, въ какой губерніи онѣ находятся. А почему? Потому что не предполагается войны между отдѣльными губерніями государства, тогда какъ она можетъ возникнуть ежедневно съ иностранцами. Въ дѣйствительности фабрика въ Австріи или въ Пруссіи такъ же полезна для русскихъ, какъ фабрика въ Москвѣ полезна для жителя Украйны. Но такъ какъ москвичъ и украинецъ соотечественники, а пруссакъ и австріецъ иностранцы, то въ двухъ этихъ случаяхъ устанавливаются различныя отношенія. Чисто политическія соображенія вліяютъ на экономическія мѣропріятія.

Разсмотримъ теперь, возможна-ли экономическая независимость, о которой такъ хлопочутъ протекціонисты, и если возможна, то насколько она желательна для безопасности государства.

Съ большимъ прискорбіемъ мы должны разочаровать гг. протекціонистовъ. Увы, экономическая самостоятельность государства—теперь уже отживающій фазисъ въ ходѣ человѣческой цивилизаціи.

Можно объ этомъ сожалѣть, можно это считать большимъ несчастіемъ; но никто и ничто не можетъ измѣнить этого положенія.

Весь земной шаръ въ настоящее время составляетъ одинъ общій рынокъ; и надо быть поистинѣ слѣпымъ, чтобы не видѣть этого факта, который съ каждымъ днемъ все больше и больше пріобрѣтаетъ значенія. Усовершенствованіе перевозочныхъ средствъ въ наше время настолько ускорило передвиженіе товаровъ, что ихъ можно ежедневно выписывать изъ самыхъ отдаленныхъ странъ нашей планеты. Нѣтъ теперь ни одной гавани на всѣхъ континентахъ, которая бы отстояла отъ Лондона болѣе, чѣмъ на 40 дней. Парусныя суда употребляли пять мѣсяцевъ, чтобы совершить переходъ изъ Англіи въ Индію; теперь локомотивы и пароходы требуютъ около двухъ недѣль. Обмѣнъ мыслей и товаровъ между этими странами могъ совершаться въ началѣ нашего столѣтія разъ въ годъ, а въ настоящее время это происходитъ около двадцати пяти разъ. Съ другой стороны, телеграфъ и газеты приносятъ намъ свѣдѣнія о состояніи всѣхъ рынковъ нашей планеты наканунѣ того дня, когда мы ихъ получаемъ. Благодаря этому обстоятельству, купецъ принимаетъ въ свои соображенія самыя отдаленныя части земнаго шара. Такъ, московскій фабрикантъ можетъ получить хлопокъ изъ Бухары, изъ Америки, изъ Индіи и Египта. Эти столь отдаленныя другъ отъ друга страны ведутъ уже между собою прямую и ежедневную конкуренцію, тогда какъ, лѣтъ семьдесятъ тому назадъ, нѣкото-

рыя изъ нихъ были совершенно недоступны европейцамъ. Подъ вліяніемъ новыхъ условій хлѣбная торговля совершенно измѣнила свои пріемы: оптовые покупатели перестали держать большіе склады зерна, такъ какъ всегда могутъ своевременно притянуть запасы изъ далекихъ странъ. Съ другой стороны, усовершенствованіе торговыхъ двигателей довело расходы по перевозкѣ до величинъ, не имѣющихъ почти никакого значенія. Были примѣры перевозки товаровъ изъ Бразиліи въ Марсель по 3 коп. съ пуда (то, что мы платимъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ изъ Николаева въ Одессу). Разстояніе въ наше время не играетъ уже никакой роли. Такъ, въ Одессѣ фрахты на Лондонъ гораздо дешевле, чѣмъ на Батумъ. Хотя Одесса дальше отъ Ріо-де-Жанейро, чѣмъ Нью-Іоркъ, но въ настоящее время фрахты одинаковы между этими портами. Фрахты теперь зависятъ очень часто не столько отъ разстоянія, сколько отъ приспособленій для выгрузки и нагрузки, имѣющихся въ различныхъ гаваняхъ.

Благодаря всему этому, международные торговые обороты возрасли въ теченіе одного столѣтія съ 4 милліардовъ франковъ до 80-ти. Нѣтъ теперь ни одной націи, которая могла-бы обойтись безъ другихъ, какъ для покупки, такъ и для продажи съѣстныхъ припасовъ, сырыхъ матеріаловъ, необходимыхъ для промышленности и фабричныхъ издѣлій.

Я говорилъ выше, что Англія совершенно зависитъ отъ иностранцевъ, ибо они доставляютъ ей два самые необходимые предмета ежедневнаго

пропитанія: хлѣбъ и мясо. Но она тоже зависитъ отъ нихъ и въ отношеніи почти всѣхъ другихъ продовольственныхъ припасовъ: молока, масла, яицъ и проч. Сѣверная Франція, Бельгія, Голландія и даже Россія ежедневно снабжаютъ лондонскіе рынки. Эти обстоятельства возникли очень недавно. Только начиная съ 1793 г., Англія перестала производить достаточно хлѣба для прокормленія своего населенія. Что же касается до другихъ съѣстныхъ припасовъ, то только со второй половины нашего столѣтія Англія стала абсолютно нуждаться въ иностранномъ привозѣ.

Всѣ европейскіе народы находятся теперь отчасти въ томъ же самомъ положеніи, какъ Англія. Они должны привозить изъ-за границы нѣкоторые съѣстные припасы, которые сдѣлались почти предметомъ первой необходимости: рисъ, кофе, сахаръ (въ странахъ, гдѣ не ростетъ свекловица), чай и проч. и проч. Лишиться этихъ иностранныхъ продуктовъ было бы весьма тягостно, какъ напримѣръ, въ Россіи,—народнаго напитка, чая.

Зависимость отъ иностранцевъ не менѣе велика и по отношенію къ сырымъ матеріаламъ, необходимымъ для промышленности. Италія и Голландія не имѣютъ у себя каменнаго угля. Нѣкоторыя самыя главныя отрасли фабричнаго производства должны получать матеріалы изъ дальнихъ странъ: хлопокъ идетъ изъ Америки, изъ Индіи и Египта, шерсть изъ Австраліи, а шелкъ въ громадномъ количествѣ изъ Японіи и Китая. Французскія фабрики переработали въ 1885 году 2.626,000 килогр. шелку,

изъ которыхъ только 535,000 мѣстнаго производства. Наконецъ есть еще одинъ продуктъ первой необходимости — керосинъ, который почти составляетъ въ наше время монополію Америки и Россіи.

„Если въ Америкѣ какой-нибудь кризисъ или какое-нибудь повышеніе пошлины уменьшаетъ потребленіе шелковыхъ матерій, говоритъ г. Молинари [1], то эти обстоятельства немедленно вліяютъ на французскихъ фабрикантовъ, а затѣмъ косвеннымъ образомъ на производителей сыраго продукта и на лицъ, снабжающихъ промышленниковъ и рабочихъ съѣстными припасами, и такъ далѣе. Въ странахъ, ведущихъ даже самую незначительную иностранную торговлю, нѣтъ уже ни одного человѣка, который прямо или косвенно не испытывалъ-бы на себѣ экономическихъ колебаній, происходящихъ въ иностранныхъ государствахъ... Солидарность такимъ образомъ растетъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ коммерческихъ оборотовъ, и въ послѣднее столѣтіе она увеличилась по крайней мѣрѣ въ двадцать разъ“.

Итакъ мы видимъ, что еслибы даже націи могли выдѣлывать у себя дома всѣ промышленныя произведенія безъ исключенія, то во всякомъ случаѣ онѣ принуждены пріобрѣтать заграницею многіе съѣстные припасы и сырые матеріалы. При этихъ условіяхъ полная экономическая самостоятельность народовъ въ наше время также неосуществима, какъ и возстановленіе Римской Имперіи.

Такъ какъ международная торговля возникаетъ

[1] Morale économique. Парижъ, 1880 г., стр. 327.

вслѣдствіе не искусственныхъ, а свободныхъ побужденій, то надо полагать, что она выгодна, какъ для покупателей, такъ и для продавцовъ. Одно уже это доказываетъ, что она желательна съ экономической точки зрѣнія. Но надо тоже принять въ соображеніе и политическую сторону дѣла.

Національная независимость — самое высшее благо на свѣтѣ; и еслибы экономическая солидарность государствъ угрожала ей опасностью, то противъ этой солидарности слѣдовало-бы бороться всѣми силами, какъ противъ самаго опаснаго врага. Чѣмъ больше зависимость отъ иностранцевъ въ экономическомъ отношеніи, говорятъ протекціонисты, тѣмъ болѣе страна уязвима во время войны. Безспорно, такъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что чѣмъ совершеннѣе экономическій строй, тѣмъ пагубнѣе разстройство, наносимое войною. Чѣмъ цивилизованнѣе государство, тѣмъ труднѣе оно переноситъ политическія невзгоды.

Все это совершенно справедливо. Но какъ рѣки не могутъ возвращаться къ своимъ истокамъ, такъ и народы не могутъ идти противъ теченія всемірныхъ законовъ. Что прошло, то прошло; то, что исторія унесла съ собою, того уже не воскресить. Волей-неволей приходится мириться съ современными обстоятельствами, и остается изслѣдовать, превышаютъ-ли выгоды настоящаго положенія его недостатки.

Прежде всего бо́льшая уязвимость государства нашего времени ничуть не происходитъ отъ таможеннаго тарифа, а отъ общаго хода цивилизаціи. Пустын-

ная страна будетъ, конечно, меньше страдать отъ нашествія иностранцевъ, чѣмъ страна богатая, гдѣ всѣ поля прекрасно обработаны, гдѣ есть безчисленныя фабрики и самые усовершенствованные пути сообщенія. Но какая бы ни преобладала экономическая политика—протекціонизмъ-ли, или фритредерство—разъ общество богато, оно подвергается большой опасности въ случаѣ войны. Нѣтъ никакой надобности подвергать общество всѣмъ страданіямъ и лишеніямъ, происходящимъ отъ покровительственной системы во время мира, когда все-равно во время войны эта система не оказываетъ никакой пользы странѣ, занятой непріятелемъ. Не станутъ же утверждать протекціонисты, что нищета желательна, потому что она увеличиваетъ безопасность.

Но, всматриваясь поглубже въ вопросъ международной солидарности, нельзя не замѣтить, что она является самымъ вѣрнымъ залогомъ мира.

Извѣстно, что существа, стоящія на самыхъ низкихъ ступеняхъ біологическаго развитія, состоятъ изъ простаго соединенія клѣтокъ. Каждая изъ этихъ клѣтокъ питается сама и можетъ, въ случаѣ надобности, вести самостоятельную жизнь. Но именно потому, что клѣтки пользуются этой самостоятельностью, организмъ стоитъ на самомъ низкомъ уровнѣ развитія, ибо въ немъ можетъ проявляться только одна функція — питаніе. Посредствомъ раздѣленія труда между клѣтками функціи умножаются и дифференцируются, и скоро наступаетъ моментъ, когда отдѣльныя клѣтки не могутъ уже обойтись одна безъ

другой. Въ этой стадіи развитія смерть нѣкоторыхъ частей влечетъ за собою смерть всѣхъ другихъ.

Точно такой же процессъ происходитъ въ обществѣ. Много экономическихъ отношеній связываетъ въ настоящее время цивилизованныя націи. Однако въ случаѣ надобности и испытывая, конечно, большія страданія, почти всѣ онѣ могутъ еще жить самостоятельною жизнью. Еслибы, напримѣръ, Франція могла выдѣлывать всѣ шелковыя матеріи, необходимыя для человѣчества, а Швейцарія — всѣ часы, то трудно себѣ представить, какое отъ этого должно было-бы произойти несчастіе. Ясно, какъ день, что, чѣмъ больше будетъ раздѣленія труда между націями, тѣмъ болѣе онѣ будутъ нуждаться другъ въ другѣ, и тѣмъ труднѣе онѣ будутъ рѣшаться на объявленіе войны. Когда же, благодаря свободной торговлѣ, отношенія будутъ все многочисленнѣе и тѣснѣе, то настанетъ моментъ, когда эти націи не будутъ въ состояніи обойтись одна безъ другой [1]. Тогда онѣ составятъ организмъ болѣе сложный,

[1] Этотъ моментъ насталъ, какъ извѣстно, для Англіи, ибо безъ подвоза иностранныхъ съѣстныхъ припасовъ половина англичанъ должна буквально умереть съ голоду. Сама того не подозрѣвая, Англія составляетъ уже не самостоятельное цѣлое, а *часть* болѣе обширной соціальной группы цивилизованныхъ народовъ. Вопросъ о хлѣбѣ уже окончательно рѣшенъ въ Англіи. Пшеница стоитъ иногда дешевле въ Лондонѣ, чѣмъ въ Одессѣ или Ростовѣ. Остается такъ же рѣшить вопросъ о мясѣ. Извѣстно, что это почти исполнено; благодаря аппаратамъ для замораживанія мяса, оно также будетъ стоить немного дороже въ Англіи, чѣмъ въ Аргентинской Республикѣ. Тогда населеніе Англіи будетъ еще увеличиваться, и ея зависимость отъ иностранцевъ станетъ больше теперешней.

чѣмъ теперешнія государства, именно — федеративную группу [1].

Если село составляетъ отдѣльное государство, то безопасность селянина почти ничтожна, ибо защита, которую могутъ дать 300-400 воиновъ, весьма слаба. Если область составляетъ отдѣльное государство, безопасность обывателя увеличивается уже въ нѣкоторой степени. Наконецъ, государство, имѣющее сто милліоновъ жителей, какъ Россія, понятно, представляетъ еще болѣе гарантіи для гражданина противъ безнаказаннаго нападенія на него внѣшняго врага. Словомъ, безопасность личности пропорціональна величинѣ соціальной группы, къ которой она принадлежитъ. Эта безопасность достигнетъ возможнаго максимума на землѣ, когда всѣ народы составятъ одну федеративную группу. А такъ какъ свободная торговля содѣйствуетъ созданію этой группы, то она скорѣе осуществитъ въ будущности безопасность каждой отдѣльной націи, чѣмъ всякія таможенныя преграды.

Наши протекціонисты, утверждая, что „надо все производить у себя дома“, вѣроятно, не подозрѣваютъ, что они повторяютъ весьма старую стереотипную фразу. Еще въ XVII столѣтіи Кольберъ произнесъ знаменитое изреченіе: „Франція должна довольствоваться сама собою“.

[1] Тотъ самый біологическій процессъ, который соединилъ нѣсколько клѣтокъ въ одинъ организмъ, создаетъ и федеративныя группы государствъ.

Если какое-нибудь сужденіе заключаетъ въ себѣ истину, то эта истина должна проявляться во всѣхъ случаяхъ его примѣненія. Напримѣръ: всякое непомѣрное усиліе ослабляетъ организмъ. Это сужденіе, если оно истинно, должно быть вѣрно для Петра, для Павла, для Ивана, сегодня, какъ вчера; оно будетъ вѣрно, какъ для цѣлаго индивидуума, такъ и для отдѣльнаго органа, даже для отдѣльной клѣтки; оно будетъ вѣрно и для собранія индивидуумовъ: для артели рабочихъ, для сословія, для цѣлой націи.

Каждое общество должно само удовлетворять своимъ экономическимъ потребностямъ. Если это сужденіе вѣрно, то изъ него логически вытекаетъ, что общество, не удовлетворяющее своимъ потребностямъ, должно страдать. На языкѣ экономическомъ это сужденіе принимаетъ такой видъ: общество, само не удовлетворяющее своимъ потребностямъ, разоряется. Подтверждаютъ ли факты такой выводъ?

Въ самый блестящій періодъ своей исторіи Аттика не могла прокармливать свое многочисленное населеніе. Афиняне привозили съѣстные припасы изъ чужихъ странъ. Несмотря на это, афиняне были тогда самый богатый народъ въ мірѣ. Скифы же, наши предшественники, которые снабжали тогда Аттику хлѣбомъ, прекрасно довольствовались своими произведеніями—и жили въ варварствѣ и пищетѣ.

Извѣстно, что земледѣліе Англіи не производитъ достаточно продуктовъ, для того чтобы прокормить населеніе этой страны. Еслибы положеніе протекціонистовъ было вѣрно, то слѣдовало-бы признать, что Англія разоряется, покупая русскій хлѣбъ,

американскій хлопокъ и тысячи другихъ иностранныхъ продуктовъ. Но увы! статистика доказываетъ самымъ неопровержимымъ образомъ, что богатство растетъ въ Англіи съ удивительною быстротою, съ бо́льшею быстротою, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ Европы. Такъ, доходъ всѣхъ англичанъ, вмѣстѣ взятыхъ, оцѣнивался въ 1821 году въ 480 милліоновъ фунт. ст., а въ 1885 году—въ 1,247 милліоновъ ф. ст.: онъ почти утроился въ 64 года [1].

Мы разсмотрѣли положеніе протекціонистовъ по отношенію къ общему. Разсмотримъ теперь его по отношенію къ частямъ, т. е. къ лицамъ. Можетъ-ли каждый изъ насъ приготовить себѣ пищу? Можемъ-ли мы обойтись безъ поваровъ или кухарокъ? Мы находимся, стало-быть, въ ежедневной и самой тѣсной зависимости. Кто изъ насъ считаетъ себя несчастнымъ потому, что онъ не долженъ самъ себѣ готовить пищу? Напротивъ, мы всѣ этому рады. Перейдемъ отъ индивидуумовъ къ сословіямъ. Могутъ-ли военные обойтись безъ гражданъ, которые платятъ налоги для ихъ содержанія? Могутъ-ли, наконецъ, нѣкоторыя области государства обойтись безъ произведеній другихъ? Какая судьба постигла-бы фабрики Мидльсекса, еслибы не доставляли имъ угля изъ Валлиса или Іоркскаго графства? Можно-ли осуждать итальянцевъ зато, что, не имѣя у себя дома минеральнаго топлива, они тѣмъ не менѣе устраиваютъ у себя заводы, работающіе на иностранномъ углѣ?

Всѣ народы проходятъ чрезъ одинаковые фазисы

[1] См. Jeans. *La suprématie de l'Angleterre*, стр. 375 и 484.

умственнаго развитія. Большое число нелѣпостей, которыя имѣютъ у насъ теперь право гражданства, когда-то царило тоже въ Англіи. Къ счастію для англичанъ, они избавились отъ многихъ изъ нихъ раньше другихъ народовъ. Въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія у нихъ тоже утверждалось постоянно, что охранительныя пошлины необходимы, для того чтобы не попасть въ зависимость отъ иностранцевъ. На митингѣ 26 января 1844 г. членъ манчестерской лиги, Фоксъ, съ необыкновенною ироніей возсталъ противъ этого софизма. Вотъ его слова: *„Быть независимыми отъ иностранцевъ* — вотъ любимая тема нашей аристократіи. Но она забываетъ, что употребляемое ею гуано для удобренія полей покрываетъ британскую почву иностраннымъ навозомъ, который проникаетъ въ каждый атомъ зерна и налагаетъ на него пятно столь нетерпимой ею зависимости. Но кто же онъ, этотъ богатый баринъ, этотъ адвокатъ народной независимости и врагъ всякаго сношенія съ иностранцами? Разсмотримъ его жизнь. Вотъ поваръ-французъ, приготовляющій обѣдъ для господина, и лакей-швейцарецъ, приготовляющій господина къ обѣду. Милэди, которую онъ ведетъ подъ руку, сіяетъ вся въ жемчугѣ, котораго никто не найдетъ въ британскихъ раковинахъ, а перо, плавающее на ея головѣ, не вырвано изъ хвоста англійской индѣйки. Говядина на его столѣ привозится изъ Бельгіи, а вина съ береговъ Рейна или Роны. Онъ покоитъ свои взоры на цвѣтахъ, привезенныхъ изъ южной Америки. Его любимый конь принадлежитъ къ породѣ арабской, а

собака—къ сен-бернардской. Его галлерея наполнена фламандскими картинами и греческими статуями. Когда онъ хочетъ разсѣяться, то ѣдетъ слушать итальянскихъ артистовъ, поющихъ нѣмецкую музыку, послѣ которой слѣдуетъ французскій балетъ. Повышается-ли онъ въ судебныхъ должностяхъ,— его плечи покрываетъ горностай, котораго напрасно стали-бы искать между британскими животными. Даже его умъ представляетъ пестроту чужеземныхъ заимствованій. Его философія происходитъ изъ Греціи и Рима, геометрія изъ Александріи, ариѳметика изъ Аравіи, а религія — изъ Палестины. Отъ колыбели уже онъ кусаетъ зубами кораллъ, собираемый въ Индѣйскомъ Океанѣ, а когда умретъ, ему ставятъ памятникъ изъ каррарскаго мрамора“ [1].

Очевидно, благородные лорды вовсе не думали избавиться отъ зависимости иностранцевъ; напротивъ, они только и думали о томъ, чтобы изъ всякой страны извлечь все, что она имѣетъ лучшаго. Каждый изъ нихъ отдѣльно практиковалъ самую вѣрную экономическую политику. Въ самомъ дѣлѣ, каждый человѣкъ стремится не къ абсолютной самостоятельности, а къ полученію наибольшихъ наслажденій съ наименьшимъ трудомъ. Экономическая политика правительствъ должна была-бы быть направлена къ тому, чтобы граждане могли, какъ можно скорѣе, достигать этой цѣли.

---

[1] Калиновскій. *Развитіе идеи свободной торговли*, стр. 155 выноска.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Фазисъ несовершеннолѣтія промышленности.

Перейдемъ теперь къ третьему отдѣлу этой книги и разсмотримъ, насколько протекціонисты правы, когда они утверждаютъ, что ихъ система оберегаетъ интересы народныхъ массъ.

Тьеръ выразился слѣдующимъ образомъ во французской палатѣ депутатовъ 3 февраля 1834 г. при обсужденіи предлагаемыхъ измѣненій тарифа: „Охранительная система, примѣненная къ продукту, имѣющему шансы на успѣхъ, хороша, но она хороша *только временно*. Дѣйствіе ея должно кончиться, когда окончено воспитаніе промышленности, когда промышленность вошла въ періодъ зрѣлости“ [1]. Значитъ, протекціонисты допускаютъ возможность наступленія такого экономическаго момента въ развитіи охраняемой промышленности, когда она, окрѣпнувъ, не будетъ уже болѣе нуждаться въ посторонемъ попеченіи и въ состояніи будетъ своими собственными силами удержать выгодное положеніе на всемірномъ рынкѣ. Такимъ образомъ оказывается,

[1] Amé. *Etude sur les tarifs*. Томъ I, стр. 191.

что протекціонисты, охраняя извѣстное время промышленность, приготовляютъ ее къ самостоятельной борьбѣ при условіяхъ свободной торговли. Слѣдовательно они признаютъ свободную торговлю желанной, законной и окончательной формой экономическихъ международныхъ отношеній.

Слова одного изъ апостоловъ протекціонизма подтверждаютъ вышесказанное: „Для народа, находящагося на самой высокой ступени мануфактурнаго развитія, говоритъ Фридрихъ Листъ, *свободная торговля не только полезна, но даже необходима*“.

Къ сожалѣнію, между теоріями протекціонистовъ и ихъ дѣйствіями—бездна. Подъ личиною попеченія и заботы объ общественномъ благѣ проповѣдующіе протекціонизмъ нерѣдко хищнически и безпощадно эксплуатируютъ невѣжественныя народныя массы.

Еслибы протекціонисты дѣйствительно думали о всеобщемъ благѣ, то они заботились-бы о снятіи охраны, какъ только промышленность своими дѣйствіями заявляетъ о вступленіи ею въ періодъ возмужалости. Въ дѣйствительности однако мы видимъ совершенно противоположное явленіе. Фабриканты шелковыхъ лентъ города Сент-Этьена, напримѣръ, вывозили заграницу двѣ трети своихъ продуктовъ. Тѣмъ не менѣе, при обсужденіи торговаго договора съ Англіею въ 1860 г., они просили *удвоить* существовавшую тогда пошлину на этотъ предметъ [1]. Я бы могъ привести множество такихъ примѣровъ. Во Франціи не мало товаровъ, со-

[1] Amé. *Etude sur les tarifs*, т. I, стр. 433.

ставлявшихъ значительную статью вывоза, было даже совершенно запрещено къ привозу[1]. Стало-быть, утверждать, что гг. протекціонисты заботятся о всеобщемъ благѣ, положительно невозможно. Съ другой стороны, еслибы въ самомъ дѣлѣ охранительная пошлина вводилась исключительно въ видахъ народной пользы, то ее слѣдовало-бы ограничивать во времени. Законодатель долженъ былъ-бы вести такую рѣчь съ промышленниками: „Хорошо, я буду охранять вашу отрасль производства въ теченіе 20, 30, 40 лѣтъ, но въ концѣ этого періода одно изъ двухъ: или ваша отрасль производства окрѣпнетъ, или будетъ доказано, что она не имѣетъ живучести; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ справедливость требуетъ снятія охраняющихъ васъ пошлинъ, которыя я, законодатель, устанавливаю для васъ, какъ дань съ вашихъ соотечественниковъ. Не можете же вы требовать, чтобы я вѣчно жертвовалъ интересами однихъ гражданъ въ пользу другихъ“.

На дѣлѣ такихъ ограниченій во времени не бываетъ нигдѣ. Охранительныя пошлины во Франціи существуютъ уже болѣе двухъ столѣтій, и, несмотря на такое долгое время, нѣкоторые промышленники утверждаютъ тамъ, что французскія мануфактуры еще не окрѣпли.

Еслибы пошлина существовала въ самомъ дѣлѣ только для обезпеченія производствамъ возможности достигать періода зрѣлости, то во всѣхъ государствахъ естественно возникло-бы особое учрежденіе, постоянно слѣдящее за успѣхами промышленности, съ тѣмъ

[1] Тамъ же, стр. 290.

чтобы законодатель могъ немедленно отмѣнять пошлину на предметы тѣхъ производствъ, которыя выдерживаютъ конкуренцію на всемірномъ рынкѣ. Но такихъ учрежденій не существуетъ нигдѣ. Что вѣчная проповѣдь о наложеніи пошлинъ истекаетъ изъ личнаго интереса гг. промышленниковъ—я это вижу; но я не вижу, кто заботится о несчастныхъ потребителяхъ!.. Виноватъ, о нихъ заботится наука, называемая политическою экономіей. Къ сожалѣнію, адвокатъ этотъ почти во всѣхъ государствахъ пользуется пока очень малымъ вліяніемъ.

Уже по самой природѣ вещей, вслѣдствіе разницы климатовъ, каждая страна не можетъ производить всѣхъ продуктовъ, необходимыхъ для человѣчества. Съ другой стороны, каждый народъ обладаетъ болѣе или менѣе врожденными способностями къ тому или другому производству. Изъ этого слѣдуетъ, что не всѣ промышленности могутъ одинаково процвѣтать во всѣхъ странахъ и что между послѣдними естественно устанавливается извѣстное раздѣленіе труда.

Но какъ опредѣлить, какіе именно продукты и какія отрасли производства могутъ съ большимъ успѣхомъ обрабатываться въ какой-нибудь странѣ? Какія научныя данныя служатъ для такихъ опредѣленій? Кто серьезно и основательно занимается этими изслѣдованіями? Никто! Вездѣ и всегда тарифы составляются на основаніи или совершенно случайныхъ обстоятельствъ, не имѣющихъ ничего общаго съ политическою экономіей, или просто на основаніи спеціальныхъ ходатайствъ отдѣльныхъ лицъ

или отдѣльныхъ группъ. Во Франціи, напримѣръ, до 1860 года ввозъ шерстяныхъ матерій и шерстяной пряжи, бумажныхъ матерій и бумажной пряжи, кожевеннаго товара, чугуна, стеклянной посуды, морскихъ судовъ и многихъ другихъ предметовъ былъ *совершенно воспрещенъ*. Но какая была причина этому запрещенію? Въ 1793 г. возникла война между Франціею и Англіею. Вышепоименованные товары составляли главные предметы вывоза Великобританіи. Чтобы нанести ударъ ея торговлѣ, конвентъ запретилъ ввозъ этихъ товаровъ въ предѣлы республики. Слѣдовательно экономическій вопросъ рѣшился подъ вліяніемъ чисто политическихъ соображеній. Конвентъ ни одной минуты не думалъ о томъ, будетъ-ли ввозъ этихъ товаровъ полезенъ или вреденъ для французскаго народа. Что же касается до интересовъ французской промышленности, то она положительно не имѣлась въ виду, потому что конвентъ даже и не спросилъ мнѣнія французскихъ промышленниковъ. Когда окончилась война, правительство Людовика XVIII желало отмѣнить эти запрещенія; но крупные земельные собственники и фабриканты имѣли тогда преобладающее вліяніе въ палатахъ, и изъ личнаго интереса они на это не согласились.

Главнымъ образомъ тарифы всегда и вездѣ вводятся по частнымъ ходатайствамъ. Такъ, у насъ по ходатайству углепромышленниковъ была наложена пошлина на иностранный уголь. Министерство финансовъ ежедневно осаждается у насъ прошеніями о повышеніи существующихъ и о наложеніи новыхъ

пошлинъ. Такъ бываетъ и во всѣхъ другихъ государствахъ,—какъ въ республикахъ, такъ и въ монархіяхъ. Нѣкоторыя ходатайства имѣютъ успѣхъ, другія—нѣтъ. Это зависитъ отъ чисто случайныхъ обстоятельствъ.

Такимъ образомъ создается таможенное законодательство. Вездѣ оно представляетъ хаотическое явленіе безъ связи и безъ системы. Въ началѣ нашего столѣтія тарифъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ былъ довольно умѣренный. До 1808 года пошлины не превышали 10-ти проц. стоимости товаровъ; въ 1813 г. обложеніе дошло до 60 проц., съ тѣмъ чтобы опять понизиться въ слѣдующемъ году до 47-ми и затѣмъ, еще чрезъ два года, до 25 процентовъ. Въ 1818 году обложеніе не превышало 14-ти процентовъ. Такимъ образомъ въ теченіе шести лѣтъ таможенныя пошлины подвергались страшнымъ колебаніямъ. Съ 1833 до 1844 года обложеніе не превосходитъ 20 процентовъ. До 1864 года американскій тарифъ имѣлъ чисто фискальный характеръ и только съ 1864-го года пріобрѣлъ характеръ охранительный, причемъ размѣръ обложенія достигъ 30 и даже 40 процентовъ [1].

Постоянныя противорѣчія гг. протекціонистовъ лучше всего свидѣтельствуютъ о полномъ отсутствіи раціональныхъ началъ въ разрѣшеніи экономическихъ вопросовъ. Смотря по обстоятельствамъ, то они утверждаютъ, что народы молодые должны быть охраняемы противъ взрослыхъ (какъ, напр., русская

[1] См. Jeans. *Suprématie de l'Angleterre*, стр. 144.

промышленность противъ англійской), то, наоборотъ, что взрослые должны быть охраняемы противъ молодыхъ. Такъ, французы утверждаютъ, что ихъ земледѣліе не можетъ бороться ни съ американскимъ, ни съ нашимъ. Въ странахъ, гдѣ машинныя приспособленія доведены до совершенства, говорятъ, что борьба невозможна съ народами, гдѣ заработная плата очень низка, а въ странахъ гдѣ заработная плата низка, говорятъ, что нельзя бороться съ тѣми, гдѣ фабричныя приспособленія усовершенствованы. Въ 1825 году англійскіе промышленники твердили, что ихъ погубитъ континентъ, потому что тамъ рабочіе очень дешевы, и просили не уменьшать пошлинъ. Теперь въ Индіи, напротивъ, квасные патріоты утверждаютъ, что рабочіе, получающіе въ этой странѣ по 10 коп. въ день, должны умирать съ голоду, благодаря манчестерскимъ фабрикамъ, въ которыхъ техника доведена до совершенства. Въ Германіи, когда заговорили объ учрежденіи таможеннаго союза, была сильная оппозиція. Саксонцы боялись промышленности Пруссіи; пруссаки боялись промышленности Саксоніи. Но если Саксонія была въ самомъ дѣлѣ опасна для Пруссіи, то понятно, что Пруссія не могла быть опасна для Саксоніи.

Поля въ Англіи даютъ въ шесть разъ больше урожая, чѣмъ у насъ, въ Россіи. Когда-же началась агитація въ Англіи объ отмѣнѣ пошлины на хлѣбъ, то англичане стали утверждать, что они не въ состояніи выдержать конкуренцію русской пшеницы. Итакъ, русскій мужикъ въ 1838 году былъ уже въ періодѣ зрѣлости, а англійскіе лорды еще нѣтъ!

Другой примѣръ.

Знаменитый навигаціонный актъ Кромвеля 1651 года былъ отмѣненъ въ Англіи въ 1849 году. Въ то время (какъ и теперь) англійскій коммерческій флотъ былъ первый въ мірѣ [1]. Однако никто никогда не слышалъ, чтобы англійскіе судовладѣльцы обратились къ своему правительству съ слѣдующимъ прошеніемъ: „Навигаціонный актъ Кромвеля исполнилъ свою задачу: нашъ флотъ—первый въ мірѣ; онъ находится въ періодѣ совершенной зрѣлости; мы думаемъ, что мѣры противъ иностранныхъ судовъ теперь совершенно излишни, и просимъ ихъ отмѣнить". Не только не было ничего подобнаго, но, напротивъ, англійскіе судовладѣльцы ходатайствовали еще въ 1847 году о томъ, чтобы суда, построенныя въ англійскихъ колоніяхъ, подвергались тѣмъ же ограниченіямъ, какъ суда иностранныя. Они не только хотѣли сохранить актъ Кромвеля, но еще распространить строгость его примѣненія.

Но самую наглую претензію на несовершенно-лѣтіе мы встрѣчаемъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Какъ извѣстно, эта страна заселена главнымъ образомъ переселенцами изъ Англіи; извѣстно также, что только самая энергичная часть народа рѣшается на эмиграцію. Какимъ особеннымъ чудомъ тѣ же самые англичане, которые находятся въ періодѣ зрѣлости, когда живутъ въ Англіи, вдругъ превра-

[1] Британскій флотъ въ 1850 году имѣлъ 4.233,000 тоннъ. Флоты всѣхъ остальныхъ странъ въ томъ же году имѣли 2.672,000 тонъ (см. Scherzer. *Das wirthschaftliche Leben der Völker*, стр. 696).

щаются въ несовершеннолѣтнихъ, какъ только поселяются въ Америкѣ — рѣшительно непонятно! На дѣлѣ однако выходитъ совершенно наоборотъ. Освобожденные отъ многочисленныхъ стѣсненій вѣковыхъ рутинъ европейскихъ странъ, эти эмигранты поражаютъ міръ своею смѣлостью и своею предпріимчивостью. Съ другой стороны, экономическія условія Америки несравненно выгоднѣе европейскихъ. Англичане въ этой новой странѣ создали усовершенствованія, не существующія даже въ Великобританіи. Они ввели массу нововведеній и улучшеній во всѣхъ производствахъ и во многомъ опередили Европу. Такъ, напримѣръ, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ есть уже центральныя учрежденія для доставленія пара различнымъ фабрикамъ. Благодаря этой комбинаціи, достигается громадное сбереженіе въ топливѣ. Тогда какъ мы, русскіе, еще думаемъ о желѣзной дорогѣ до Владивостока, какъ о какой-то неосуществимой мечтѣ, *пять* желѣзныхъ дорогъ соединяютъ въ Америкѣ Атлантическій океанъ съ Тихимъ. Американцы строятъ *въ одинъ годъ* до 16,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, т. е., половину всей нашей сѣти. И вотъ утверждаютъ, что этотъ народъ еще въ періодѣ несовершеннолѣтія,—тогда какъ несчастные европейцы съ ихъ предразсудками, съ ихъ робостью, съ ихъ вѣковыми рутинами находятся въ періодѣ зрѣлости! Все это ясно доказываетъ, что пресловутое несовершеннолѣтіе—только предлогъ.

Какъ мало гг. протекціонисты на самомъ дѣлѣ думаютъ о народномъ благѣ и какъ много о сво-

ихъ интересахъ, можно еще заключить изъ примѣра Италіи. Тамъ въ послѣднее время введенъ строгій охранительный тарифъ. Корреспондентъ „Journal des Débats“ говоритъ по этому поводу: „Около каждой статьи новаго тарифа можно помѣстить извѣстную фамилію и прямо указать, какую сумму пользы эта статья приноситъ этому лицу“ [1].

Сравнительный методъ—вещь прекрасная; на немъ построена вся наука. Но надо сравненія дѣлать вѣрно. Сравниваютъ общества съ организмами. Это совершенно основательно. Дѣйствительно, народы, какъ и всякіе организмы, проходятъ періодъ младенчества и потомъ достигаютъ періода зрѣлости. Когда общества находятся на низкой степени культуры, они представляютъ признаки дѣтства. Но тогда *всѣ* общественныя явленія, какъ экономическія, такъ и политическія, будутъ еще въ младенчествѣ. Торговля будетъ происходить непосредственно обмѣномъ продуктовъ на продукты безъ денегъ; вся государственная организація будетъ чисто патріархальная и чрезвычайно первобытная. Но нельзя утверждать, что общественный строй въ младенчествѣ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, гдѣ торговля и всѣ кредитныя операціи доведены до самаго высокаго совершенства [2].

[1] См. номеръ отъ 1 апрѣля 1889 г.

[2] Такъ, въ Нью-Іоркскомъ Clearing House'ѣ (компенсаціонный домъ) было въ 1881 году обмѣнено чековъ на сумму 48.565.000,000 долларовъ (около ста милліардовъ рублей), которые потребовали только 3,5 проц. монетныхъ знаковъ. Нигдѣ экономія, получаемая уплатою чеками, не доведена до такого совершенства, какъ въ Америкѣ. Въ Лондонѣ въ томъ же году

Кромѣ того, совершенно ошибочно мнѣніе, что *каждое отдѣльное производство* проходитъ всѣ фазисы развитія. Предположимъ, что кто-нибудь желаетъ учредить новую отрасль производства. Онъ начинаетъ съ изученія положенія этой отрасли въ странахъ, гдѣ она достигла самаго высокаго совершенства. Изъ этихъ странъ онъ выписываетъ машины, которыя составляютъ послѣдніе результаты многочисленныхъ и долголѣтнихъ опытовъ. Фабрикантъ этихъ машинъ посылаетъ также опытнаго мастера, который въ короткій періодъ времени (годъ, два, но никакъ не больше) передаетъ новымъ рабочимъ все свое искусство. Это производство не проходитъ никакихъ періодовъ младенчества, а прямо переносится въ самомъ совершенномъ видѣ, иногда даже въ болѣе совершенномъ, чѣмъ на мѣстѣ, гдѣ оно было создано: ибо при каждомъ заказѣ новыхъ машинъ фабрикантъ вводитъ въ нихъ нѣкоторыя улучшенія. Что тутъ говорить о незрѣломъ возрастѣ? Какая тутъ необходима опека? Все это— чистѣйшая фантазія людей, мало знакомыхъ съ фабричнымъ производствомъ.

Нѣтъ положительно никакого критерія для того, чтобы опредѣлить, въ какомъ періодѣ развитія находится каждая отдѣльная отрасль. Въ одномъ и томъ же государствѣ одинъ промышленникъ увѣряетъ, что опека ему необходима во что бы то ни стало, что безъ пошлины онъ немедленно закроетъ свой заводъ; другіе, напротивъ, говорятъ, что имъ пош-

было обмѣнено чековъ только на 30.523.000,000 долларовъ. У насъ о компенсаціонныхъ домахъ не имѣютъ еще и понятія.

лины не нужны [1]. Дѣло въ томъ, что если фабрика поставлена на хорошемъ мѣстѣ и управляется благоразумно, она процвѣтаетъ; если же она построена не на подходящемъ мѣстѣ, то можетъ давать дефициты при какихъ угодно пошлинахъ. Мало-ли закрывалось фабрикъ, производящихъ продукты, даже совершенно запрещенные къ привозу!

Невѣрное сравненіе между организмомъ и промышленностью надѣлало уже много бѣдъ всѣмъ народамъ. Многіе увлеклись въ метафизику, а метафизика злѣйшій врагъ рода человѣческаго и, увы, ловкіе дѣльцы напускаютъ ее при обсужденіи экономическихъ вопросовъ, чтобы туманить умы простодушныхъ людей. Интересно было-бы знать, на какомъ процентѣ со своего капитала помирятся гг. протекціонисты, чтобы признать свое производство совершеннолѣтнимъ?

Говорятъ тоже, что охрана необходима для образованія комплекта хорошихъ мастеровъ. Но мы, промышленники, прекрасно знаемъ, что если рабочій неспособенъ удовлетворительнымъ образомъ управлять машиною послѣ двухъ или трехъ мѣсяцевъ, онъ никогда не будетъ управлять ею, и мы такихъ рабочихъ удаляемъ изъ нашихъ заводовъ. Съ другой стороны, каждый промышленникъ воленъ держать рабочихъ изъ чужихъ странъ. Вообще въ фабричной промышленности съ усовершенствованными приспособленіями нашего времени ини-

[1] См. между прочимъ у Amé. *Etude sur les tarifs.* Тамъ онъ приводитъ весьма интересныя показанія французскихъ мануфактуристовъ.

ціатива рабочаго сводится до минимума, и нашъ прекрасный русскій рабочій способенъ пріучиться управлять какими угодно машинами въ весьма короткое время.

Изъ всего вышесказаннаго можно заключить, что мнимаго фазиса несовершеннолѣтія промышленности, во время котораго будто бы необходима охранительная система, вовсе не существуетъ въ современныхъ цивилизованныхъ государствахъ [1].

Люди, противодѣйствующіе всѣми силами примѣненію естественныхъ экономическихъ законовъ въ государствѣ, вполнѣ имъ подчиняются въ личной своей

[1] Могу привести еще одинъ примѣръ, доказывающій, насколько софизмы протекціонистовъ только маска для прикрытія корыстныхъ интересовъ. Въ 1860 году углепромышленники во Франціи сильно противились пониженію пошлинъ на каменный уголь, говоря, что ихъ промышленность не созрѣла. Однако Тьеръ признавалъ еще въ 1834 г., что добываніе угля обходится во Франціи не дороже и даже дешевле, чѣмъ въ Англіи. Стало-быть, уровень развитія французской промышленности былъ не ниже англійской. Разница была только та, что англичане брали 9 фр. за уголь, который имъ обходился 8, а французы—15, 16, 17 и даже 19! Вотъ почему они придерживались протекціонной системы. (См. Amé. *Etude sur les tarifs*, томъ II, стр. 390). То же самое дѣлается теперь у насъ. Донецкій уголь, добытый изъ шахтъ, стоитъ на мѣстѣ отъ $1^3/_4$ до 3 коп. за пудъ ($2^1/_2$ ш. и 4 ш. за тонну); въ Англіи расходы добыванія доходятъ до 5—6 ш.; они больше, чѣмъ у насъ. Если механическія приспособленія шахты хороши, то съ самаго перваго мѣсяца работы достигается цѣна въ $1^1/_2$ к. Что тутъ говорить, стало-быть, о періодѣ младенчества! Но уголь, который на мѣстѣ стоитъ 3 коп., перевезенный только на вокзалъ, стоитъ уже 6. Наша угольная промышленность нуждается слѣдовательно не въ охранительныхъ пошлинахъ, а въ путяхъ сообщенія.

дѣятельности. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, гг. протекціонисты хлопочутъ о высокихъ пошлинахъ? Только затѣмъ, чтобы получить наибольшее вознагражденіе за наименьшій трудъ. Полная монополія устраняетъ конкуренцію; полная же свободная торговля на всемъ земномъ шарѣ довела бы конкуренцію до высшихъ предѣловъ. А чѣмъ сильнѣе конкуренція, тѣмъ болѣе возрастаютъ усилія, чтобы выдержать ее и, стало-быть, требуется все болѣе и болѣе увеличивать напряженіе ума.

Охранительная пошлина въ сущности не что иное, какъ премія, выдаваемая за неспособность и тупоуміе. Правительства, ставя преграды всеобщей конкуренціи, какъ бы стремятся понизить умственный уровень своихъ подданныхъ.

Здѣсь мы сталкиваемся съ однимъ изъ самыхъ главныхъ аргументовъ протекціонистовъ, однимъ изъ тѣхъ, который увы, имѣетъ у насъ самое большое распространеніе и составляетъ одну изъ главныхъ опоръ охранительной политики. Не всѣ народы, говорятъ наши оппоненты, обладаютъ одинаковыми умственными способностями. При ожесточенной конкуренціи, которую создаетъ свободная торговля, ясно, что болѣе одаренные народы будутъ наилегчайшимъ образомъ побѣждать менѣе одаренные. Мы, протекціонисты, видя неравенство, желаемъ оградить слабыхъ посредствомъ пошлинъ, а вы, фритредеры, видя неравенство, говорите, что слабыхъ слѣдуетъ предоставить безъ защиты на съѣденіе сильнымъ.

Изъ всѣхъ софизмовъ протекціонизма вышепри-

веденное разсужденіе — одинъ изъ самыхъ опасныхъ; въ немъ кроется почти столько же заблужденій, сколько словъ, хотя на видъ онъ кажется неотразимымъ.

Если допустить, что есть вообще расы, болѣе одаренныя, что арійцы, напримѣръ, въ психическомъ отношеніи выше негровъ, то охранительная система, придерживаясь строго теоріи протекціонистовъ, должна существовать только въ пользу этихъ низшихъ расъ. Но кто намъ докажетъ, что французы по природѣ менѣе одарены, чѣмъ итальянцы, или нѣмцы менѣе одарены, чѣмъ бельгійцы? Почему англичане, поселившіеся въ Америкѣ, менѣе одарены, чѣмъ англичане, оставшіеся въ Великобританіи? Если, положимъ, итальянцы менѣе одарены, чѣмъ французы, то французскіе товары должны платить пошлины при ввозѣ въ Италію, но не итальянскіе при ввозѣ во Францію, ибо французамъ, какъ народу болѣе умному, нечего страшиться итальянцевъ — народа болѣе тупаго. Наконецъ, какъ объяснить, что до 1846 года англичане были менѣе одарены, чѣмъ русскіе (ибо боялись конкуренціи русскаго хлѣба), а съ этого года стали вдругъ болѣе одаренными?

Вотъ къ какимъ несообразностямъ приводитъ вышеприведенный софизмъ. Но въ немъ кроется еще много другихъ заблужденій. Какъ поступаемъ мы въ общежитіи съ слабоумными? Мы содержимъ ихъ даромъ, то-есть, доставляемъ имъ все необходимое по безконечно низкой цѣнѣ. Протекціонизмъ, искусственно увеличивая цѣны на предметы, идетъ, оче-

видно, по противоположному пути: слабому дѣлаетъ не облегченіе, а напротивъ—затрудненіе.

Кромѣ того, ложь этого софизма кроется еще въ выраженіи „*сгнѣденіе*“. Дѣйствительно, сильный можетъ заставить слабаго быть его рабомъ. Въ этомъ случаѣ происходитъ зло; но это зло проистекаетъ изъ насилія. Торговля же, какъ внутренняя, такъ и международная, по своей природѣ исключаетъ насиліе; она выражаетъ добровольную сдѣлку, которая заключается только, когда она *выгодна* для обѣихъ сторонъ. Уничтоженіе таможенныхъ преградъ не дастъ иностранцамъ возможности дѣлать съ нами обмѣнъ, невыгодный для насъ.

Напротивъ, свободная торговля больше всего необходима для народовъ слабыхъ, ибо, чѣмъ изобильнѣе предметы, тѣмъ они дешевле, тѣмъ, стало-быть, народамъ слабымъ приходится дѣлать меньше усилій, чтобы пріобрѣсти необходимое. Народъ менѣе одаренный будетъ производить мало продуктовъ, а болѣе одаренный — больше продуктовъ въ то же время (ибо скорость производства есть результатъ умственныхъ способностей). Менѣе одаренный народъ будетъ обладать меньшимъ количествомъ товаровъ, предполагаемыхъ къ обмѣну; его покупная способность будетъ мала: онъ будетъ, стало-быть, бѣденъ. Но для мало одареннаго народа нѣтъ никакой пользы получать за свои продукты наименьшее количество чужихъ. Для человѣка, который съ трудомъ произвелъ пудъ пшеницы, нѣтъ никакой выгоды промѣнять ее только на 10 фунт. сахару, а не на 30. Если англичанинъ, говорятъ протекціонисты, благодаря

своимъ дарованіямъ, можетъ сдѣлать пудъ рельсовъ за 1 р. 20 к., а русскій только за 1 р. 58 к., то кто купитъ рельсы русскаго и съ чего же сей послѣдній будетъ наживаться? Съ чего? Отвѣтъ очень простъ. Разъ англичанинъ все-таки проситъ 1 р. 20 к. за свои рельсы, значитъ онъ не отдаетъ ихъ даромъ, а желаетъ промѣнять ихъ на какой-нибудь русскій товаръ, который ему нуженъ. Вмѣсто того, чтобы дѣлать рельсы, русскій долженъ производить тотъ товаръ, который нуженъ англичанину.

Народъ одаренный и трудолюбивый скорѣе будетъ увеличивать свое благосостояніе, чѣмъ народъ тупоумный и лѣнивый. Никакими таможенными тарифами нельзя измѣнить такого порядка вещей.

Правда, протекціонизмъ увеличиваетъ доходы нѣкоторыхъ лицъ. Но почему? Только потому, что даетъ имъ возможность брать дань съ своихъ соотечественниковъ. Если Иванъ отнялъ соху у Петра, то, конечно, есть выгода для Ивана. Но все-таки въ обществѣ одна соха: богатство не увеличилось, оно только иначе распредѣлилось. Но если Петръ сдѣлалъ себѣ тоже соху, ихъ будетъ уже двѣ, и богатство увеличилось.

Богатство создается только трудомъ, а не законодательными мѣрами. Протекціонизмъ не въ силахъ увеличивать богатство, онъ можетъ только иначе его распредѣлить [1]. Поэтому охранительная система никакимъ образомъ не можетъ содѣйствовать благосостоянію народныхъ массъ.

[1] И всегда, конечно, несправедливо, ибо берутъ съ лицъ безъ вліянія (то есть бѣдныхъ), чтобы давать лицамъ съ вліяніемъ (то есть богатымъ).

Что бы ни говорили протекціонисты, ихъ система имѣетъ цѣлью искусственное возвышеніе цѣнъ. Стало-быть, согласно ихъ убѣжденіямъ, чѣмъ дороже всѣ предметы, тѣмъ лучше. Но предметы бываютъ дороги только тогда, когда они рѣдки; изобиліе же всего необходимаго есть богатство. Значитъ, теорія протекціонистовъ приводитъ къ выводу, что нищета—благо, а богатство—зло.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Охранительная система и патріотизмъ.

„Министерство государственныхъ имуществъ предполагаетъ въ настоящее время расширить предѣлы разведенія хиннаго дерева въ окрестностяхъ Тифлиса. Опыты уже производились на Кавказѣ и дали хорошіе результаты; посаженныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ деревья достигли теперь значительныхъ размѣровъ, и взятая съ нихъ кора вполнѣ пригодна для добыванія изъ нея хинина“ [1].

У насъ, въ Россіи, появилась такимъ образомъ новая отрасль производства. По отношенію къ ней протекціонистъ разсуждаетъ такъ: надо поощрять наши произведенія; если русская хина будетъ дороже американской, надо на послѣднюю наложить пошлину, которая сгладила бы разницу. Хина будетъ у насъ тогда продаваться дороже — это правда. Нѣкоторыя лица не будутъ въ состояніи пріобрѣсти это лѣкарство. Ежегодно будетъ умирать нѣсколько больше русскихъ. Крайне прискорбно, да что-жъ

[1] *Одесскій Вѣстникъ*, 31 іюля, 1889 года.

дѣлать? Необходимо принести нѣсколько жертвъ для процвѣтанія отечественнаго производства.

Фритредеръ говоритъ напротивъ: я мало забочусь о нашихъ производителяхъ. Самое важное для меня, чтобы умирало какъ можно меньше русскихъ. Допускайте такой необходимый продуктъ, какъ хина, совершенно безпошлинно. Если русскіе не могутъ продавать его по той же цѣнѣ, какъ перуанцы, тѣмъ хуже для нихъ. Пусть они занимаются другими насажденіями.

Въ какомъ изъ этихъ двухъ разсужденій больше патріотизма? Читатель, конечно, не будетъ колебаться ни минуты и скажетъ, безъ сомнѣнія, что во второмъ.

Въ нѣсколько преувеличенныхъ размѣрахъ примѣръ, который я привелъ здѣсь, есть настоящая картина протекціонизма. Суть покровительственной системы состоитъ въ томъ, что она обрекаетъ громадное число людей если не на смерть, то на страданія. „Пусть, говорятъ протекціонисты, многіе отказываются отъ предметовъ, составляющихъ удовольствіе жизни, лишь бы въ нашемъ отечествѣ водворялись (а иногда и не водворялись, ибо не всегда пошлина достигаетъ этого результата) новыя отрасли производства“.

Изъ вышеприведеннаго примѣра видно, что хинное дерево уже аклиматизировалось у насъ. Но представимъ себѣ, что какой-нибудь господинъ обратился къ правительству съ такимъ прошеніемъ: „Я *полагаю*, что хинное дерево можетъ расти на Кавказѣ. Я рѣшился помѣстить въ это дѣло порядочный капиталъ и *надѣюсь*, что оно удастся. Но я сдѣлалъ разсчетъ,

что кора будетъ стоить у насъ на 30 процентовъ дороже, чѣмъ въ Америкѣ. Поэтому я прошу, чтобы пошлина на иностранную хину была увеличена въ такомъ же размѣрѣ". Такія слова были бы по истинѣ возмутительны. Этотъ господинъ рѣшился-бы стать причиною смерти многихъ своихъ соотечественниковъ только для того, чтобы произвести *опытъ*, объ удачѣ котораго онъ не знаетъ ничего положительнаго.

Однако многіе промышленники поступаютъ совершенно тождественно. Очень часто они ходатайствуютъ о наложеніи пошлины раньше, чѣмъ они завели свои фабрики. Они нисколько не могутъ гарантировать, что новая отрасль производства привьется у насъ, ибо для этого, какъ я сказалъ выше, однѣхъ пошлинъ недостаточно. Но разъ ихъ ходатайства увѣнчались успѣхомъ, ихъ сограждане сейчасъ же начинаютъ терпѣть лишенія, тогда какъ успѣхъ новой отрасли производства еще подлежитъ большому сомнѣнію. И такое покровительство промышленности называется у насъ патріотизмомъ! Какое поруганіе этого священнаго слова!

Протекціонисты говорятъ, что потребители должны дѣлать пожертвованія для обогащенія отечества. Они всегда дѣлаютъ воззванія къ народной солидарности. Дѣйствительно, говорятъ они, пошлины налагаютъ на васъ лишніе расходы, но, благодаря этому, масса бѣдныхъ рабочихъ, ремесленниковъ, купцовъ будетъ получать заработки и страна будетъ богатѣть, тогда какъ еслибы мы все выписывали изъ-за границы, то богатѣли-бы иностранцы, а наше отечество остава-

лось-бы въ нищетѣ. Во имя національной солидарности надо соглашаться на высокія пошлины для того, чтобы содѣйствовать процвѣтанію своего отечества.

Что касается до состраданія къ „бѣднымъ рабочимъ", которое желаютъ возбудить гг. протекціонисты, то, откровенно говоря, я ни на минуту не поддаюсь этому чувству. Въ Россіи 994.000 человѣкъ работаютъ на фабрикахъ [1]. Трудно меня убѣдить, что всѣ эти люди *бѣднѣе* мужиковъ, которые работаютъ на поляхъ. Почему сельское населеніе, составляющее у насъ 86 процентовъ, должно приноситься въ жертву рабочему классу, составляющему менѣе 1 проц., для меня рѣшительно непонятно. Еслибы еще брали только съ богатыхъ, чтобы давать бѣднымъ, — въ обществѣ водворился-бы полнѣйшій соціализмъ, но все-таки это имѣло бы характеръ благодѣянія, милостыни [2]. Но для бѣдныхъ рабочихъ обирать столь же бѣдныхъ мужиковъ нѣтъ положительно никакого основанія, и я не вижу, почему мы должны имѣть состраданіе только къ первымъ, а не ко вторымъ.

Протекціонисты смѣшиваютъ двѣ вещи: чувство

[1] См. Статистическій Сборникъ Центральнаго статистическаго Комитета. 1884—85 годовъ, стр. 138.

[2] Извѣстно, какъ непріятно давать милостыню человѣку взрослому и совершенно здоровому, который могъ-бы прекрасно работать. Въ нѣкоторыхъ государствахъ нищенство даже положительно запрещается. Почему же богатые косвеннымъ образомъ, посредствомъ пошлинъ, должны давать свои деньги здоровымъ рабочимъ, тогда какъ непосредственно, въ видѣ милостыни, это воспрещается — тоже рѣшительно непонятно.

состраданія и экономическую солидарность. У г. А. родной братъ сапожникъ. Если онъ шьетъ плохіе сапоги и беретъ за нихъ большія деньги, г. А. предпочитаетъ покупать свою обувь у чужаго человѣка, гдѣ она лучше и дешевле. Но если сапожникъ заболѣетъ, то, конечно, г. А. будетъ ему охотнѣе помогать, какъ родному брату, чѣмъ постороннему человѣку. Каждый изъ насъ старается пріобрѣсти необходимые предметы подешевле. Это— область экономическихъ явленій, а чувство состраданія имѣетъ совершенно иныя основанія.

Въ частной жизни, когда дѣло касается до матеріальныхъ интересовъ, можно предпочесть чужаго человѣка родному брату, къ которому, быть можетъ, чувствуется самая сильная симпатія. То же самое и въ международныхъ отношеніяхъ. Если предстоитъ выборъ между хорошимъ обѣдомъ, приготовленнымъ иностранцемъ, и плохимъ, приготовленнымъ соотечественникомъ, каждый долженъ отдать преимущество хорошему обѣду иностранца, потому что сохраненіе своего здоровья есть первый долгъ человѣка. И въ дѣйствительности всегда бываетъ такъ. Многіе изъ гг. протекціонистовъ, которые такъ сильно проповѣдуютъ объ отечественной промышленности, выписываютъ все изъ-за границы, если у нихъ есть на это средства.

Слѣдуетъ-ли изъ вышесказаннаго, что народной солидарности не существуетъ? Конечно, нѣтъ. Но она исчезаетъ съ того самаго момента, когда одинъ гражданинъ обираетъ другаго. Солидарность создается взаимностью *интересовъ*. Разъ эта взаим-

ность исчезаетъ—вмѣсто солидарности является антагонизмъ. Еслибы какимъ-нибудь путемъ сапожники сумѣли заставить платить за свои услуги дороже всѣхъ другихъ ремесленниковъ, то сапожники пользовались бы всеобщей ненавистью. Это совершенно естественно, а то, что̀ естественно, то *должно* быть. *Надо* ненавидѣть всякаго притѣснителя. Политическій союзъ созданъ для доставленія своимъ членамъ извѣстныхъ благъ. Каждый изъ членовъ долженъ свято исполнять свои обязанности, иначе общество распадется. Отношенія между соотечественниками должны быть основаны на справедливости, а не на грубомъ насиліи. Это-то справедливое отношеніе и порождаетъ симпатію.

Въ концѣ-концовъ аргументація протекціонистовъ сводится къ слѣдующему: охраняемые промышленники обираютъ насъ, но мы должны на это согласиться, потому что они—наши соотечественники. Изъ того, что мужики и помѣщики принадлежали къ одной народности, вовсе не слѣдуетъ, что крѣпостное право была вещь хорошая. Если иностранецъ желаетъ мнѣ зла,—это, пожалуй, естественно; но не можетъ быть естественно, если желаетъ того же мой соотечественникъ.

Положимъ, что кто-нибудь утверждаетъ слѣдующее: я долженъ извѣстную сумму г-ну Иксу; но такъ какъ онъ мой соотечественникъ, то изъ обязательнаго чувства симпатіи ко мнѣ онъ долженъ отказаться отъ полученія долга. Какой судъ допуститъ такую странную аргументацію?

Еслибы наши промышленники безжалостно оби-

рали жителей Туркестана, то, чего добраго, можно было-бы съ этимъ помириться. Туркестанъ завоеванъ нашимъ оружіемъ; народы его совершенно чужды намъ по національности. Отчего съ нихъ не брать дани?[1] Но брать ее съ своихъ соотечественниковъ — это уже просто гнусно.

И странно! Вся тяжесть пожертвованій ради этой мнимой солидарности всегда падаетъ на потребителя и въ особенности на бѣднаго. Отчего господа промышленники не приносятъ никогда своихъ интересовъ въ жертву на алтарь отечества?

Въ прошломъ году я провелъ нѣсколько дней въ Гурзуфѣ, въ прекрасномъ имѣніи г. Губонина. Тамъ я познакомился съ однимъ крымскимъ винодѣломъ. Каждый день за обѣдомъ мы пробовали мѣстныя вина. Откровенно говоря, они были не особенно вкусны и, странно, чѣмъ дороже, тѣмъ хуже. „Не могли-ли бы вы — сказалъ я моему новому знакомому — производить легкое столовое вино безъ запаха спирта, но которое можно было бы пить съ удовольствіемъ, какъ, напримѣръ, дешевый медокъ?“ Онъ мнѣ объяснилъ, почему это пока невозможно. Большинство винодѣловъ въ Крыму, не обладая капиталомъ, не могутъ выдерживать вино по нѣскольку лѣтъ въ подвалахъ; они не умѣютъ еще его улучшать, и проч. и проч... „Но, прибавилъ онъ, мы въ настоящее время хлопочемъ о нало-

[1] Извѣстно, что въ Туркестанѣ однако наше правительство поступаетъ совершенно иначе. Не только Туркестанъ ничего не приноситъ русской казнѣ, но онъ стоитъ ей еще не мало денегъ. Брать дань съ порабощенныхъ народовъ, будь сказано къ нашей чести, всегда было противно русскому духу.

женіи пошлины по рублю на бутылку на всѣ иностранныя вина[1], и тогда мы будемъ въ состояніи дать вамъ то, чего вы просите"[2].

Извѣстно, что можно имѣть *очень хорошее* французское столовое вино на мѣстѣ по 65 коп. кред. за бутылку; но если наложить пошлину въ 1 р. 40 коп. кред., то она обойдется уже въ 2 р. 5 коп. Понятно, что въ Россіи гораздо меньше людей, способныхъ платить вторую цѣну.

Итакъ для того, чтобы господа винодѣлы обогатились скорѣе, масса русскихъ должна пить самыя вредныя фальсификаціи, которыя не только уменьшаютъ ихъ удовольствіе, но еще вредятъ ихъ здоровью. Протекціонисты-винодѣлы чувствуютъ всю наглость такого требованія и стараются поставить вопросъ иначе. Крымъ, говорятъ они, теперь почти пустынная страна. Будь пошлина въ рубль золотомъ на бутылку иностраннаго вина, Крымъ будетъ процвѣтать и обратится въ роскошнѣйшую и богатѣйшую губернію. Для того, чтобы достигнуть этого желаннаго результата, потребители должны согласиться на временныя пожертвованія во имя національной солидарности.

Но развѣ есть доказательства, что винодѣліе не

[1] Извѣстно, что теперь взимается 30 коп.

[2] Можетъ-ли этотъ господинъ гарантировать, что будетъ такъ. А можетъ быть, почва Крыма лучше для сладкихъ винъ, въ родѣ портвейна или малаги? Быть можетъ, всѣ усилія, дѣлаемыя для производства въ Крыму вина въ родѣ легкаго медока, совершенно напрасны? Однако, какъ видите, пошлина въ одинъ рубль уже требуется заранѣе. Еслибы сладкія вина были лучше въ Крыму, мы могли-бы ихъ посылать заграницу, а оттуда получать легкія.

разовьется въ Крыму безъ пошлины, или что, благодаря пошлинѣ въ рубль, Крымъ будетъ производить вино лучше шато-лафита? Но допустимъ, что для развитія винодѣлія пошлина нужна и что будетъ производиться шато-лафитъ; спрашивается: справедливо-ли требовать отъ потребителя, во имя національной солидарности, чтобы онъ пилъ скверное вино?

Еслибы на Крымъ опять напалъ непріятель, то для его обороны совершенно справедливо требовать отъ меня и жизнь мою, и все мое состояніе. А почему? Да потому, что въ случаѣ нападенія на губернію, гдѣ я живу, для ея обороны будутъ требоваться такія же жертвы отъ жителей Крыма. Въ этомъ случаѣ дѣйствительно присутствуетъ наличность условій, вызывающихъ національную солидарность. Но эта солидарность не можетъ предъявляться, какъ требованіе, при разрѣшеніи экономическихъ вопросовъ.

Всякое тѣло во вселенной составлено изъ частей, всякое химическое соединеніе—изъ атомовъ, клѣтка животная или растительная—изъ разнообразныхъ органическихъ соединеній, индивидуумы—изъ клѣтокъ, общество изъ индивидуумовъ и такъ далѣе. Развитіе органическихъ группъ идетъ постепенно отъ простѣйшихъ къ болѣе сложнымъ. Благодаря только существованію въ свое время одноклѣточныхъ амебовъ, получилась возможность возникновенія такого сложнаго организма, какъ человѣкъ.

Таковы законы природы. Мы не можемъ ихъ измѣнить. Мы не можемъ создавать болѣе сложныя

группы помимо простыхъ, входящихъ составными частями въ образованіе сложныхъ. Мы должны согласовать только наши экономическія теоріи съ законами природы.

Когда мы утверждаемъ, что каждая отдѣльная часть (клѣтка въ организмѣ или человѣкъ въ обществѣ) должна добывать себѣ пропитаніе,—это не значитъ, что она должна существовать совершенно самостоятельно. Изъ того, что слесарь не можетъ себѣ сшить платья, вовсе не слѣдуетъ, что слесарь живетъ на чужой счетъ. Онъ только *мѣняетъ* продуктъ своего ремесла на другой, но все-таки живетъ изъ собственныхъ заработковъ.

Но разъ клѣтка въ организмѣ, или человѣкъ въ обществѣ, живетъ насчетъ другой клѣтки или другаго человѣка, то въ организмѣ, какъ въ обществѣ, является патологическое состояніе. Съ одной стороны появляется гипертрофія (нажива на чужой счетъ, рабовладѣніе), съ другой стороны—атрофія (рабство). Тогда органическое равновѣсіе нарушается, появляются болѣзненные признаки (анархія) и наконецъ разложеніе и смерть.

Солидарность возникаетъ отъ *обмѣна* услугъ, а не отъ взаимной эксплуатаціи. Вотъ почему Крымъ ради своего процвѣтанія не въ правѣ требовать пожертвованій отъ другихъ губерній.

Еслибы винодѣлъ говорилъ такъ: „Вы получаете въ настоящее время вино изъ Франціи; оно вамъ стоитъ 65 коп. за бутылку [1]. Позвольте вамъ предложить мое вино, не хуже французскаго,

[1] Предполагая безпошлинный ввозъ.

за 60 коп.", — тогда дѣйствительно экономическая солидарность возникнетъ между винодѣломъ и мною. Я пріобрѣтаю напитокъ такого же качества, какъ прежде, сберегая по 5 коп. на бутылку, а онъ продаетъ больше вина и зарабатываетъ больше денегъ. При такихъ условіяхъ для меня будетъ очень важно, чтобы винодѣлъ имѣлъ хорошій урожай, и я съ удовольствіемъ буду содѣйствовать процвѣтанію Крыма.

Но если дѣло поставлено, какъ сказано выше, на почвѣ охранительной пошлины, то какая можетъ быть солидарность между этимъ господиномъ и мною? Между нами можетъ существовать только самый рѣзкій антагонизмъ.

Сколько бы протекціонисты ни накопляли софизмовъ, — они безсильны противъ дѣйствительности. Если иностранецъ дѣлаетъ мнѣ добро или приноситъ мнѣ пользу, то я буду чувствовать къ нему симпатію; если мой соотечественникъ дѣлаетъ мнѣ зло, то я буду чувствовать къ нему вражду. Это просто въ природѣ вещей.

Кромѣ того, обратите еще вниманіе на аргументацію протекціонистовъ. „Если мы будемъ все выписывать изъ-за границы, мы будемъ въ нищетѣ" [1]. Но что значитъ *выписывать?* Просто мѣнять русскія произведенія на иностранныя. Если мы не дадимъ нашихъ товаровъ, то мы не можемъ *выписать* ни одной булавки. Но разъ обмѣнъ съ иностранцами выгоденъ для русскихъ, то-есть, остав-

[1] См. стр. 186.

ляетъ барыши, рѣшительно не понятно, какимъ образомъ онъ можетъ породить *нищету*.

Въ заключеніе этой главы я позволю себѣ разсмотрѣть еще одинъ софизмъ протекціонистовъ.

„Не слѣдуетъ отдавать наши деньги иностранцамъ“: вотъ фраза, которая слышится почти ежедневно теперь у насъ.

Я не знаю болѣе колоссальной нелѣпости, ибо никакихъ денегъ мы не отдаемъ иностранцамъ, а просто мѣняемъ товары на товары, товары на услуги, товары, полученные сразу, на товары, отпускаемые въ извѣстные сроки (займы).

Иностранцы не имѣютъ никакой возможности заставить насъ торговать съ ними противъ нашей воли. Стало-быть, мы мѣняемъ наши продукты только до тѣхъ поръ, пока мы находимъ въ этомъ выгоду и разсчетъ. О грабежѣ съ ихъ стороны въ этомъ отношеніи не можетъ быть и рѣчи. Но у насъ есть какое-то странное предубѣжденіе. Всѣ товары мы подводимъ подъ извѣстныя категоріи благородства. Чѣмъ больше они подходятъ къ предметамъ роскоши, тѣмъ выше мы ставимъ ихъ по этой новой табели о рангахъ. Намъ кажется, что шелковая матерія какъ-то благороднѣе, напримѣръ, чѣмъ пшеница или ленъ. Поэтому мѣнять ленъ на шелковую матерію намъ кажется убыточнымъ, а шелковую матерію на ленъ — весьма выгоднымъ.

На дѣлѣ однако нѣтъ ни благородныхъ, ни неблагородныхъ товаровъ, а есть только выгодныя и невыгодныя коммерческія операціи; и можетъ быть такъ же прибыльно или убыточно мѣнять сырые мате-

ріалы на фабричныя издѣлія, какъ фабричныя издѣлія на сырые матеріалы.

Многіе у насъ, пожалуй, согласятся съ предыдущими разсужденіями. Но зато, когда рѣчь идетъ объ обмѣнѣ товаровъ на услуги, а не товаровъ на товары, то тогда всѣ кричатъ въ одинъ голосъ, что иностранцы насъ грабятъ. Сколько разъ высчитывали громадное число милліоновъ, обираемыхъ иностранцами за перевозку нашихъ грузовъ пароходами и морскими судами. Но и здѣсь, увы, можно примѣнить тотъ же скромный аргументъ. Если для того, чтобы перевезти извѣстный товаръ, иностранецъ проситъ два рубля, а нашъ соотечественникъ—одинъ, то мы его отдадимъ нашему соотечественнику; если же, наоборотъ, нашъ соотечественникъ проситъ два рубля, а иностранецъ—одинъ, то сей послѣдній, оставляя въ нашемъ карманѣ по рублю, дѣлаетъ намъ не зло, а добро. Если же соотечественникъ вовсе не берется перевезти грузъ, а для этого дѣла является иностранецъ, то опять та же комбинація: если фрахтъ выгоденъ для насъ—мы отправляемъ товаръ, если нѣтъ—то не веземъ. Спрашиваю опять: гдѣ же тутъ грабежъ?

Но нашъ гнѣвъ доходитъ до апогея, когда мы мѣняемъ товары на капиталы, то есть когда уплачиваемъ нашими продуктами проценты занятыхъ нами денегъ. Если тогда иностранцы позволяютъ себѣ брать то, что имъ выгодно, то мы кричимъ, что они просто разбойники, какъ будто въ области экономическихъ интересовъ можно требовать, чтобы люди (а тѣмъ паче народы) дѣйствовали на осно-

ваніи безпредѣльной благотворительности. Развѣ мы даемъ иностранцамъ наши капиталы даромъ? Какое мы имѣемъ основаніе требовать этого отъ нихъ?

Одинъ корреспондентъ *„Московскихъ Вѣдомостей“* вычислилъ, что „контрагенты Ротшильда получаютъ за свой керосинъ 21,7 коп. съ пуда, а Ротшильдъ—17,79 коп., то-есть ни больше, ни меньше, какъ 84 проц. Вотъ такъ коммиссія!“ [1]

Конечно, очень прискорбно, что русская керосинная промышленность производится еще при такихъ невыгодныхъ финансовыхъ условіяхъ, что ей приходится платить 84 проц. коммиссіи при продажѣ своихъ продуктовъ. Но напрасно думаютъ наши протекціонисты, что стоитъ только изгнать изъ Баку этого жида-кровопійцу—и все измѣнится въ одинъ мигъ. Увы, опять дѣйствительность не соотвѣтствуетъ этимъ розовымъ надеждамъ! На дѣлѣ, если русскіе платятъ Ротшильду 84 процента, то это только потому, что они находятъ въ этомъ *свою выгоду*. Можно даже завидовать такой странѣ, гдѣ можно еще зарабатывать деньги, платя 84 проц. коммиссіи при продажѣ продуктовъ! Думаютъ-ли наши протекціонисты, что было бы выгоднѣе для Россіи еслибы Ротшильдъ не бралъ своихъ 17 коп., а русскіе керосино-промышленники своихъ 21,7? Странная логика! Это такъ легко!.. Стоитъ только не обрабатывать нашъ керосинъ.

Словомъ, говорятъ протекціонисты, вся масса

[1] *Новор. Тел.* 2 августа 1889 г. Извѣстно, что Ротшильдъ основалъ коммисіонную контору въ Баку.

процентовъ, которую мы уплачиваемъ иностранцамъ, потеряна безвозвратно. Будь у насъ капиталисты, наши деньги оставались бы въ странѣ. Эти господа строили-бы себѣ прелестные дома, жили бы между нами въ роскоши и довольствѣ и давали-бы заработки народу, тогда какъ при теперешнихъ обстоятельствахъ весь плодъ нашихъ трудовъ только увеличиваетъ роскошь и богатство за границею.

Не стану отрицать, что если какой-нибудь помѣщикъ живетъ у себя въ деревнѣ, а не въ Петербургѣ, то у него въ деревнѣ будетъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, болѣе роскоши и комфорта. Но изъ того, что онъ поселился въ Петербургѣ, еще не слѣдуетъ, что для него *выгоднѣе* не обрабатывать земли того имѣнія, гдѣ онъ не живетъ. Гг. протекціонисты приходятъ къ этому абсурду. Они говорятъ, что невыгодно намъ платить проценты иностранцамъ, то-есть, другими словами—невыгодно брать ихъ капиталы. Заемъ есть тотъ же обмѣнъ товаровъ. Кредиторъ даетъ ихъ извѣстное количество сразу, кредитуемый возвращаетъ ихъ по частямъ въ опредѣленные сроки (проценты и погашеніе). Товары, которые мы беремъ такимъ образомъ у иностранцевъ, служатъ намъ главнымъ образомъ, какъ орудіе для обрабатыванія естественныхъ богатствъ нашей страны. Теперь, если мы считаемъ невыгоднымъ платить проценты иностранцамъ, значитъ мы считаемъ самымъ выгоднымъ для Россіи производить какъ можно меньше богатствъ. Какъ не соглашаться съ такою геніальною аргументаціею!?

Еще два слова о патріотизмѣ.

Что мы называемъ родиною? Развѣ это только политическая территорія государства, въ которомъ мы родились и живемъ? Нѣтъ, родина, это нѣчто болѣе священное, нѣчто такое, что̀ переживаетъ всевозможныя политическія раздѣленія границъ. Если-бы завтра, къ великому несчастію, часть Россіи, въ которой я живу, была присоединена къ Австріи, то неужели я сталъ бы съ того момента ненавидѣть Россію и любить Австрію? Нѣтъ! Очевидно, родина не только политическая территорія, но и группа людей, съ которыми мы составляемъ одну культурную единицу посредствомъ общаго литературнаго языка. Это—группа людей, владѣющая сообща драгоцѣннымъ сокровищемъ идей и чувствъ, выраженныхъ религіею, литературою, философіею, искусствомъ и наукою; словомъ, наша настоящая родина, это—наша національность.

Для незнающихъ французскаго языка произведенія французской беллетристики или научной литературы совершенно безполезны (пока они не переведены). При незнаніи иностранныхъ языковъ, мы можемъ черпать необходимыя намъ познанія и получать эстетическія наслажденія только отъ авторовъ, пишущихъ на родномъ намъ языкѣ. Но если французъ даетъ вамъ деньги по 3 процента, а вашъ соотечественникъ проситъ 6, то вамъ гораздо выгоднѣе имѣть дѣло съ французомъ. Если французъ даетъ вамъ хорошее вино за одинъ рубль, а русскій проситъ два рубля за скверное, то вамъ выгоднѣе и полезнѣе пить иностранное вино. Всѣ матеріальныя богатства служатъ только средствомъ для

полученія умственныхъ наслажденій, которыя составляютъ цѣль нашего существованія. Такимъ же образомъ весь соціальный и политическій строй есть только средство для развитія религіи, литературы, искусствъ, философіи и науки. Тѣло существуетъ для души; также въ обществѣ вся экономическая и политическая дѣятельность существуетъ только для умственнаго творчества. Любить отечество значитъ желать, чтобы его нравственная индивидуальность высказывалась въ твореніяхъ мощныхъ и разнообразныхъ. Настоящій патріотизмъ стоитъ выше области чисто экономическихъ явленій.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Народная исключительность.

Протекціонисты скоро замѣтили, что высокія пошлины и даже совершенныя запрещенія не привели къ желаннымъ результатамъ. Они думали предоставить монополію внутренняго рынка нѣкоторымъ привилегированнымъ фабрикантамъ, но, какъ только какое-нибудь иностранное произведеніе не выдерживало слишкомъ высокой пошлины, сами иностранцы приходили выдѣлывать его у насъ. Какая досада! Эти господа надѣялись наконецъ спокойно и безпощадно обирать своихъ гражданъ, какъ вдругъ эти ненавистные иностранцы опять помѣшали. Тѣ самыя пошлины, которыя были наложены для большей выгоды нашихъ фабрикантовъ, horribile dictu, послужили для пользы этихъ гнусныхъ иностранцевъ! Другаго спасенія нѣтъ: надо запретить иностранцамъ переселяться къ намъ и, главнымъ образомъ, учреждать у насъ фабрики. Словомъ, Россія для русскихъ, Франція для французовъ, Америка для американцевъ! Такіе возгласы все чаще и чаще раздаются въ наше время. Какъ протекціонизмъ

есть конечный результатъ ложной меркантильной системы, такъ и народная исключительность есть конечный результатъ ложной системы протекціонизма. Сверху до низу эта новая язва проникаетъ во всѣ классы общества и заражаетъ всѣхъ. Во Франціи, въ Америкѣ, въ Германіи, въ Италіи, у насъ—вездѣ, увы, народы какъ будто стремятся съежиться окончательно.

Вслѣдствіе многочисленныхъ экономическихъ причинъ поденная плата рабочихъ въ данное время въ разныхъ мѣстахъ неодинакова. Рабочіе, естественно, стремятся пользоваться болѣе благопріятными условіями и направляются въ края, гдѣ заработки больше. Если наплывъ великъ, то поденная плата уменьшается, и равновѣсіе опять возстановляется между этими краями и мѣстомъ, откуда рабочіе прибыли. Пока переселеніе это состоитъ изъ соотечественниковъ, никто не жалуется. Такъ у насъ, въ Россіи, сотни тысячъ мужиковъ изъ центральныхъ губерній отправляются въ южныя во время уборки хлѣба. Никто не только не видитъ въ этомъ вреда, а напротивъ, всѣ, и южныя и сѣверныя губерніи видятъ въ этомъ большую пользу. Но если эти переселенцы—иностранцы, то поется пѣснь совершенно иная. Тотъ самый экономическій фактъ, который наканунѣ казался выгоднымъ для всѣхъ, кажется въ высшей степени пагубнымъ теперь и рабочіе начинаютъ тоже просить, чтобы и ихъ защитили отъ *наводненія* иностранныхъ конкурентовъ. У насъ, въ Европѣ, за исключеніемъ Германіи, еще не рѣшились требовать абсолютнаго изгнанія иностранныхъ

рабочихъ; но во Франціи уже заговорили о необходимости обложить ихъ оброкомъ, ввести, такъ-сказать, пошлину на иностранный трудъ.

Въ американскихъ государствахъ не стѣсняются рутинами, дѣйствуютъ рѣшительнѣе, сразу доводятъ дѣло до конца. Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Британской Колумбіи, въ Австраліи, и въ Новой Зеландіи на китайскихъ рабочихъ прежде всего наложили большія таксы, а затѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ запретили переселеніе [1]. Есть люди въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ, которые поговариваютъ уже о нѣкоторыхъ ограниченіяхъ въ переселеніи даже и европейцевъ. Такъ, было предположено разрѣшить на судахъ имѣть только по одному переселенцу на пять тоннъ вмѣстимости и каждый переселенецъ, при выходѣ на берегъ долженъ будетъ заплатить таксу въ 5 долларовъ.

Въ Европѣ, какъ и въ Америкѣ, рабочіе разсуждаютъ самымъ простымъ образомъ: мы получаемъ довольно большую поденную плату; иностранцы (китайцы или европейцы въ Америкѣ, итальянцы и бельгійцы во Франціи и проч.) соглашаются работать за мѣньшую; они отбираютъ у насъ хлѣбъ. Вонъ ихъ! Рабочіе разсуждаютъ точно такъ, какъ наши протекціонисты. Напримѣръ: Англія можетъ доставлять намъ уголь по болѣе выгодной цѣнѣ, чѣмъ нашъ Донецкій край. Затруднимъ ввозъ англій-

[1] Въ Британской Колумбіи китайцы должны платить таксу въ 10 долларовъ съ души: въ Австраліи 10 ф. ст. Кромѣ того, суда могутъ привезти только по одному китайцу на 100 тоннъ вмѣстимости. Въ Калифорніи переселеніе китайцевъ совершенно воспрещено.

скаго угля (или вонъ его!). Рабочіе въ Америкѣ, Австраліи или Франціи желаютъ сохранить за собою монополію ручнаго труда, какъ наши углепромышленники—монополію продажи минеральнаго топлива.

Странное дѣло! Когда-то вели кровопролитнѣйшія войны, чтобы завладѣть добычею и рабами. Войны эти требовали довольно значительнаго основнаго капитала въ видѣ военныхъ приспособленій. Этотъ капиталъ подвергался риску, ибо результатъ войны былъ неизвѣстенъ. Изъ воюющихъ многіе погибали даже и между побѣдителями, такъ что къ риску потери капитала прибавлялся рискъ потери жизни. Несмотря на все это, такого рода военные набѣги считались весьма выгоднымъ предпріятіемъ. Побѣдитель возвращался на родину съ богатою добычею и иногда гоня передъ собою, какъ стадо овецъ, цѣлые народы рабовъ. Величіе Рима основано главнымъ образомъ на разграбленіи всѣхъ государствъ бассейна Средиземнаго моря.

Когда форма войны измѣнилась и когда она приняла болѣе политическій характеръ, то человѣческая рабочая сила пріобрѣталась покупкою невольниковъ. Торговля эта требовала тоже извѣстнаго основнаго капитала и, когда ее стали преслѣдовать, сопровождалась большимъ рискомъ (капитаны судовъ, перевозившихъ невольниковъ, подвергались повѣшенію). Что касается до покупателей негровъ, то они платили недешево. Въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ цѣна на хорошаго негра стояла отъ 7 до 15,000 фр. въ первой по-

ловинѣ нашего столѣтія. Весь этотъ основный капиталъ подвергался риску, потому что негръ могъ убѣжать или умереть. Напрасно думаютъ, что негры работали безвозмездно. Они, правда, не получали никакой платы, но зато ихъ надо было кормить и одѣвать, давать имъ жилище, лѣчить ихъ въ случаѣ болѣзни и содержать во время дряхлости. Несмотря на все это, невольничество считалось когда-то (какъ прежде войны съ цѣлью грабежа) весьма выгоднымъ для рабовладѣльцевъ. Въ Америкѣ возникла одна изъ самыхъ ожесточенныхъ и кровопролитныхъ войнъ, какія только извѣстны въ исторіи человѣчества, отчасти изъ-за желанія удержать право владѣть невольниками.

Нынче взгляды совершенно измѣнились. Китаецъ, который переѣзжаетъ въ Америку или въ Австралію, самъ платитъ за свой переѣздъ. Тотъ, кто нанимаетъ его для работы, не имѣетъ надобности дѣлать никакой основной затраты, какъ при покупкѣ негра. Если китаецъ заболѣетъ, онъ лѣчится, и когда онъ старъ, онъ содержится на свой счетъ. Правда, китаецъ требуетъ поденную плату, но такую скромную, что изъ за ея же размѣровъ его ненавидятъ. Его упрекаютъ за его воздержанность (для него достаточно горсти рису), зато, что онъ не знаетъ почти никакихъ нуждъ. Словомъ, заработная плата, которую беретъ китаецъ, едва-ли больше суммы, необходимой на содержаніе негра-раба.

Но поразительное противорѣчіе! То, что раньше считалось выгоднымъ, когда оно пріобрѣталось пу-

темъ самыхъ страшныхъ насилій и самыхъ ужасныхъ войнъ, считается теперь вреднымъ, когда оно пріобрѣтается естественнымъ, мирнымъ путемъ, путемъ обоюднаго соглашенія. Невольничество считалось благомъ (для рабовладѣльцевъ), пріобрѣтеніе труда почти даромъ считается зломъ [1]. Какъ объяснить это странное противорѣчіе? Очень просто. Кто судья? Прежде былъ плантаторъ, теперь—европейскій рабочій. Калифорнія, Британская Колумбія, Австралія, все это — демократическія страны, гдѣ существуетъ всеобщая подача голосовъ. Рабочій классъ пользуется тамъ вліяніемъ, ибо онъ составляетъ большинство на всѣхъ выборахъ и законодательнымъ путемъ исключаетъ своихъ конкурентовъ, работниковъ-китайцевъ.

Мудренаго тутъ нѣтъ ничего. Американскіе рабочіе невѣжественны; ихъ умственный кругозоръ такъ же ограниченъ въ пространствѣ, какъ и во времени, и они едва-ли способны предвидѣть, что будетъ завтра. Пришли китайцы, поденная плата уменьшилась — европейскій рабочій разоренъ. Несчастный! Онъ не понимаетъ выгодной для себя дѣйствительности. Благодаря появленію китайца, европеецъ можетъ изъ простаго рабочаго превратиться въ надзирателя, въ управляющаго, словомъ, сразу подняться по лѣстницѣ общественнаго положенія. Благодаря своей непритязательности и ограниченности своихъ потребностей, китаецъ готовъ заниматься

[1] Читатель, конечно, не подумаетъ ни одной минуты, что авторъ сочувствуетъ рабству. Онъ только приводитъ фактъ для разъясненія своей мысли.

самыми непривлекательными работами: онъ избавитъ отъ нихъ европейцевъ.

Въ Европѣ глупая ненависть народныхъ классовъ къ иностранцамъ порождаетъ такое же зло, какъ и въ непочатыхъ странахъ Новаго Свѣта. Извѣстно, напримѣръ, что поденная плата парижскихъ рабочихъ очень высока. Каменьщикъ получаетъ тамъ 8 фр. въ день, плотникъ—7 фр. 85 с., и проч. Болѣе тонкія работы оплачиваются еще дороже. Рѣзчикъ по дереву и золотыхъ дѣлъ мастеръ получаютъ отъ 15 до 20 фр. въ день. Парижскіе рабочіе имѣютъ естественную склонность къ этимъ болѣе тонкимъ работамъ и, обладая вкусомъ и чувствомъ изящнаго, они пренебрегаютъ болѣе грубыми. Для исполненія этихъ болѣе грубыхъ работъ являются итальянцы и бельгійцы, которые соглашаются подметать улицы, копать землю, и проч. и проч. Не смотря на это, парижане утверждаютъ, что эти иностранцы отбираютъ у нихъ хлѣбъ, и просятъ обложить ихъ особою податью. Но парижскіе рабочіе горько ошибаются. Эти иностранцы не отбираютъ, а даютъ имъ хлѣбъ. Благодаря тому, что они удешевляютъ цѣну самыхъ простыхъ, но и самыхъ необходимыхъ работъ, они именно дѣлаютъ возможнымъ развитіе болѣе тонкихъ производствъ, которыя доставляютъ парижскимъ рабочимъ столь высокія поденныя платы. Плата простому чернорабочему по 10 фр. въ день въ Парижѣ при настоящихъ условіяхъ задержала-бы экономическое развитіе Франціи, которая не могла-бы выдержать конкуренцію другихъ странъ, гдѣ цѣны

ниже; отпускъ ея сталъ-бы ежедневно уменьшаться и благосостояніе ея было-бы подорвано. Благодаря иностранцамъ, парижскій рабочій получаетъ болѣе выгодныя занятія; онъ дѣлается какъ бы аристократомъ въ своемъ сословіи. Стало-быть, иностранный иммигрантъ причиняетъ ему не зло, а добро.

Дешевый трудъ такъ же выгоденъ для общества, какъ и дешевыя произведенія. Онъ развиваетъ богатство. Конечно, для каждаго отдѣльнаго лица гораздо желательнѣе получать высокую плату, чѣмъ низкую. Но иммиграція не исключаетъ двухъ этихъ совершенно противоположныхъ стремленій, а, наоборотъ, соединяетъ ихъ. Для китайца, который не зарабатываетъ у себя дома болѣе 5—10 коп. въ день, очень выгодно работать въ Австраліи за 25 или 30. Благодаря дешевой работѣ китайца, въ Австраліи могутъ открываться новыя отрасли производства, и англичанинъ, который, какъ чернорабочій, хотя и получалъ до двухъ рублей въ день, будетъ имѣть гораздо больше, занимая должность приказчика, управляющаго,. или ставъ самъ землевладѣльцемъ и отдавая въ аренду свои участки тѣмъ же самымъ китайцамъ. Земной шаръ еще мало населенъ; всего приходится 10 жителей среднимъ числомъ на квадратную версту. Прекрасныхъ дѣвственныхъ земель — еще сотни милліоновъ десятинъ. Еще не настало время тѣсноты, время узкой исключительности. Политика собаки на сѣнѣ въ наше время не только безжалостна, но крайне близорука.

Совершенно естественно, что грубый и необра-

зованный рабочій народъ неспособенъ понимать своихъ истинныхъ интересовъ [1], но крайне прискорбно, когда такъ-называемый интеллигентный классъ еще больше ослѣпленъ.

Въ брошюрѣ, изданной подъ заглавіемъ: *Почему Лодзь и Сосновицы побѣждаютъ Москву?* г. Шараповъ, секретарь Московскаго Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, предлагаетъ, чтобы каждый иностранецъ, поселившійся въ Россіи, платилъ особенный налогъ въ слѣдующемъ размѣрѣ:

При доходѣ свыше .	10,000 р.	25%	сего дохода
„ „ „ .	5,000 „	15%	„ „
„ „ „ .	1,000 „	10%	„ „

Кромѣ того, онъ предлагаетъ, чтобы Россія была раздѣлена на три полосы, обнимающія:

1-я, все царство польское и пространство территоріи, шириною въ 300 верстъ, считая вдоль сухопутныхъ границъ.

2-я, наши западныя губерніи до с.-петербургскаго меридіана и, наконецъ,

3-я, всю остальную имперію.

„Въ первомъ поясѣ пріобрѣтеніе иностранцами недвижимой собственности, равно какъ и основаніе всякаго рода промышленныхъ заведеній—фабрикъ, заводовъ, а также и расширеніе существующихъ

[1] Такъ, напримѣръ, въ Англіи народъ долго не сочувствовалъ уничтоженію пошлинъ на иностранную пшеницу (см. Richelot. *Histoire de la réforme commerciale en Angleterre.* Томъ I, стр. 285).

безусловно воспрещается". Во второмъ поясѣ иностранцы могутъ пріобрѣтать поземельную собственность и учреждать фабрики, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы разстояніе между ними было не менѣе 5 верстъ [1].

Трудно себѣ представить болѣе опредѣленную программу народной исключительности. Правда, г. Шараповъ ее смягчаетъ немного тѣмъ обстоятельствомъ, что довольно либерально принимаетъ иностранцевъ въ русское подданство. *Славяне* и *православные* становятся русскими послѣ простаго заявленія и присяги, произнесенной надлежащимъ образомъ. Остальные иностранцы принимаются въ русское подданство послѣ пятилѣтняго безвыѣзднаго пребыванія въ Россіи по ходатайству земствъ, городскихъ думъ и другихъ учрежденій. Условія далеко не суровыя!

Итакъ, съ одной стороны у г. Шарапова высказывается самая узкая исключительность, а съ другой—самый широкій либерализмъ. Странное противорѣчіе! Оно показываетъ коренную ошибку, въ которую впадаютъ всѣ квасные патріоты не только у насъ, но и вездѣ.

Здѣсь я позволю себѣ поставить вопросъ, который на первый взглядъ кажется парадоксальнымъ, но на который тѣмъ не менѣе довольно трудно отвѣтить. Что такое русскій (можно также спросить, что такое французъ, нѣмецъ и проч.)? Всякій русскій подданный есть-ли русскій? Очевидно, подданство имѣетъ только чисто юридическое значеніе;

[1] См. вышепоим. брошюру, стр. 34.

иначе полякъ и балтійскій баронъ были-бы русскими. Никто, конечно, этого не допуститъ. Быть можетъ, православіе составляетъ признакъ русскаго? Тоже нѣтъ; ибо тогда слѣдовало-бы признать, что румыны, болгары, сербы и греки тоже русскіе, а наши раскольники — иностранцы. Это тоже невозможно. Стало-быть, не юридическое подданство и не религія создаютъ русскаго человѣка. Что же наконецъ? Прежде всего, конечно, языкъ. Кто говоритъ и думаетъ порусски, тотъ русскій. Но и этого однако недостаточно. Есть масса людей въ нашемъ отечествѣ, которые, быть можетъ, говорятъ очень плохо порусски, но которыхъ мы должны считать нашими, не менѣе москвичей. Можно самымъ неопровержимымъ образомъ называть русскимъ только того, кто страдаетъ нашимъ горемъ и радуется нашему счастію, того, кто сердцемъ и душой привязанъ къ намъ, — словомъ, человѣка, который чувствуетъ больше симпатій къ Россіи, чѣмъ ко всѣмъ остальнымъ націямъ міра.

Когда иностранецъ переѣхалъ нашу границу и поселился среди насъ, возникаютъ между нами и имъ постоянныя отношенія. Эти отношенія приводятъ его въ концѣ-концовъ къ какому-нибудь психологическому состоянію: или симпатіи, или антипатіи къ намъ. Если антипатія беретъ верхъ, то хотя бы этотъ человѣкъ жилъ въ Россіи не пять лѣтъ, а пятьдесятъ, хотя бы онъ владѣлъ нашимъ языкомъ, какъ Тургеневъ или графъ Толстой, — онъ останется вѣчно иностранцемъ. Если же, наоборотъ, симпатія беретъ верхъ, то хотя бы онъ жилъ у

насъ только пять дней и съ трудомъ коверкалъ русскій языкъ,—онъ нашъ. Всякій иностранецъ, поселившійся въ какой-нибудь странѣ, есть пріобрѣтеніе для этой страны; но настоящее пріобрѣтеніе начинается не съ того момента, когда подписанъ документъ о подданствѣ, а съ того, когда произошло его нравственное завоеваніе, то-есть, съ момента, когда симпатіи иностранца перешли на сторону его новыхъ согражданъ. Вчера иностранецъ не владѣлъ извѣстнымъ документомъ; мы его считали чужимъ и лишали его всѣхъ правъ; сегодня онъ владѣетъ имъ; мы его считаемъ своимъ и даемъ ему всѣ права. Въ дѣйствительности же, если до полученія документа этотъ иностранецъ любилъ Россію—онъ былъ нашъ, а если послѣ полученія онъ ненавидитъ ее—онъ остается самымъ опаснымъ ея врагомъ, тѣмъ болѣе опаснымъ, что, живя въ ея предѣлахъ, онъ можетъ сдѣлаться предателемъ. Вѣра въ волшебную силу листа бумаги—вотъ къ чему сводится политика г. Шарапова. Право, надо удивляться, какимъ образомъ о такихъ ребячествахъ можно говорить въ серьезномъ тонѣ!

Извѣстно, что чѣмъ легче какой-нибудь организмъ поглощаетъ пищу, тѣмъ выгоднѣе для него. Возможность потреблять одинаково мясную и растительную пищу даетъ человѣку большое преимущество надъ животными, ибо его шансы умереть съ голоду уменьшаются на половину. Гдѣ нѣтъ мяса, тамъ онъ ѣстъ растительныя вещества, и на-

оборотъ. Съ другой стороны, болѣе разнообразная пища увеличиваетъ его физическую силу и умственныя способности. То, что вѣрно для отдѣльныхъ организмовъ, вѣрно также и для обществъ. Тотъ народъ имѣетъ больше шансовъ на торжество въ борьбѣ за существованіе, который обладаетъ наивысшею способностью ассимилировать посторонніе элементы. Исключительность—это смерть; ассимиляція — это жизнь, ибо процессъ ассимиляціи тождественъ съ процессомъ питанія.

Способность общественнаго поглощенія распространяется не только на матеріальные предметы, но на людей и на идеи.

Въ предыдущихъ главахъ я старался доказать, что только свободная торговля вполнѣ обезпечиваетъ матеріальное благосостояніе народовъ. Но что̀ такое свободная торговля, если не способность поглощать иностранныя произведенія, доведенная до крайнихъ предѣловъ? Понятно, что народъ, который не закрываетъ своихъ границъ баснословными пошлинами, будетъ получать иностранныя произведенія съ наибольшею легкостью, или, что тождественно—за наименьшую цѣну; онъ будетъ, стало-быть, постоянно снабженъ всевозможными товарами изъ всевозможныхъ странъ, то-есть, онъ будетъ богатъ.

Но привлекать живыхъ людей несравненно полезнѣе, чѣмъ привлекать товары—и это по физіологическимъ, экономическимъ и, главнымъ образомъ, по интеллектуальнымъ соображеніямъ.

Извѣстно, насколько скрещиваніе между различныыи расами благотворно дѣйствуетъ на по-

томство. Браки между родственниками очень скоро порождаютъ идіотовъ. Римъ во время своего могущества наводнялъ Италію невольниками и свободными гражданами изъ всѣхъ частей своей громадной имперіи. Въ средніе вѣка германскія переселенія, а затѣмъ множество другихъ причинъ постоянно вліяли на смѣшеніе всевозможныхъ племенъ въ этой странѣ. Благодаря постоянному скрещиванію, произошла въ Италіи порода людей, которую можно назвать одною изъ самыхъ красивыхъ на земномъ шарѣ. Эта порода въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій въ искусствѣ, наукѣ и литературѣ творила чудеса. То же самое можно сказать про Францію и Англію. Въ наше время самое живое и передовое общество, то, гдѣ скрещиванія самыя многочисленныя, это—Сѣверная Америка.

Перейду теперь къ экономическимъ выгодамъ, происходящимъ отъ иммигрантовъ.

Человѣкъ создаетъ богатство. Какую пользу могутъ приносить самыя громадныя сокровища, лежащія безъ движенія въ нѣдрахъ земли? Какая польза отъ самыхъ хлѣбородныхъ полей, если ихъ не обрабатываютъ, отъ самыхъ богатыхъ лѣсовъ, если ихъ не эксплуатируютъ? Благодаря иммигрантамъ, всѣ эти пока безполезныя богатства начинаютъ приносить доходъ, ибо иммигрантъ приходитъ для того, чтобы составить себѣ состояніе, то-есть, для того, чтобы работать. Но говорятъ, что этотъ иностранецъ отнимаетъ заработки у мѣстныхъ жителей. Этого никогда не можетъ быть, потому что иммигрантъ направляется въ тѣ страны, гдѣ наро-

донаселеніе еще рѣдко, гдѣ есть требованіе на трудъ.

По статистическимъ даннымъ, народонаселеніе Сѣверо-американскихъ Штатовъ въ 1790 году едва достигало 4 милліоновъ душъ. Разсчитано, что оно достигло бы теперь до 15 милліоновъ при обыкновенномъ движеніи народонаселенія, тогда какъ въ настоящее время жителей въ Американскомъ Союзѣ 63.000,000. Иммиграція принесла, стало-быть, этому государству приростъ въ 48 милліоновъ душъ (почти половина всѣхъ русско-подданныхъ) въ теченіе одного только столѣтія. Ясно, что еслибы съ 1790 года и по наше время придерживались знаменитой формулы „Америка—для американцевъ", то Сѣверные Штаты составляли-бы ничтожную націю въ 15 милліоновъ душъ (меньше Испаніи), тогда какъ они составляютъ теперь одно изъ самыхъ могущественныхъ государствъ земнаго шара.

Но политическое могущество еще не все. Понятно тоже, что 63 милліона производятъ гораздо болѣе богатствъ, чѣмъ 15. Поэтому потомки прежнихъ жителей пользуются теперь несравненно большимъ благосостояніемъ, чѣмъ еслибы они исключили иностранцевъ.

Самая жадная рыба растетъ скорѣе другихъ и въ борьбѣ за существованіе беретъ верхъ надъ врагами. То же самое съ обществами. Всѣ правительства прекрасно это всегда понимали, и поэтому они постоянно стремились къ завоеваніямъ. Но политическія завоеванія стóятъ очень большихъ денегъ. Для того чтобы пріобрѣсти 300,000 новыхъ под-

данныхъ въ 1878 г., Россія должна была издержать 1.045.000,000 руб. сер.; и такъ какъ эта сумма будетъ погашаться около пятидесяти лѣтъ, то она дойдетъ до 3.500.000,000 рублей. Очевидно, эта финансовая операція была крайне невыгодна. Иммигрантъ же есть подданный, завоеванный безъ капли крови и безъ малѣйшаго расхода. Но въ то время, какъ всѣ народы ведутъ самыя разорительныя войны, чтобы насильственно увеличить число своихъ подданныхъ, многіе изъ нихъ не хотятъ принимать иммигрантовъ. Какое странное противорѣчіе [1]!

Я сказалъ, что завоеваніе иммигранта происходитъ безъ малѣйшей затраты. Этого мало; не только иммигрантъ ничего не стоитъ, но онъ приноситъ еще свой трудъ, свою энергію, свои познанія, свои спеціальные методы работы, свою предпріимчивость и, наконецъ, свои деньги. Разсчитано, что иммигранты привозятъ ежегодно въ Сѣверо-Американскіе Штаты до $5^1/_2$ милліардовъ франковъ [2]. Итакъ эта страна безъ ружейнаго выстрѣла беретъ ежегодно съ Европы бо̀льшую контрибуцію, чѣмъ знаменитая дань, уплаченная Пруссіи въ 1871 году [3].

[1] Когда народы будутъ лучше понимать свои интересы, эта нелѣпая политика измѣнится. Придетъ время, когда будутъ дѣлать столько же усилій, чтобы привлечь иммигрантовъ, сколько дѣлаютъ теперь, чтобы ихъ удалить.

[2] См. *Revue des deux Mondes* отъ 15 февраля 1889 года, стр. 855.

[3] Когда послѣ кровопролитной войны можно взять такую громадную дань, то побѣдитель ликуетъ. Но когда иностранцы готовы дать больше *безъ войны*, то дѣлаютъ все, что возможно, для того чтобы ихъ удалить! Конечно, война 1870—71 годовъ

Послѣдняя польза отъ иммигрантовъ, больше двухъ предыдущихъ. Они главнымъ образомъ приносятъ новыя идеи. Быть можетъ, самое большее несчастіе, которое можетъ постигнуть общество, это — умственный застой. Пока умственныя силы даннаго общества развиваются, пока оно съ ненасытною жадностью поглощаетъ новыя идеи, производимыя окружающими его народами, до тѣхъ поръ ничто не въ силахъ остановить его физіологическій и экономическій ростъ.

Наука есть власть. Народъ, который будетъ владѣть самымъ большимъ запасомъ реальныхъ знаній, будетъ всегда имѣть самую совершенную экономическую и политическую организацію; ибо всѣ успѣхи въ промышленности и земледѣліи происходятъ только отъ примѣненія законовъ физики, химіи и біологіи, а все совершенство политическаго строя отъ примѣненія законовъ біологіи и соціологіи. Не стремиться къ знанію—значитъ покушаться на благосостояніе и величіе своего отечества.

стоила нѣмецкому *народу* болѣе 5 милліардовъ франковъ, ибо около милліона людей въ теченіе почти года не производило никакого богатства. Когда затѣмъ германское правительство получило контрибуцію, то оно не роздало ее народу. Несмотря на то, пріобрѣтеніе 5 милліардовъ все-таки считалось выгодною операціею въ Германіи, тогда какъ контрибуція, которую приносятъ иммигранты, считается нежелательною Откровенно говоря, не безъ страшной зависти смотрю я на счастіе Сѣверо-американскихъ Штатовъ. Отчего, увы! часть этой богатой добычи не попадаетъ къ намъ, русскимъ? У насъ земли тоже не мало. Не говоря объ Европейской Россіи и о Кавказѣ, еслибы можно было привлечь ежегодно въ Сибирь по 200 или 300.000 эмигрантовъ съ милліардомъ рублей серебромъ, наше благосостояніе значительно увеличилось-бы.

Конечно, новыя идеи и новыя знанія могутъ проникать изъ иностранныхъ странъ посредствомъ книгъ. Но насколько могущественнѣе пропаганда живаго слова! Во всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ отношеніяхъ, которыя возникаютъ между иностранцемъ и мѣстнымъ жителемъ, передача мыслей дѣлается постоянно, даже иногда и невольно. Съ другой стороны, дѣйствія ипостранца имѣютъ столько же значенія, сколько и его слова. Если онъ лучше обрабатываетъ свое поле, мѣстный житель беретъ прямыя указанія; если онъ учреждаетъ новую отрасль производства, онъ даетъ примѣръ, который можетъ найти подражателей. Вся эта живая дѣятельность, конечно, лучше сухихъ описаній въ какихъ-нибудь книжкахъ, которыя не всякій можетъ прочесть.

Кромѣ того, этотъ иностранецъ приноситъ новыя удовольствія, новые нравы, которые обогащаютъ мѣстную жизнь. Если онъ себѣ строитъ домъ въ стилѣ своего отечества, то этимъ онъ увеличиваетъ разнообразіе и слѣдовательно привлекательность города, въ которомъ онъ поселился.

Извѣстно, что населеніе все больше и больше стремится къ большимъ городамъ, и это потому, что они представляютъ громадныя удобства для жизни. Въ большихъ центрахъ можно найти всевозможные товары, всякаго рода мастеровыхъ, готовыхъ исполнять всѣ желанія. Въ деревняхъ и захолустьяхъ, напротивъ, жизнь затрудняется страшнымъ образомъ. Для пріобрѣтенія малѣйшей вещи, надо писать въ городъ или ѣздить туда.

Когда иностранецъ является къ намъ и открываетъ разныя мастерскія—столярныя, слесарныя и другія, когда онъ начинаетъ торговать разными предметами, этотъ иностранецъ облегчаетъ намъ жизнь. Только самое узкое непониманіе настоящихъ своихъ интересовъ можетъ заставить смотрѣть на этого человѣка, какъ на врага.

Словомъ, я скажу еще разъ: товары, люди и идеи, которые одно общество извлекаетъ у другаго, тождественны съ питательными веществами, которыя организмъ достаетъ въ окружающей средѣ, и ростъ даннаго общества равно пропорціоналенъ его способности поглощенія.

Приведу одинъ примѣръ въ доказательство вышесказаннаго.

Обратите вниманіе на двѣ сосѣднія страны—Италію и сѣверное прибрежіе Африки (Алжиръ и Тунисъ). Извѣстно, что эти два края представляютъ между собою большое сходство, по величинѣ, по климату, и по произведеніямъ. Во время Римской Имперіи, когда Карфагенъ былъ житницею Рима, Африка пользовалась бо̀льшимъ благосостояніемъ, чѣмъ Италія. Явились арабы. Сначала они съ жадностью набросились на греко-римскую культуру: переводили сочиненія древнихъ философовъ, занимались наукою. Арабы создали блестящую цивилизацію, которая въ извѣстное время не только не уступала, но даже превзошла христіанскую. Скоро однако консервативныя стремленія начали брать верхъ у арабовъ, и они вдались въ политику исключительности, рекомендуемую протекціонистами.

Они затруднили ввозъ европейскихъ товаровъ и проникновеніе европейскихъ идей, запрещая европейцамъ селиться между ними. Результатъ вышелъ печальный. Нынѣ Сѣверная Африка едва-ли имѣетъ 5 милліоновъ жителей (или около 15 на квадратную версту), и не только этотъ край не можетъ прокормить Рима, но самъ періодически страдаетъ отъ голода и находится въ нищетѣ.

Италія, наоборотъ, привлекаетъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ массу иммигрантовъ, вооруженныхъ и мирныхъ, поглощая и ассимилируя ихъ постепенно. Сами итальянцы посѣщаютъ всѣ страны Европы. Начиная съ XIV столѣтія, они жадно набрасываются на греко-римскую литературу, а затѣмъ постоянно слѣдятъ за ходомъ европейской науки и примѣняютъ у себя всѣ ея открытія.

И что же? Сѣверная Африка, отдавшись политикѣ исключительности, сдѣлалась нищенскою страною; Италія же, пользуясь самою широкою политикою поглощенія, имѣетъ нынѣ 30.000,000 жителей (100 на квадратную версту) и развилась въ самое богатое государство южной Европы.

Другой классическій примѣръ пагубныхъ результатовъ исключительности—это Китай. О немъ слишкомъ много говорили, и я не буду повторять всего, что было высказываемо такъ часто. Не могу однако не обратить вниманія мимоходомъ на одинъ фактъ. Извѣстно, что въ 1860 году восемь тысячъ человѣкъ англо-французскаго войска достигли Пекина, разграбили и сожгли тамъ дворецъ императора и безнаказанно возвратились на свои суда. Четырехъ-

сотъ-милліонное государство не могло справиться съ восьми-тысячнымъ войскомъ непріятеля! Трудно указать на болѣе постыдный результатъ политики исключительности.

Словомъ, чѣмъ больше данный народъ поглощаетъ иностранныхъ элементовъ, тѣмъ быстрѣе его ростъ [1].

Пожалуй, такъ,—скажутъ многіе. Но это возможно лишь при условіи, чтобы эти иностранные иммигранты ассимилировались нами. А бѣда въ томъ, что этого не происходитъ. Нѣмцы, напримѣръ, которые пріѣзжаютъ въ Россію, не дѣлаются русскими. Эти иностранцы остаются элементомъ чуждымъ нашему организму; они паразиты, которыхъ мы должны кормить и которые высасываютъ нашу кровь.

Признаюсь, всякій разъ, когда я слышу подобныя рѣчи, я чувствую какъ мое лицо краснѣетъ отъ стыда. Я не знаю бо́льшаго позора для русскаго имени! Утверждать такія вещи, значитъ принижать насъ на степень дряхлыхъ и полуварварскихъ азіатскихъ народовъ! Понятно, что индусы не могутъ ассимилировать англичанъ, потому что въ настоящее время существуетъ бездна между индійскою и англійскою культурою. Англичанинъ потеряетъ слишкомъ много (весь плодъ европейской науки и цивилизаціи), если забудетъ свой

[1] Прошу замѣтить, что я говорю все время объ единоличной эмиграціи, а не о сплошныхъ заселеніяхъ иностранцами, какъ это было у насъ при Екатеринѣ. Естественно, что это была крупная ошибка, ибо искусственно создавались государства въ государствѣ.

языкъ и заговоритъ на одномъ изъ индійскихъ нарѣчій.

Но утверждать, что для англичанина, для француза или нѣмца такъ же невыгодно сдѣлаться русскимъ, какъ индусомъ или персомъ, это, я повторяю, позорно. И странно! такое самоуничиженіе чаще всего слышится изъ устъ нашихъ квасныхъ патріотовъ, именно тѣхъ людей, которые въ другихъ случаяхъ ставятъ все русское выше всего на свѣтѣ.

Къ счастью, это самоуничиженіе не основательно. На дѣлѣ наша способность ассимилировать не только велика, но она, быть можетъ, выше англійской и нѣмецкой. Хотя менѣе образованные, чѣмъ народы западной Европы, мы, русскіе, обладаемъ многими качествами, усугубляющими наши силы уподобленія и поглощенія. Нѣтъ, кажется, сомнѣнія въ терпимости и общительности русскаго народа. Свѣтская жизнь нашего образованнаго класса несравненно пріятнѣе, чѣмъ въ Германіи и даже, пожалуй, Англіи. Русское гостепріимство настолько широко и любезно, что оно привлекаетъ къ намъ всѣхъ иностранцевъ. Разныя мелочи, да хотя бы даже наша привычка называть по имени и отчеству, устраняя всякое чинопочитаніе, даютъ особенную прелесть нашимъ общественнымъ отношеніямъ, внося въ нихъ простоту и задушевность. Прибавимъ къ тому, что нигдѣ не умѣютъ такъ пожить, какъ у насъ. „Жить можно только въ Москвѣ“, говорилъ мнѣ одинъ нѣмецъ, не такъ давно еще поселившійся въ нашей древней столицѣ. Наконецъ, въ дѣлѣ ассимиляціи мы имѣемъ могущественнѣйшаго союзника—

русскую женщину. Какой иностранецъ, будь онъ англійскій лордъ, французскій маркизъ, испанскій грандъ или гордый нѣмецкій баронъ, можетъ устоять противъ ея прелести? Введенный въ русскую семью бракомъ, иностранецъ скоро исчезаетъ въ нашемъ обществѣ, а дѣти его—уже настоящіе русскіе. Пусть читатель припомнитъ, сколько человѣкъ онъ знаетъ съ чисто нѣмецкими и французскими фамиліями, которые не говорятъ ни слова ни понѣмецки, ни пофранцузски и которые такіе же русскіе патріоты, какъ самые чистокровные москвичи.

Въ низшихъ слояхъ общества ассимиляція происходитъ еще быстрѣе. Куда дѣвались сербы, поселенные въ Херсонской губерніи императрицею Елизаветою, или нѣжинскіе греки? Всѣ они давнымъ давно слились съ русскимъ населеніемъ.

Напрасно боятся квасные патріоты, что мы не съумѣемъ уподобить себѣ иностранныхъ эмигрантовъ, даже еслибы они являлись къ намъ и сотнями тысячъ, какъ это бываетъ въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ. Затѣмъ, чѣмъ больше наша культура будетъ развиваться, тѣмъ больше наша поглощательная способность будетъ увеличиваться.

Исключительность ведетъ къ летаргіи и дряхлости, а политика поглощенія людей, товаровъ и идей создаетъ жизнь, развитіе и прогрессъ. Отъ Петра I и почти до нашихъ дней мы принимали съ распростертыми объятіями всякихъ иностранцевъ,—купцовъ, ученыхъ, военныхъ; товары мы стали получать изо всѣхъ странъ земнаго шара, и этимъ мы оразнообразили и украсили обстановку нашей жизни;

иностранныя книги мы выписывали цѣлыми тысячами. Еслибы мы придерживались еще литературы Симеона Полоцкаго, то у насъ никогда бы не было Пушкиныхъ, Лермонтовыхъ, Толстыхъ, Тургеневыхъ. Къ счастію, русская публика съ жадностью поглощала всѣ иностранныя литературы, и въ періодъ времени, сравнительно очень короткій, русскій умъ перешелъ отъ сухой схоластики къ живительной и реальной наукѣ. Въ искусствахъ, наконецъ, мы ввели у себя съ Запада не только много новыхъ пріемовъ, но даже цѣлые роды, о которыхъ наши предки не имѣли ни малѣйшаго понятія. Теперь же наша музыка, наша живопись, наша драма создаютъ для насъ цѣлый міръ эстетическихъ наслажденій.

Возвратимся къ знаменитой формулѣ народной исключительности: „Россія — для русскихъ". Что это значитъ безъ маски и безъ прикрасъ? Это значитъ, что предоставляется право нѣкоторымъ вліятельнымъ лицамъ самымъ грубымъ образомъ эксплуатировать народныя массы! Еслибы на самомъ дѣлѣ эта формула значила: „Россія—для *русскихъ народныхъ массъ*",—она бы могла служить формулой свободной торговли, а не протекціонизма.

Нѣтъ, настоящее понятіе патріотизма тождественно съ понятіемъ личнаго эгоизма. Каждый изъ насъ старается получить наибольшее количество благъ при наименьшемъ количествѣ труда. То же самое мы должны желать всѣмъ нашимъ соотечественникамъ и настоящій девизъ патріотизма долженъ быть не Россія для русскихъ, а *всѣ блага для русскихъ*.

КНИГА III.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Личные интересы.

Въ первой книгѣ настоящаго труда я говорилъ о вредѣ, причиняемомъ протекціонизмомъ; во второй я старался доказать, что положенія протекціонистовъ о пользѣ ихъ системы не выдерживаютъ критики.

Изслѣдованіе это приводитъ къ заключенію о необходимости, какъ можно скорѣе, отмѣнить пагубную и нелѣпую охранительную систему. Однако она держится упорно не только у насъ, но и во многихъ другихъ государствахъ. Почему? Кто ея приверженцы? Ее поддерживаютъ съ одной стороны личные интересы, съ другой—безкорыстныя, но, увы, чрезвычайно близорукія убѣжденія. Въ настоящей книгѣ я разсмотрю, насколько важны эти личные интересы и приведу затѣмъ еще нѣсколько уже болѣе общихъ доводовъ, доказывающихъ ошибочность протекціонизма.

Есть лица, сознающія выгоды свободной торговли. Они признаютъ, что охранительная система ошибочна, но ихъ пугаютъ послѣдствія ея отмѣны.

Они воображаютъ, что подъ сѣнію покровительственной системы возникли такіе важные интересы, что всякое ихъ колебаніе дѣлается невозможнымъ по суммѣ влекомыхъ потерь и количеству заинтересованныхъ лицъ. Но стоитъ только разсмотрѣть, какъ ничтожно меньшинство, для котораго полезенъ протекціонизмъ, чтобы убѣдиться, насколько это опасеніе ошибочно.

Приведу для примѣра Францію и Россію.

По переписи 1886 года народонаселеніе Франціи дѣлилось слѣдующимъ образомъ по роду занятій:

Землевладѣльцы	19.000,000,	или	53,04 %	всего нас.
Купцы и лица, занимающіяся извознымъ промысломъ .	3.837,000	„	10,73	„ „
Живущіе отъ доходовъ . .	2.151,000	„	6,02	„ „
Занимающіеся свободными профессіями.	1.531,000	„	4,28	„ „
Ремесленники	6.140,000	„	17,28	„ „
Фабричные производители (хозяева и рабочіе)	3.133,000	„	8,65	„ „

Изъ всѣхъ этихъ лицъ только послѣдняя категорія пользуется покровительственными пошлинами, да еще далеко не вся, а, какъ г. Гюйо доказалъ самымъ неопровержимымъ образомъ [1], не болѣе половины. Несомнѣнно, что когда 96 процентовъ населенія Франціи поймутъ свои настоящіе интересы, они въ силахъ будутъ провести ихъ, не смотря на оппозицію 4-хъ процентовъ.

Перейдемъ теперь къ Россіи.

[1] См. Y. Guyot. *Dialogue entre John Bull et George Dandin.* Парижъ. 1881 г., стр. 56.

По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ [1], всѣхъ фабрикъ и заводовъ въ европейской Россіи въ 1885 году было 83.182 съ 1.134,439 рабочими. Если же выключить отсюда привислянскія губерніи, гдѣ почти всѣ заводы принадлежатъ иностранцамъ, то собственно въ Россіи останется 62.801 фабрика и 994.787 рабочихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ, золотые промыслы, рыбные и газовые заводы не требуютъ покровительства уже въ силу самой природы вещей. Другіе заводы служатъ только для обработки нашихъ собственныхъ продуктовъ, какъ-то: салотопленные, лѣсопильные, льно- и пенькопрядильные и проч. и проч. Наконецъ, есть у насъ производства, которыя уже теперь высылаютъ свои произведенія за границу (напр. муку, спиртъ, папиросы, табакъ, соль и проч.) и для которыхъ слѣдовательно иностранная конкурренція не опасна. Они, какъ я объяснилъ выше, не только не требуютъ покровительства, но, наоборотъ, нуждаются въ свободной торговлѣ. Такимъ образомъ оказывается, что изъ всѣхъ отраслей производства, поименованныхъ въ Сборникѣ Центральнаго Статистическаго Комитета, только тридцать одна получаетъ пользу отъ покровительства [2].

[1] См. Сборникъ Центральнаго Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. С.-Петербургъ, 1887 г.

[2] Шерстепрядильная, ковровая, шерстяныхъ издѣлій, суконная, шелковая, пробочная, крахмальная, сахарная, мебельная, бумажная, обойная, хлопчатобумажная, бумагопрядильная, льнопрядильная, ситцевая, чулочная, изразцовая, фарфоровая,

Послѣднія владѣютъ въ совокупности 7075 фабриками при 646,684 рабочихъ. Затѣмъ въ сборникѣ значатся 2047 *прочихъ* заводовъ (которые не вошли въ главныя категоріи). Подъ эту рубрику подведены газовые заводы, заведенія для зельтерской и минеральныхъ водъ, керосинныя, прачешныя, и много мелкихъ промысловъ, имѣющихъ почти ремесленный характеръ. Если принять даже, что только одна треть этихъ заводовъ не требуетъ охранительныхъ пошлинъ (что, конечно, преувеличено), то и тогда общій итогъ фабрикъ, для которыхъ полезны пошлины, окажется въ 8540 съ 676,520 рабочими.

Предположимъ, что каждый заводъ имѣетъ среднимъ числомъ администрацію въ 20 душъ, что̀ составитъ съ владѣльцами 35,620, а съ семействами этихъ лицъ (по 5 душъ на семью)—178,100 душъ. На заводахъ работаютъ не только главы семействъ, но также женщины и дѣти. Мы, кажется, нисколько не ошибемся, умножая рабочую семью не на 5, а на 4. Такимъ образомъ получится, что число лицъ, заинтересованныхъ въ протекціонизмѣ, вѣроятно, не превышаетъ 2.896,180, что̀ на населеніе европейской Россіи (безъ Привислянскаго края) составитъ 3,55 процента.

Итакъ, интересы $96^1/_2$ проц. русскаго населенія приносятся въ жертву $3^1/_2$! Какая вопіющая

каменноугольная, чугуннолавильная, чугунолитейная, сталелитейная, желѣзная, оружейная, мѣдноплавильная и мѣдноздѣльная, механическая, стеклянная и хрустальная, зеркальная и химическая.

несправедливость! Что бы заговорили у насъ, еслибы всѣ губерніи нашего отечества принуждались нести тяжелыя повинности въ пользу одной только Кіевской, гдѣ населеніе (2.847,000 душъ) почти равняется числу привилегированныхъ промышленниковъ?

Но не преувеличены-ли и вышеприведенныя цифры?

Конечно, очень большое число людей работаетъ у насъ на фабрикахъ не по влеченію къ такому занятію, а только по недостатку земли. Возьмемъ, напримѣръ, несчастныхъ углекоповъ; они обрѣтаются цѣлую жизнь во мракѣ и сырости; ихъ занятіе не только крайне непріятно, но вредно для здоровья, да еще при этомъ и очень опасно [1]. Кто бы пошелъ въ шахты, еслибы могъ имѣть землю? А земли у насъ, сколько угодно! Только отсутствіе путей сообщеній и множество излишнихъ стѣсненій замедляютъ колонизацію нашихъ плодородныхъ земель. Дайте земли множеству изъ нашихъ рабочихъ, и они съ удовольствіемъ оставятъ свои фабрики. Такимъ образомъ число заинтересованныхъ въ протекціонизмѣ значительно сокращается.

Съ отмѣною охранительной пошлины, несмотря

[1] Смертныхъ случаевъ бываетъ во Франціи одинъ на 700 рабочихъ, въ Германіи одинъ на 350. Пока иностранный уголь дешевле нашего, надо было не сожалѣть, а радоваться, что у насъ производятъ такъ мало угля, что несчастнымъ англичанамъ, бельгійцамъ и нѣмцамъ приходится работать въ шахтахъ, а нашему народу можно еще пока жить отъ земледѣлія. Но ослѣпленіе протекціонизмомъ приводитъ къ совершенно чудовищному заключенію, что, чѣмъ тяжелѣе жизнь народа, тѣмъ онъ будто бы счастливѣе.

на закрытіе нѣкоторыхъ заводовъ, общая производительность края все-таки значительно увеличится. Прежде всего земледѣліе, неся менѣе накладныхъ расходовъ, будетъ прибыльнѣе и, стало-быть, будетъ привлекать больше рукъ. Съ другой стороны, наши производства, которыя соотвѣтствуютъ естественному экономическому положенію, тоже воспрянутъ и разовьются. Наконецъ, многіе заводы изъ нынѣ будто бы нуждающихся въ охранѣ легко выдержатъ иностранную конкуренцію. Административный персоналъ нашихъ фабрикъ не только ничего не потеряетъ отъ отмѣны протекціонизма, но даже выиграетъ, потому что послѣ нѣкотораго кризиса спросъ на этотъ персоналъ скорѣе увеличится, чѣмъ уменьшится. Не всѣ рабочіе, еслибы даже имъ и дали земли, пойдутъ заниматься хлѣбопашествомъ; многіе изъ нихъ привыкли къ городской жизни. Но отмѣна протекціонизма можетъ повредить имъ только временно, пока завершится ихъ переходъ изъ фабрикъ искусственно существующихъ къ фабрикамъ естественно существующимъ, которыхъ послѣ отмѣны покровительственной системы будетъ гораздо больше, чѣмъ теперь всѣхъ фабрикъ вообще.

Остаются слѣдовательно только владѣльцы фабрикъ.

Экономическіе законы тождественны во всѣхъ странахъ; и если отмѣна пошлинъ увеличила производство даже такихъ фабрикъ, которыя яко-бы не могли обходиться безъ охраны въ другихъ государствахъ, то свобода увеличитъ работу и у насъ. Поэтому невозможно допустить, чтобы всѣ вла-

дѣльцы заводовъ разорились съ отмѣною покровительства. Многочисленные примѣры, которые я привелъ въ предыдущей книгѣ, служатъ тому самымъ неопровержимымъ доказательствомъ.

Выше было показано, что фабрикъ пользующихся протекціонизмомъ, 8,540. Конечно, владѣльцевъ больше, ибо много предпріятій основано на паяхъ. Но, съ другой стороны, многія лица имѣютъ паи разныхъ заводовъ. Слѣдуетъ еще принять въ соображеніе, что даже за исключеніемъ привислянскаго края многіе заводы принадлежатъ иностранцамъ. Въ самой Московской губерніи, напримѣръ, очень много шелковыхъ фабрикъ устроено французами и управляется ими [1]. Въ Петербургѣ и Остзейскомъ краѣ не мало также нѣмцевъ. Кромѣ того, множество иностранцевъ владѣетъ акціями и облигаціями нашихъ промышленныхъ предпріятій. Во имя нашихъ собственныхъ интересовъ мы должны предоставлять иностранцамъ полнѣйшую равноправность. Всякое ограниченіе по отношенію къ нимъ будетъ только причинять вредъ нашему отечеству. Но давать *привилегіи* [2] иностранцамъ въ ущербъ

[1] По словамъ журнала *Съверъ*, въ одно изъ государственныхъ учрежденій подана недавно коллективная докладная записка отъ *московскихъ* заводчиковъ и оптовыхъ торговцевъ желѣзомъ. Она подписана 28 лицами, изъ которыхъ 25 съ иностранными и только 3 съ русскими фамиліями!

[2] А что такое предоставленіе возможности французу, живущему въ Россіи, продавать свои шелковыя матеріи русскому въ три раза дороже, чѣмъ онѣ стоятъ во Франціи, если не *привилегія*, оказанная иностранцу въ ущербъ своему потребителю? У себя дома французъ или нѣмецъ довольствовался-бы заработкомъ въ 4 или 5 процентовъ на свой основной капи-

своему народу значило бы поступать несправедливо по отношенію къ своимъ же собственнымъ соотечественникамъ. Такая политика донъ-кихотства не только не полезна, но возмутительна.

Если сопоставить теперь всѣ эти факты, то число *русскихъ* владѣльцевъ фабрикъ, которые пострадаютъ отъ отмѣны протекціонизма, вмѣстѣ съ ихъ семействами, конечно, не составитъ пятидесяти тысячъ человѣкъ. Что такая незначительная горсть людей не въ состояніи будетъ воспрепятствовать введенію свободной торговли—не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Освобожденіе крестьянъ затрогивало интересы неизмѣримо большей важности; оно касалось самыхъ основаній земельной собственности въ Россіи. Тѣмъ не менѣе, еслибы даже всѣ помѣщики пожелали воспротивиться освобожденію, они, конечно, не могли бы помѣшать его осуществленію, разъ правительство безповоротно его рѣшило. По этому одному примѣру можно судить, что отмѣна протекціонизма не вызвала-бы у насъ никакихъ нарушеній

талъ, а у насъ онъ беретъ 10, 15 и 20. Протекціонизмъ заставляетъ русскій народъ выплачивать ему эту разницу. „Заводъ Юза, говоритъ г. Черняевъ, имѣющій свое правленіе въ Лондонѣ, и весь состоящій изъ англичанъ, причемъ русскіе рабочіе въ полномъ загонѣ и живутъ въ землянкахъ, переправилъ съ 1884 по 1889 г. въ Англію болѣе двухъ съ половиною милліоновъ рублей русскихъ барышей и ровно ничего не сдѣлалъ хорошаго для Россіи". Итакъ, русскій народъ долженъ платить 62 к. вмѣсто 42 за чугунъ для того, чтобы гг. Юзы наживали большія деньги! Какъ видитъ читатель, не свободная торговля, а протекціонизмъ заставляетъ насъ „отдавать наши деньги иностранцамъ".

порядка. Въ Англіи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ нашего столѣтія промышленность имѣла уже больше значенія, чѣмъ она имѣетъ теперь у насъ. Тѣмъ не менѣе и тамъ отмѣна охранительной системы осуществилась не только безъ пролитія капли крови, но даже безъ малѣйшихъ смутъ и уличныхъ безпорядковъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Кто поддерживаетъ протекціонизмъ?

Какъ можно заключить изъ предыдущей главы, не личные интересы составляютъ главную опору протекціонизма, а ошибочныя экономическія убѣжденія народныхъ массъ и правящихъ классовъ.

Можно не интересоваться вопросами метафизики, науки или искусства; но каждый человѣкъ имѣетъ матеріальные интересы и сознательно или безсознательно сочиняетъ свою теорію политической экономіи. Но каждая такая теорія, увы, соотвѣтствуетъ по своей дикости степени невѣжества своего сочинителя. Такъ въ настоящее время въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ рабочій классъ сочувствуетъ протекціонизму. Онъ думаетъ, что если высокія пошлины будутъ отмѣнены, то европейскіе товары будутъ продаваться дешевле американскихъ. Тогда или придется закрыть фабрики или уменьшить плату за рабочій трудъ. Въ первомъ случаѣ будетъ полнѣйшій голодъ, а во-второмъ—сокращеніе благосостоянія. Ограниченность ума американскихъ рабочихъ дозволяетъ имъ только видѣть бли-

жайшій фактъ уменьшенія рабочей платы; она не дозволяетъ имъ видѣть болѣе отдаленныя благодѣтельныя послѣдствія отмѣны охранительныхъ пошлинъ. Вопервыхъ они не понимаютъ, что большіе заработки не имѣютъ никакого значенія, разъ всѣ предметы потребленія становятся дороже, благодаря пошлинамъ. Во время первой горячки, возникшей въ Австраліи послѣ открытія золота, всѣ бросились искать этотъ драгоцѣнный металлъ. Почти никто не соглашался заниматься другимъ ремесломъ; кто рѣшался однако на это, требовалъ большихъ денегъ. Такъ, простой плотникъ въ Мельбурнѣ получалъ тогда по 10 р. въ день. Но въ то время головка капусты стоила ту же цѣну, такъ что, несмотря на высокую поденную плату, этотъ плотникъ съ трудомъ могъ прокормиться.

Американскіе рабочіе также не понимаютъ, что безъ охранительной системы, вмѣсто того чтобы работать въ душныхъ фабрикахъ, они сдѣлались-бы почти всѣ земледѣльцами, и ничто не доказываетъ, что сельскіе рабочіе получали-бы меньшую плату, чѣмъ заводскіе. Вмѣсто того чтобы заселять грязные кварталы большихъ фабричныхъ городовъ, они заняли бы безконечную территорію, которою ихъ надѣлила судьба, и гдѣ земли, считающіяся плодороднѣйшими на земномъ шарѣ, лежатъ пустырями. Такъ, на прибрежьѣ Тихаго океана (въ штатахъ: Калифорніи, Орегонѣ и Вашингтонѣ) есть еще около 307,800 кв. кил. (почти территорія Великобританіи) прекраснѣйшихъ незаселенныхъ земель. Эти благодатныя страны имѣютъ только

отъ 0,4 до 2 жителей на кв. кил. [1], что равняется заселенію Олонецкой и Архангельской губерній, бѣднѣйшихъ въ нашемъ отечествѣ.

Еслибы американцы думали только скорѣе заселить пустыя мѣста, они производили-бы больше сырыхъ продуктовъ, стоимость которыхъ удешевилась-бы для Европы, гдѣ жизнь стала-бы выгоднѣе. Это понизило бы цѣны на всѣ промышленныя произведенія, предлагаемыя американцамъ, и ихъ благосостояніе росло бы скорѣе; словомъ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ сокращались-бы непроизводительные расходы, то-есть, наростало-бы больше богатствъ съ наименьшимъ трудомъ.

Безразсудная экономическая политика Америки поддерживается, благодаря личнымъ интересамъ нѣсколькихъ промышленныхъ тузовъ и невѣжеству народныхъ массъ.

Въ Англіи, какъ и въ Америкѣ, рабочій классъ очень долго былъ протекціонистомъ. Извѣстно, что двѣ трети англійской территоріи принадлежатъ около 10,000 лицъ, между которыми находятся лорды, владѣющіе майоратами. Эта земельная аристократія, держащая въ своихъ рукахъ управленіе Англіи, наложила высокія пошлины на иностранный хлѣбъ. Былъ сдѣланъ разсчетъ, изъ котораго видно, что 10,000 человѣкъ въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія брали ежегодно съ народа дань, дохо-

[1] Калифорнія — 2 жителя на кв. кил., Орегонъ — 0,7, Вашингтонъ — 0,4. У насъ Олонецкая губернія — 2, Архангельская — 0,4.

дившую до 500 милліоновъ фр. [1]. Мелкой поземельной собственности почти не существуетъ въ Англіи. Сельскій классъ состоитъ тамъ изъ простыхъ рабочихъ, которые и выплачивали значительную часть этой контрибуціи. Тѣмъ не менѣе они были протекціонистами.

Когда Кобденъ началъ свою агитацію противъ пошлины на хлѣбъ, ему труднѣе всего было убѣдить сельскихъ рабочихъ. Онъ собиралъ въ селахъ митингъ за митингомъ и наконецъ, послѣ весьма долгихъ усилій, ему удалось привлечь ихъ на свою сторону. Крупные землевладѣльцы разыгрывали тогда въ Англіи ту же самую комедію, которую разыгрываютъ теперь у насъ гг. фабриканты. Они говорили, что необходимо охранить отечественное земледѣліе, что отмѣна пошлинъ на хлѣбъ будетъ имѣть послѣдствіемъ наводненіе иностранными продуктами, что уменьшится поденная плата рабочаго класса, что эта отмѣна будетъ угрожать національной независимости и, наконецъ, что изъ Англіи исчезнетъ золотая монета [2], то-есть, почти буквально все то, что̀ говорятъ у насъ въ 1890 году.

Послѣ опыта, продолжавшагося 46 лѣтъ (билль объ отмѣнѣ пошлины на хлѣбъ былъ принятъ палатою лордовъ 26 іюня 1846 года), можно теперь уже положительно сказать, что *ни одно* изъ опасеній протекціонистовъ не оправдалось. Земледѣліе въ Англіи находится теперь въ цвѣтущемъ поло-

[1] См. Bastiat. *Cobden et la ligue*, 4-е изданіе. Парижъ, 1883 г., стр. 28.

[2] См. Bastiat. Тамъ же, стр. 38.

женіи, оно первое въ мірѣ: нигдѣ поля не даютъ такихъ большихъ урожаевъ, какъ въ Англіи. Плата сельскихъ рабочихъ не уменьшилась, а, наоборотъ, увеличилась. Такъ, сельскій рабочій получалъ:

въ	1824	г.	9	ш.	4	п. въ недѣлю.
„	1857	„	10	„	4	„ „
„	1860	„	11	„	7	„ „
„	1866	„	13	„	—	„ „ [1]

Политическая независимость Англіи ничуть не уменьшилась противъ 1838 г.; экономическая же независимость исчезла окончательно, но англичане, кажется, мало объ этомъ сожалѣютъ Что касается до долженствовавшаго оказаться исчезновенія золотой монеты, то я предлагаю любому протекціонисту отправиться въ англійскій банкъ и предъявить къ уплатѣ неопредѣленное количество билетовъ этого учрежденія. Немедленно чиновникъ ихъ сосчитаетъ, потомъ лопатою загребетъ изъ стоящаго около него ящика необходимое число золотыхъ фунтовъ стерлинговъ, свѣситъ ихъ, чтобы не терять времени ихъ считать, и выдастъ предъявителю билетовъ. Вотъ какимъ образомъ золото исчезло изъ Англіи!

Хорошо, скажутъ протекціонисты; положимъ, что невѣжественныя народныя массы заблуждаются. Но охранительная система пользуется въ настоящее время всеобщимъ признаніемъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ земнаго шара.

Я не знаю болѣе жалкаго аргумента, какъ всеобщее признаніе.

[1] См. Jeans *Suprématie de l'Angleterre*, стр. 164.

Для всякой научной истины была минута, когда она признавалась только однимъ лицомъ и не признавалась всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ. Наши чувства, какъ извѣстно, не даютъ намъ никогда положительно вѣрныхъ свѣдѣній о внѣшнемъ мірѣ. Задача науки состоитъ именно въ томъ, чтобы постоянно исправлять наши заблужденія; поэтому между наукой и всеобщимъ признаніемъ существуетъ вѣчный антагонизмъ. Все человѣчество очень долго признавало, что солнце вертится вокругъ земли. Это убѣжденіе однако не доказываетъ, что такое движеніе истинно. Очень долго думали также, что талисманы предохраняютъ отъ болѣзней. Всеобщее признаніе есть синонимъ всеобщаго невѣжества; оно ни минуты не выдерживаетъ критики научныхъ аргументовъ.

Но,—опять говорятъ протекціонисты,—не только всеобщее признаніе, но еще почти всѣ правительства поддерживаютъ нашу систему. Не станете же вы утверждать, что всѣ они состоятъ изъ такихъ людей, которые не понимаютъ народныхъ интересовъ; не станете вы утверждать, что въ болѣе просвѣщенныхъ государствахъ, въ Германіи, во Франціи, въ Италіи, въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ министры и парламенты еще не додумались до здравой экономической политики? Увы, все это такъ! Организація современныхъ обществъ еще до того несовершенна, что требуемыя спеціальныя познанія обратно пропорціональны значенію занимаемой должности. Отъ ветеринара, отъ судебнаго слѣдователя, отъ самаго второстепеннаго инженера путей сооб-

щенія требуется спеціальное образованіе, удостовѣренное дипломомъ. Но для должности министра спеціальныя знанія уже не обязательны. Инженеры дѣлаются министрами иностранныхъ дѣлъ (какъ г. Фрейсинэ во Франціи), моряки—министрами финансовъ и проч. и проч. Въ монархіяхъ дарованія государей зависятъ отъ случайностей природы; въ демократическихъ республикахъ посредственности должны занимать первыя мѣста въ силу самыхъ основаній ихъ организаціи. Дѣйствительно, въ представители народа выбирается не самый способный человѣкъ, а самый ловкій, тотъ, кто лучше всего сумѣлъ пріобрѣсти расположеніе невѣжественныхъ избирателей, тотъ, кто лучше всего сумѣлъ льстить ихъ предразсудкамъ и рутиннымъ убѣжденіямъ. Разъ избранный, этотъ представитель, который можетъ быть очень ловкимъ дѣльцомъ, но ничѣмъ болѣе, не можетъ даже дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Онъ желаетъ быть избраннымъ вновь, и подаетъ свой голосъ не по своимъ личнымъ убѣжденіямъ, а по убѣжденіямъ своихъ избирателей. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, современныя правительства — далеко не центры просвѣщенныхъ идей; очень часто, напротивъ, они центры обскурантизма и рутины. Немудрено послѣ этого, что они такъ плохо понимаютъ дѣйствительные интересы управляемыхъ ими государствъ [1].

[1] Наполеонъ I, напримѣръ, получилъ образованіе въ артиллерійскомъ училищѣ, гдѣ не преподавали политической экономіи. Сдѣлавшись генераломъ, первымъ консуломъ и импе-

Всеобщее признаніе, какъ со стороны всѣхъ общественныхъ сословій, такъ и со стороны правительствъ, еще не доказывало бы истины охранительной системы. Но, мало того, эта система далеко не пользуется всеобщимъ признаніемъ. Во всѣхъ странахъ есть множество фритредеровъ. Въ Америкѣ, напримѣръ, г. Джорджъ недавно выступилъ противъ протекціонизма въ книгѣ, надѣлавшей много шуму, гдѣ онъ самымъ краснорѣчивымъ образомъ доказываетъ нелѣпость охраны [1]. Во всѣхъ государствахъ цѣлыя партіи поддерживаютъ свободную торговлю. Въ Америкѣ демократы стоятъ за нее. Есть также по крайней мѣрѣ одно правительство, которое ясно и безповоротно придерживается свободной торговли, это—англійское. Будь во главѣ управленія либералы или консерваторы, экономическая система Англіи не измѣняется. Сэръ Робертъ Пиль, который отмѣнилъ пошлину на хлѣбъ и на 430 другихъ предметовъ, былъ изъ партіи торіевъ.

Однимъ словомъ, протекціонизмъ имѣетъ за себя: невѣжественныя массы, ловкихъ дѣльцовъ, которые самымъ наглымъ образомъ, безъ совѣсти и стыда, эксплуатируютъ своихъ соотечественниковъ, и, наконецъ, государственныхъ людей съ чисто эмпирическими знаніями. Эта система имѣетъ противъ себя всѣхъ экономистовъ, всѣхъ тѣхъ людей, которые

раторомъ, онъ уже, конечно, не имѣлъ времени изучать науки. Извѣстно, что онъ никогда не читалъ Адама Смита. Государственный человѣкъ, который не знаетъ политической экономіи все равно, что инженеръ, который не знаетъ геометріи.

[1] См. Henry George. *Protection and free trade*, изданное въ 1886 г.

посвятили всю свою жизнь изученію соціальныхъ вопросовъ.

Пусть читатель скажетъ самъ, на какой сторонѣ вѣроятнѣе истина.

Въ современныхъ обществахъ нѣкоторыя спеціальности получили уже право гражданства. Такъ, для устройства мостовъ и желѣзныхъ дорогъ обращаются къ инженерамъ, а не къ поэтамъ; для разныхъ санитарныхъ вопросовъ обращаются къ врачамъ, а не къ живописцамъ. Но, увы, требованіе всѣхъ этихъ спеціальныхъ знаній исчезаетъ на порогѣ соціальныхъ наукъ. Собрать для обсужденія тарифовъ не заинтересованныхъ промышленниковъ, а коммисію изъ знаменитѣйшихъ экономистовъ не пришло въ голову еще никому. Еслибы это было сдѣлано, то о протекціонизмѣ давно не было-бы и помину, потому что теперь всѣ экономисты—фритредеры. Для науки принципъ свободной торговли сдѣлался уже общимъ мѣстомъ, о которомъ не стоило-бы и говорить, еслибы не было такъ много людей, имѣющихъ самыя ошибочныя экономическія убѣжденія.

Во многихъ случаяхъ въ современныхъ обществахъ коммисіи изъ ученыхъ спеціалистовъ считаются наивысшею инстанціей при обсужденіи разныхъ вопросовъ. Если въ такой коммисіи извѣстное мнѣніе принято единогласно, то предположеніе, что это мнѣніе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, увеличивается еще въ бо̀льшей мѣрѣ. Здѣсь уже всеобщее признаніе имѣетъ громадное значеніе. Накладывая мракъ на мракъ, получаемъ все мракъ,

а прибавляя свѣтъ къ свѣту, увеличиваемъ интенсивность свѣта все болѣе и болѣе. Исповѣдуется ли невѣжество однимъ человѣкомъ, или массою людей — оно остается тѣмъ же темнымъ невѣжествомъ; но, если къ одному ученому, проникнутому истинами науки, присоединятся мнѣнія и изслѣдованія многихъ другихъ, безкорыстно стремящихся къ раскрытію законовъ природы, получается такая сила мысли, которая своимъ пророческимъ свѣтомъ разгоняетъ передъ собой иногда даже мракъ, скрывающій отъ насъ грядущее.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Возникновеніе и прекращеніе протекціонизма.

Три причины создали систему протекціонизма: ходатайства заинтересованныхъ лицъ, желаніе правительствъ обезпечить удовлетвореніе извѣстныхъ общественныхъ потребностей посредствомъ монополіи и, наконецъ, ложныя экономическія убѣжденія.

Во многихъ государствахъ, благодаря интригамъ, протекціямъ и даже подкупамъ, личныя ходатайства удавались часто. Для торжества системы протекціонизма, этого, конечно, было мало. Во-первыхъ, ходатайства нейтрализовали другъ друга. Лица, просившія о снятіи пошлинъ, были столь же многочисленны, какъ и лица, просившія о наложеніи ихъ. Кромѣ того, правительства имѣли всегда въ виду народное благо и не допускали нарушенія права собственности. Конечно, еслибы правительства пришли къ убѣжденію, что охранительная пошлина предоставляетъ право нѣкоторымъ лицамъ обирать своихъ согражданъ, то они никогда не рѣшились бы поддерживать такую политику. Монополіи, даруемыя нѣкоторымъ лицамъ для производ-

ства извѣстныхъ предметовъ, очень скоро разочаровали правительства, ибо замѣтили, что монополисты не могутъ снабжать внутренніе рынки такъ же успѣшно, какъ частные предприниматели, подстрекаемые конкуренціей. Монополіи были почти вездѣ уничтожены.

Главной опорой протекціонизма служили,конечно, экономическія теоріи. Охранительная система не есть результатъ дѣйствія естественныхъ законовъ экономическихъ и политическихъ, какъ, напримѣръ, рабство, крѣпостная зависимость, феодализмъ, самодержавіе, парламентаризмъ, и проч. и проч. Протекціонизмъ, какъ и классическое образованіе, облекается въ значеніе системы просто-на-просто теоретическими разсужденіями.

Въ XVII столѣтіи, какъ извѣстно, возникла теорія меркантилизма. Въ то время главнымъ посредникомъ при обмѣнѣ товаровъ были серебряные и золотые знаки. Кто владѣлъ этими знаками, тотъ могъ всегда ихъ размѣнять на товары, тогда какъ, обладая товарами, надо было найти покупателя, чтобы обмѣнять ихъ на знаки. Деньги брали всѣ, товары—только тѣ, которымъ они были нужны. Изъ этого преимущества денегъ вывели ложное заключеніе, что деньги составляютъ богатство. Всякое правительство желало обогащенія своей страны, поэтому старалось всѣми силами поощрять вывозъ товаровъ и затруднять ихъ ввозъ, чтобы заставить такимъ образомъ иностранцевъ выплачивать сальдосъ звонкою монетою.

Меркантильная система заключаетъ въ себѣ два

коренныя заблужденія: вопервыхъ, отождествленіе богатствъ съ обладаніемъ въ большемъ количествѣ монетными знаками, тогда какъ изобиліе предметовъ потребленія составляетъ богатство; и вовторыхъ, полное незнаніе того, что еще въ древнемъ мірѣ сальдосъ международной торговли выплачивался не только звонкою монетою, но и долговыми обязательствами. Еще финикіяне, по всѣмъ вѣроятіямъ, изобрѣли уплату переводами, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что у грековъ въ эпоху Филиппа Македонскаго были векселя [1].

Протекціонисты, желая доказать, что ихъ теорія соотвѣтствуетъ дѣйствительности, постоянно приводятъ въ примѣръ Англію. Англичане, говорятъ они, были когда-то ярыми протекціонистами. Актъ Кромвеля и множество другихъ законовъ, совершенно воспрещающихъ не только ввозъ, но даже вывозъ многихъ товаровъ, служатъ лучшимъ доказательствомъ этой истины. Благодаря запретительнымъ пошлинамъ, промышленность англичанъ окрѣпла, стала на ноги,

[1] Въ Римѣ векселя были въ большомъ ходу. „Сообщите мнѣ,— пишетъ Цицеронъ своему другу Аттику,—могу-ли я перевести деньги моему сыну въ Аѳины, или я долженъ ему переслать ихъ наличными“ (permutari ne possit, an ipsi ferendum sit). О среднихъ вѣкахъ нечего и говорить; мы знаемъ, что передвиженіе капиталовъ посредствомъ переводовъ практиковалось тогда въ большихъ размѣрахъ. Въ наше время различныя формы обмѣна обязательствъ получили, какъ извѣстно, громадное распространеніе посредствомъ чековъ и компенсаціонныхъ банковъ (Clearing House). Въ Соединенныхъ Штатахъ было въ 1889 году 31 учрежденіе такого рода, гдѣ за годъ обмѣнялось разнаго рода обязательствъ на 260.000.000,000 фр. (см. De Greef. *Introduction à la sociologie*. Парижъ, 1889 г., часть 2-я, стр. 61).

словомъ, достигла періода зрѣлости. Съ того самаго дня, когда англичане не имѣли основанія бояться иностранной конкуренціи, они открыли свои границы всѣмъ народамъ и провозгласили систему свободной торговли. Англія, говорятъ протекціонисты, есть лучшее доказательство правильности нашихъ воззрѣній.

Вся эта теорія объ экономической политикѣ Англіи очень остроумна и мила, но, къ сожалѣнію, она страдаетъ однимъ маленькимъ недостаткомъ: она совершенно ложна.

Англичане отказались отъ протекціонизма не въ день, когда ихъ земледѣліе и промышленность достигли совершеннолѣтія [1], а въ день, когда, благодаря успѣхамъ науки политической экономіи и благодаря распространенію просвѣщенія, ихъ правительство поняло наконецъ, что протекціонизмъ — нелѣпая и разорительная система [2].

Если въ Англіи восторжествовала свободная торговля, то это только потому, что англійское пра-

[1] Какъ я доказалъ выше, нѣтъ никакой возможности опредѣлить, когда насталъ этотъ день.

[2] По англійскому тарифу 1815 года 1100 предметовъ уплачивали пошлину, 200 предметовъ были совершенно запрещены къ привозу; лѣсъ платилъ пошлину отъ 100 до 500 процентовъ стоимости. Пенька платила тоже большую пошлину. Всѣ металлы были также высоко обложены. Какъ видно, всѣ народы проходятъ чрезъ одинаковыя нелѣпости. Когда въ 1819 году хотѣли возобновить обмѣнъ билетовъ англійскаго банка на золото, (извѣстно, что этотъ обмѣнъ былъ пріостановленъ во время Наполеоновскихъ войнъ), англійскіе землевладѣльцы противились этой мѣрѣ. Какое поразительное сходство съ тѣмъ, что́ дѣлается теперь у насъ! Къ счастію для Англіи, она раньше всѣхъ другихъ странъ отдѣлалась отъ предразсудковъ.

вительство лучше *понимаетъ* интересы народа. Не перемѣна *въ экономическомъ положеніи* Англіи, а перемѣна *въ убѣжденіяхъ* ея правителей обезпечила побѣду свободной торговли.

У насъ утверждаютъ, что Англія отмѣнила протекціонизмъ, когда она сдѣлалась первою мануфактурною державою въ мірѣ, а всѣ англійскіе экономисты утверждаютъ, наоборотъ, что Англія сдѣлалась первою мануфактурною державою *потому, что она отмѣнила охранительныя пошлины.* Что второе положеніе вѣрнѣе перваго, доказываетъ тотъ фактъ, что англійская промышленность сдѣлала гораздо больше успѣховъ послѣ отмѣны охранительной системы, чѣмъ дѣлала раньше.

Очень часто на континентѣ экономическая политика Англіи представляется какъ бы средствомъ для эксплуатаціи другихъ странъ. Во Франціи даже многіе вѣрили, что англійскіе фабриканты продавали свои производства очень дешево для того, чтобы сначала уничтожить заводы на континентѣ, а потомъ, возвысивъ цѣны, зарабатывать страшныя деньги. У насъ, въ Россіи, подобная мысль высказывалась также нерѣдко. Начиная съ Малюты Скуратова и кончая Катковымъ, многіе русскіе вездѣ видятъ коварныя интриги и тайные заговоры, направленные противъ насъ. Фритредерство Англіи нерѣдко выставлялось тоже такою интригою. Англичане, молъ, проповѣдываютъ эту теорію, чтобы одурачить другіе народы и чтобы потомъ удобнѣе ихъ обобрать[1].

[1] Англичане, впрочемъ, сами вѣрили когда-то въ такія же нелѣпости. Торговый договоръ, заключенный съ Франціей

Вся эта фантасмагорія не выдерживаетъ ни единой минуты самой поверхностной провѣрки фактовъ. Въ Англіи оппозиція противъ фритредерства была такъ же велика со стороны людей необразованныхъ, какъ и у насъ. Только такъ какъ въ Англіи люди съ вѣрными экономическими воззрѣніями составляютъ большинство въ правительственныхъ сферахъ, то фритредерство восторжествовало. Что касается до коварства Англіи, то вотъ что̀, между прочимъ, говоритъ одинъ современный англійскій писатель: „Хотя это кажется парадоксальнымъ, но все-таки я утверждаю, что Англіи гораздо было бы труднѣе выдержать конкуренцію другихъ державъ, еслибы онѣ отмѣнили охранительную систему. А почему? Да очень просто потому, что едва ли можно предположить, что страны, гдѣ господствуетъ охрана, могутъ состязаться со страною, практикующею свободную торговлю“ [1].

въ 1786 году, возбудилъ въ Англіи большое неудовольствіе. Многіе фабриканты утверждали, что ихъ немедленно разоритъ *наводненіе* французскими товарами. Когда договоръ былъ подвергнутъ обсужденію парламента, то Фоксъ, Бёркъ и лордъ Грей сильно нападали на него. „Какъ было принято тогда при важныхъ случаяхъ, было пущено въ ходъ не мало латинскихъ цитатъ. Timeo Danaos et dona ferentes—говорили одни; hoc ligno occultantur Achivi,—воскликнулъ Бёркъ, сравнивая французскій торговый договоръ съ троянскимъ конемъ. Онъ прибавилъ, что „*французскіе промышленники съ обычнымъ ихъ коварствомъ согласятся на временныя потери, дабы поглотить впослѣдствіи англійскіе капиталы*“. (см. Clément. *Histoire du système protecteur*, стр. 79). Какъ видитъ читатель, все тѣ же заблужденія. Разница между англичанами и нами только та, что они вѣрили въ эту чепуху въ 1786 г., а мы въ 1890 году.

[1] Jeans. *Suprématie de l'Angleterre*, стр. 120.

Съ узкой точки зрѣнія, Англія, вмѣсто того чтобы проповѣдывать свободную торговлю, должна была бы другимъ державамъ проповѣдывать самый отчаянный протекціонизмъ. Пока Англія сохранитъ исключительную привилегію свободной торговли, она сохранитъ первое мѣсто въ мануфактурномъ производствѣ. Если она тѣмъ не менѣе проповѣдуетъ свободную торговлю, то это доказываетъ, что она далеко не такъ коварна, какъ это утверждаютъ [1]. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ Англія споритъ о цвѣтахъ со слѣпыми. Никакое правительство въ Европѣ еще не усвоило себѣ просвѣщенныхъ взглядовъ англійскаго и всѣ они съ самою похвальною ревностью систематически задерживаютъ развитіе богатства своихъ народовъ.

---

[1] Это доказываетъ также, что англичане успѣли уже выпутаться отъ узкихъ экономическихъ взглядовъ, ибо, конечно, чѣмъ богаче будутъ всѣ народы, тѣмъ богаче будетъ и Англія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Основныя заблужденія, изъ которыхъ происходитъ протекціонизмъ.

Когда какая-нибудь теорія дѣйствительно соотвѣтствуетъ истинѣ, она остается неизмѣнною. Такъ, теорія Коперника сохранилась доселѣ въ томъ видѣ, какъ она зародилась въ 1546 году. Если теорія протекціонистовъ вѣрна, то она должна быть устойчива. Что же мы видимъ на дѣлѣ?

Въ Австріи въ 1780 году императоръ Іосифъ II вводитъ строго охранительныя пошлины; въ 1817 году эти пошлины возвышаются еще болѣе, но въ 1851 г. опять понижаются въ значительной степени и не превышаютъ 15 процентовъ со стоимости товаровъ.

Въ Англіи колебанія тоже очень значительны. Я укажу только на одинъ товаръ. Иностранная шерсть ввозится безпошлинно до 1802 года. Въ этомъ году устанавливается пошлина въ 5 ш. 3 п. за квартеръ; въ 1819 году ее возвышаютъ до 56 ш., а въ 1825 году Хускинсонъ опять понижаетъ ее до 9 ш. 4 п.

Въ Пруссіи отъ 1740 до 1806 года былъ строго

протекціонный тарифъ, съ 1818 г., напротивъ, крайне либеральный: пошлины получили характеръ чисто фискальный, ибо не превышали 10-ти процентовъ со стоимости товаровъ. Тарифъ Таможеннаго Союза 1856 года былъ тоже умѣренный. Всѣ сырые продукты пропускались безпошлинно. Извѣстно, что въ послѣднее время политика Германіи опять измѣнилась. На многіе сырые продукты и въ томъ числѣ на хлѣбъ опять наложены довольно тяжелыя пошлины.

Во Франціи при Генрихѣ III въ 1581 году былъ тарифъ съ чисто фискальнымъ характеромъ. Тарифъ былъ пересмотрѣнъ нѣсколько разъ, а именно, между прочимъ, въ 1632, 1644 и 1664 годахъ; но характеръ его оставался тотъ же самый. Въ 1667 году Кольберъ вводитъ первый протекціонный тарифъ, но Нидерланды протестуютъ, и послѣ Рисвикскаго мира тарифъ 1664 г. возстанавливается вновь. При Людовикѣ XV и въ началѣ царствованія Людовика XVI протекціонизмъ торжествуетъ во Франціи. Но въ 1786 году заключается знаменитый торговый договоръ между Англіею и Франціею съ болѣе либеральнымъ направленіемъ. Національное собраніе идетъ еще дальше Людовика XVI и въ 1790 году вводитъ тарифъ, по которому даже на предметы роскоши пошлина не превышаетъ 25 процентовъ со стоимости. Въ 1793 году конвентъ устанавливаетъ запрещеніе на большое количество товаровъ. Наполеонъ I доводитъ, какъ извѣстно, протекціонизмъ почти до сумасшествія; но надо замѣтить, что этотъ монархъ, хотя безсознательно,

сдѣлалъ для свободной торговли больше, чѣмъ какой-либо другой. Объединивъ всю западную Европу въ одно государство, онъ уничтожилъ громадную линію пограничныхъ таможенъ. Послѣ паденія Наполеона Европа вздохнула. Сумасшедшія его пошлины были тотчасъ отмѣнены Людовикомъ XVIII и былъ введенъ весьма либеральный тарифъ. Но въ 1816 году опять послѣдовала реакція, и вплоть до 1860 года Франція охранялась строгимъ тарифомъ. Въ 1860 году Наполеонъ III, отчасти подъ вліяніемъ Кобдена, заключилъ съ Англіею торговый трактатъ на основаніяхъ болѣе либеральныхъ. Такіе же договоры были заключены и съ другими европейскими державами. Въ послѣднее время во Франціи опять восторжествовала идея протекціонизма: пошлина наложена на хлѣбъ и возвышена на скотъ.

По Тильзитскому договору Россія вошла въ континентальную систему. Она запретила ввозъ англійскихъ продуктовъ. Въ 1810 году въ Россіи допускается ввозъ товаровъ всѣхъ государствъ подъ нейтральнымъ флагомъ, но нѣкоторыя пошлины повышены. Въ 1816 году свободная торговля беретъ верхъ, и пошлина уменьшается. Съ 1822 по 1850 годъ—реакція протекціонизма. Въ этомъ же году пошлина уменьшается на 50 проц. на многіе продукты. Въ 1857 году составляется весьма либеральный тарифъ. Пятьдесятъ девять предметовъ допускаются безпошлинно; всѣ сырые матеріалы и машины, необходимые для земледѣлія и промышленности, допускаются совершенно свободно въ предѣлы нашего отечества; уголь — главный дви-

гатель мануфактуръ, всѣ металлы, строительные матеріалы (цементъ и проч.), хлопокъ, плуги и земледѣльческія машины, ножницы для стрижки овецъ, кожаные пасы для трансмиссій, машины для обработки имѣющихся у нахъ сырыхъ продуктовъ (пеньки, льна) пропускаются безпошлинно. Не забываются также и умственныя потребности страны: книги (даже въ переплетѣ), гравюры, ноты, всѣ научные аппараты пропускаются свободно.

Тарифъ 1857 года былъ охранительный въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова, ибо онъ освободилъ нашу промышленность и наше земледѣліе отъ тѣхъ тормазовъ, которые останавливаютъ ихъ развитіе; онъ съ самою просвѣщенною предупредительностью шелъ навстрѣчу настоящимъ народнымъ потребностямъ такой страны, какъ Россія, гдѣ преобладаетъ земледѣліе и гдѣ промышленность еще мало развита; онъ освобождалъ отъ пошлины всѣ тѣ приспособленія, которыя необходимы для перваго обзаведенія фабрикъ.

Но, увы! этотъ благодатный тарифъ продержался не долго во всѣхъ своихъ частяхъ. Уже въ 1869 году его начали измѣнять и увеличили пошлины на химическіе продукты, на машины и на нѣкоторыя металлургическія произведенія [1].

Страшный ударъ былъ нанесенъ русской торговлѣ, когда съ 1877 года стали взимать пошлины золотомъ. Не только пошлины значительно

[1] Въ коммисіяхъ, созванныхъ для обсужденія пошлинъ, всего болѣе ратовалъ за возвышеніе г. Мальцевъ, который, какъ извѣстно, поплатился за это потерею всего своего состоянія.

повысились, но онѣ получили пагубное качество неопредѣленности. Никто не могъ знать впередъ размѣра платимой пошлины, ибо пошлина эта колебалась съ курсомъ кредитнаго рубля. Всѣ разсчеты оказывались праздными, и торговля превратилась въ какую-то лотерею. Рискъ колебанія пошлины покрывался повышеніемъ цѣнъ на иностранные товары, и торговля при этомъ хаотическомъ состояніи могла подвигаться впередъ только медленно, ощупью.

Вѣтеръ протекціонизма сталъ дуть у насъ все сильнѣе и сильнѣе, пока онъ не разразился въ наши дни настоящимъ ураганомъ. Въ Россіи и, увы, въ другихъ странахъ протекціонизмъ дошелъ положительно до безумія [1].

[1] „Производство нѣкоторыхъ химическихъ продуктовъ достигло въ Россіи въ послѣднее время значительнаго развитія, а потому тарифная коммисія и министерство финансовъ признали необходимымъ, при изданіи новаго тарифа, оградить эти производства отъ конкуренціи однородныхъ иностранныхъ товаровъ“ (*Новор. Тел.* 4 декабря 1889 года). Логика поистинѣ изумительная! Если производство этихъ предметовъ сдѣлало значительные успѣхи, значитъ, оно возможно при теперешнемъ тарифѣ. Зачѣмъ же увеличивать пошлину? Фабриканты химическихъ продуктовъ зарабатываютъ уже теперь хорошія деньги (иначе они не развивали бы своихъ производствъ). Но такъ какъ они благоденствуютъ, то надо, чтобы народъ платилъ имъ бо́льшую дань, чѣмъ нынѣ. Я понялъ бы обратный аргументъ. Промышленность эта окрѣпла, снимемъ пошлину: но промышленность эта окрѣпла, *увеличимъ* пошлину — просто помѣшательство. И такія замѣтки появляются почти каждый день въ нашихъ газетахъ. То одна, то другая отрасль сдѣлала *значительные успѣхи*, а потому пошлину надо повышать и повышать.

Еще одинъ примѣръ. Вотъ что я нахожу въ *Новороссійскомъ Телеграфѣ* отъ 28 декабря 1889 года: „Чтобы оградить

Предметы первой необходимости: хлѣбъ, мясо, уголь, чугунъ, желѣзо, хлопокъ, вездѣ обложены значительными пошлинами. Кажется, что во всѣхъ странахъ думаютъ только объ одномъ — какъ бы уменьшить благосостояніе народныхъ массъ, какъ бы остановить движеніе и прогрессъ промышленности.

Сколько времени еще будетъ продолжаться это безуміе—трудно сказать, но что оно преходяще—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія [1]. Уже нѣсколько разъ благоразуміе брало верхъ надъ ослѣпленіемъ, и ничто не доказываетъ, что это явленіе не повторится.

Помимо колебаній въ общей системѣ тарифовъ, есть еще колебанія по каждой отдѣльной его статьѣ. То считаютъ нужнымъ покровительствовать одному продукту, то другому. Приведу весьма интерес-

отъ иностранной конкуренціи наши минеральныя масла, рѣшено составить новую редакцію соотвѣтствующихъ статей таможеннаго тарифа съ значительно измѣненными пошлинными окладами. Такъ, нефть сырая всякая будетъ обложена 26 коп. съ пуда, а керосинный фотогенъ, смазочныя масла по 40 к. съ пуда". Извѣстно, что Россія владѣетъ самыми богатыми нефтяными источниками въ мірѣ; она не только удовлетворяетъ потребностямъ внутренняго потребленія, но завоевываетъ и много иностранныхъ рынковъ и даже побѣдоносно выдерживаетъ конкуренцію Америки. Возить сырую нефть въ Россію — то же, что возить воду въ рѣку. Въ нефтяномъ дѣлѣ мы—первые, тѣмъ не менѣе считаютъ нужнымъ оградить насъ отъ фантастической и совершенно невозможной конкуренціи! Не правъ-ли я, говоря, что это чистая мономанія?

[1] Реакція противъ протекціонизма начинается въ Германіи; предлагаютъ отмѣнить пошлины на хлѣбъ и на многіе другіе предметы.

ный примѣръ. Наполеонъ I и его преемники всѣми силами старались поощрять свекло-сахарное производство во Франціи. Съ 1804 по 1843 годъ французское правительство издержало для поддержанія этой отрасли производства около 180.000,000 фр. въ видѣ льготъ всякаго рода (освобожденія отъ налоговъ, субсидій, премій, и проч. и проч.). Но вотъ въ 1843 г. помѣшались на другомъ — на поощреніи французскаго флота. Чтобы обезпечить за нимъ перевозку тростниковаго сахара изъ колоній, французское правительство предложило палатамъ обсудить законъ, *совершенно запрещающій производство сахара изъ свекловицы.* Такъ какъ существовавшіе тогда заводы вырабатывали около 50 милліоновъ кил. сахару (половина французскаго потребленія того времени), то предлагали ассигновать 40 милліоновъ франковъ на выкупъ всѣхъ заводовъ [1].

Вотъ къ какимъ чудовищнымъ противорѣчіямъ ведетъ система протекціонизма! Помѣшательства на извѣстныхъ отрасляхъ были и будутъ вездѣ. У насъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, захотѣли во что бы то ни стало поощрить выдѣлку мѣшковъ. Учредились фабрики. Но оказалось, что самый лучшій сырой матеріалъ для мѣшковъ—джутъ, продуктъ, къ сожалѣнію, иностранный. Теперь думаютъ наложить пошлину на джутъ на томъ основаніи, что онъ можетъ расти на Кавказѣ и что мѣшки можно дѣлать изъ пеньки. Естественно, что нынѣ суще-

[1] См. Amé. *Etude sur les tarifs,* т. II, стр. 115.

ствующія фабрики джутовыхъ мѣшковъ должны будутъ прекратить свое существованіе.

Очевидно, экономическая политика государствъ подвергается постояннымъ колебаніямъ: стало-быть, практика не признала еще истинной системы, которая могла бы примѣняться безъ измѣненій. Но наука указываетъ, что такая система можетъ быть только свободной торговлей. Она одна не подвержена ни дѣйствію интригъ, ни личнымъ корыстнымъ интересамъ, ни ослѣпленію парламентовъ и министровъ; она одна неизмѣнна, всегда безъ противорѣчій. Одна свободная торговля можетъ уничтожить экономическій хаосъ и водворить порядокъ, ибо формула ея ясна и проста: пусть каждый покупаетъ и продаетъ, что̀ знаетъ и какъ знаетъ.

Во времена Кеплера говорили, что такъ какъ человѣческая голова имѣетъ семь отверстій, то не можетъ быть болѣе семи планетъ. Еще въ XVII столѣтіи знаменитый астрономъ Гюйгенсъ утверждалъ, что въ нашей системѣ число спутниковъ не можетъ превышать числа планетъ. Какъ только рѣшились дѣлать прямыя наблюденія, оказалось, что наша система состоитъ изъ восьми большихъ планетъ и изъ многочисленнаго числа маленькихъ. Убѣдились также, что число только спутниковъ Юпитера и Сатурна превышаетъ число большихъ планетъ. Очень долго естественныя науки были основаны на чисто апріористическомъ методѣ. Къ счастью,

онѣ отъ него отдѣлались. Онѣ примѣняютъ теперь методъ раціональный, который можно изложить такъ: наблюдаются факты, изъ нихъ выводится теорія, теорія подвергается провѣркѣ посредствомъ опытовъ. Если опыты ее подтверждаютъ, она возводится въ законъ природы; если опыты ее не подтверждаютъ, начинаютъ подъискивать другую теорію и такъ далѣе.

Много причинъ задержали развитіе соціальныхъ наукъ: вопервыхъ, страшная ихъ сложность, вовторыхъ, убѣжденіе, что при свободѣ воли человѣка не можетъ быть соціальныхъ законовъ, и, втретьихъ, мнимая невозможность производить соціальные опыты.

Не мѣсто здѣсь, конечно, касаться вопроса о свободѣ воли; скажу только вскользь, что многочисленныя статистическія данныя подтверждаютъ существованіе соціальныхъ законовъ. Что же касается до опытовъ, то совершенно ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что они невозможны въ области соціологіи.

Что такое опытъ? Наблюденіе за извѣстными фактами, для того чтобы провѣрить какую-нибудь теорію. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти факты можно создать искусственно; въ другихъ—нѣтъ, но это не мѣняетъ сути дѣла. Леверье разсчиталъ, что въ извѣстный день и часъ въ извѣстной части неба должна находиться планета, болѣе отдаленная отъ солнца, чѣмъ Уранъ. Нѣмецкій астрономъ Галле навелъ свой телескопъ на эту часть неба и дѣйствительно увидѣлъ эту планету. Это былъ астрономи-

ческій опытъ, то-есть, наблюденіе для подтвержденія теоретическаго взгляда. Во многихъ наукахъ нѣтъ возможности искусственно создавать факты, то-есть, дѣлать опыты, которые можно назвать прямыми, и приходится довольствоваться только наблюденіемъ существующихъ фактовъ, то-есть, опытами, которые можно назвать косвенными.

Въ области соціальныхъ наукъ возможны и прямые, и косвенные опыты. Напримѣръ, въ занимающемъ насъ вопросѣ можно было бы отмѣнить всѣ пошлины, для того чтобы убѣдиться, правы ли въ самомъ дѣлѣ протекціонисты, утверждая, что свободная торговля разоряетъ народы. Не мало издается у насъ законовъ въ видѣ опыта. Но прямые соціальные опыты могутъ дѣлать только правительства, да и тѣ не всегда рѣшаются подвергать своихъ подданныхъ иногда весьма опаснымъ экспериментамъ in anima vili.

Прямые соціальные опыты хотя возможны, но довольно трудны; зато косвенные такъ легки, что не только неосновательно, но даже преступно не подвергать ихъ провѣркѣ всякія экономическія воззрѣнія.

Приведу одинъ примѣръ. Многіе думаютъ, что торговля не можетъ широко развиваться безъ національнаго коммерческаго флота. На этомъ мнѣніи основано законодательство многихъ государствъ. Но раньше, чѣмъ примѣнять это пока чисто теоретическое утвержденіе, надо было бы подвергнуть его критикѣ фактовъ. Прошу читателя обратить вниманіе на нижеслѣдующую таблицу.

СТРАНЫ.	ГОДЫ.	Народонаселеніе.	Торговля (привозъ и вывозъ).			Коммерческій флотъ.	
			Въ національ. монетѣ.	Въ франкахъ.	На жителя.	Вообще.	На жителя.
		Въ милліонахъ.				Въ тоннахъ.	
Бельгія .	1887	6	—	5,180	фр. 863	86,800	0,014
Англія. .	1888	37,8	685,7 ф. ст.	17,275	455	7.352,000	0,200
Франція .	1888	38,3	—	9,181	242	993,300	0,023
Норвегія .	1888	2	280,7 кр.	390	185	1.625,000	0,810
Германія.	1888	46,9	6.788,5 мар.	7,350	156	1.240,000	0,026
Соединен. Штаты .	1888	62	1.403, долл.	7,533	121	3.012,000	0,050
Италія. .	1888	30,6	—	2,209	73	853,000	0,028
Австрія .	1887	37,9	1.241,5 бум. г.	2,446[1]	64	262,500	0,007
Россія. .	1888	108,9	1.185 кр. руб.	2,855[2]	28[3]	577,600	0,005

Цифры этой таблицы показываютъ, что самую большую торговлю на земномъ шарѣ ведетъ Бельгія, которая обладаетъ весьма незначительнымъ флотомъ. Стало-быть, вышеприведенное мнѣніе невѣрно: торговля можетъ прекрасно развиваться безъ національнаго флота.

Подвергнемъ теперь такой же провѣркѣ положеніе протекціонистовъ, что высокія пошлины развиваютъ промышленность, и возьмемъ примѣръ. До 1789 года французскіе желѣзопроизводители снаб-

[1] По среднему курсу того года 197 фр. за 100 гульденовъ.
[2] „ „ „ „ „ 240,8 „ „ 100 рублей.
[3] 30 разъ меньше, чѣмъ бельгійцы.

жали совершенно удовлетворительно мѣстные рынки своими продуктами. Пошлина на желѣзо была тогда во Франціи очень незначительна и едва превышала 5 процентовъ стоимости. Французское производство, по своимъ приспособленіямъ и методамъ обработки, стояло тогда на одинаковомъ уровнѣ съ производствомъ остальныхъ странъ. Но, благодаря войнамъ республики и имперіи, ввозъ иностраннаго желѣза былъ почти совершенно запрещенъ до 1814 г. За двадцати-двухъ-лѣтній періодъ методъ желѣзнаго производства настолько отсталъ во Франціи отъ усовершенствованій, произведенныхъ въ другихъ странахъ, что когда наступилъ миръ, иностранцы могли привозить желѣзо, которое, даже послѣ уплаты очень высокой пошлины, установленной Людовикомъ XVIII, могло продаваться на 30 и на 40 процентовъ дешевле французскаго [1].

Примѣръ этотъ поистинѣ поученъ. Идеалъ протекціонистовъ былъ осуществленъ: на ввозъ желѣза было установлено полное запрещеніе. Однако эта отрасль производства не только не подвинулась впередъ, но, напротивъ, пошла назадъ.

Обобщивъ наши наблюденія, мы увидимъ, что во всѣхъ странахъ, гдѣ пошлины очень высоки (Испанія, Португалія, Россія, отчасти Франція до 1860 г.), промышленность мало развита; напротивъ, во всѣхъ странахъ, гдѣ пошлины умѣренны или гдѣ ихъ вовсе нѣтъ (Англія, Бельгія, Швейцарія, Германія), промышленность достигаетъ очень высокаго

[1] См. Amé. Томъ II, стр. 73.

развитія. Слѣдовательно положеніе, что охранительныя пошлины развиваютъ промышленность—невѣрно.

Кромѣ неправильнаго научнаго метода, протекціонизмъ происходитъ отъ неправильныхъ научныхъ воззрѣній вообще.

Многіе воображаютъ до сихъ поръ, что различныя категоріи, на которыя мы раздѣляемъ явленія природы, имѣютъ конкретную подкладку, тогда какъ эти дѣленія только необходимы по слабости человѣческаго ума. Такъ, воображаютъ, что явленія химическія, біологическія и соціальныя образуютъ какъ бы совершенно отдѣльныя области, не имѣющія ничего общаго однѣ съ другими. Поэтому каждая наука основывается на какой-то tabula rasa, вовсе не заботясь о положеніяхъ другихъ наукъ. Многіе историки нашихъ дней, пожалуй, еще могутъ удивиться, если имъ скажутъ, что ихъ изслѣдованія должны начаться съ механики, химіи, біологіи, астрономіи и геологіи. До сихъ поръ мы мало еще себѣ усвоили мысль, что во всякомъ явленіи природы участвуетъ собирательное вліяніе элементовъ, изучаемыхъ отдѣльными науками.

Государственные люди эмпирически строятъ всѣ экономическія явленія тоже на tabula rasa и разсматриваютъ произведеніе и распредѣленіе богатства, вовсе не заботясь о дѣйствительныхъ основахъ этихъ явленій.

Еслибы эти эмпирики дали себѣ трудъ хотя бы самымъ поверхностнымъ образомъ изучить біологію,

они узнали бы, что всякій жизненный процессъ есть результатъ потребленія силы, которую слѣдуетъ возстановить для продолженія процесса; они узнали бы, что жизнь есть не что̀ иное, какъ обмѣнъ веществъ, и что чѣмъ этотъ обмѣнъ дѣлается быстрѣе, тѣмъ жизнь интенсивнѣе и организмъ совершеннѣе.

Между біологическимъ и экономическимъ процессомъ есть полная основная аналогія (ибо одинъ процессъ есть продолженіе другаго). Всякое потребленіе есть истребленіе богатства, которое необходимо возобновить посредствомъ произведенія богатства. Мы покупаемъ чужіе продукты для потребленія, продаемъ свои для возобновленія нашихъ покупныхъ способностей. Чѣмъ скорѣе происходятъ эти покупки и продажи, другими словами — чѣмъ число ихъ больше въ данное время, тѣмъ экономическое развитіе общества выше. Затрудняя куплю, искусственно сокращаютъ продажу, и такимъ образомъ число коммерческихъ сдѣлокъ уменьшается, общество начинаетъ жить медленнѣе, т -е., теряетъ скорость въ своемъ развитіи, отстаетъ отъ другихъ обществъ въ самосовершенствованіи, признакомъ котораго служитъ высшее напряженіе жизненныхъ силъ, какъ въ отдѣльномъ организмѣ, такъ и въ общественномъ.

При знаніи біологіи никогда не могла бы водвориться ложная система меркантилизма и ея производная, не менѣе ложная система протекціонизма. Формулу меркантилизма можно выразить словами одного изъ наиболѣе знаменитыхъ его предста-

вителей: „Франція, говоритъ Кольберъ, должна жить своими собственными средствами; она должна получать какъ можно больше денегъ изъ за границы и отправлять какъ можно меньше денегъ въ чужіе края". Словомъ, Кольберъ думалъ, что деньги это—богатство. Еслибы только онъ понималъ, что жизнь есть обмѣнъ веществъ, то онъ никогда не сдѣлалъ бы этой колоссальной ошибки, ибо онъ тогда понялъ бы, что экономическая жизнь есть обмѣнъ товаровъ. Промышленникъ продаетъ тысячу пудовъ пряжи и получаетъ за это чекъ, т.-е., приказъ банку уплатить ему 4,000 руб. Имѣя выдать такую же сумму за купленныя машины, онъ отдаетъ свой чекъ. Промышленникъ, въ сущности говоря, обмѣнялъ пеньковую пряжу на машины. Чекъ былъ искусственнымъ средствомъ для облегченія этого обмѣна. Въ какомъ бы видѣ ни были деньги, ихъ функція сводится на роль посредника. Богатство составляютъ вещи, которыя могутъ создавать благосостояніе человѣка, а не золото.

Деньги—это символическій знакъ богатства. Главная ошибка меркантилистовъ состояла въ томъ, что они это символическое обозначеніе принимали за обозначенную вещь. „Кто обмѣнивалъ мѣшокъ пшеницы на извѣстное число золотыхъ монетъ — думали меркантилисты — дѣлалъ выгодную операцію, а кто обмѣнивалъ золотыя монеты на мѣшокъ пшеницы—дѣлалъ невыгодную. На этомъ совершенно ошибочномъ мнѣніи основана вся знаменитая теорія торговаго баланса", говоритъ совершенно вѣрно

г. Бордье [1]. „Выгодныя коммерческія операціи, говоритъ также Бокль, отнюдь не зависятъ отъ количества полученнаго металла, а просто отъ легкости, съ которою данное общество сбываетъ продукты, обрабатываемые имъ по самымъ выгоднымъ цѣнамъ, и получаетъ взамѣнъ продукты другихъ странъ, производимые также съ наименьшимъ расходомъ“ [2]. Другими словами: выгодность сдѣлки равно пропорціональна экономіи труда, что̀ опять значитъ уменьшеніе страданія (работы) и увеличеніе удовольствія (потребленія).

Работа есть не цѣль, а только средство, и средство весьма непріятное, отъ котораго масса людей была бы готова сейчасъ же отказаться. Каждый изъ насъ былъ бы очень радъ проводить свою жизнь въ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ. Одинъ желалъ бы имѣть только матеріальныя блага—хорошо покушать, пить самыя лучшія вина и проч.; другіе желали бы благъ болѣе возвышеннаго свойства, какъ путешествія, изученіе науки и проч.; но каждому было бы пріятно не думать о насущномъ хлѣбѣ и жить въ полномъ довольствѣ.

Получая богатое наслѣдство, мы очень рады; если намъ дарятъ, мы не видимъ въ этомъ тоже особеннаго зла. Никто никогда не сожалѣлъ о томъ, что богатство достается ему безъ труда. На островѣ Целебесѣ есть дерево, называемое саго. Изъ сердцевины его можно сдѣлать до тысячи галетъ, которыхъ довольно на прокормленіе человѣка въ

[1] A. Bordier. *La vie des sociétés.* Парижъ, 1887 г., стр. 214.
[2] Тамъ же, стр. 215.

теченіе одного года. Вся же операція приготовленія галетъ требуетъ не болѣе какъ десятидневной работы. Едва-ли жители Целебеса сожалѣютъ о существованіи такого дерева. Извѣстно также, что нашъ организмъ посредствомъ дыханія пріобрѣтаетъ громадную часть необходимыхъ ему веществъ. Кто однако сожалѣлъ о томъ, что воздухъ можно пріобрѣтать безъ работы? Если вы предложите мастеровому, получающему рубль за десятичасовой трудъ, два рубля, для того чтобы онъ работалъ постоянно двадцать часовъ въ сутки, по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ не приметъ вашего предложенія; но если за тѣ же десять часовъ вы дадите ему 2, 3 или 4 рубля вмѣсто одного, онъ будетъ очень доволенъ. И, странно, протекціонисты всегда говорятъ о народномъ трудѣ, но никогда о народномъ досугѣ, какъ будто этотъ досугъ долженъ существовать только для лицъ привилегированныхъ сословій.

Человѣкъ производитъ для того, чтобы имѣть возможность потреблять. Состояніе общества, при которомъ можно было бы потреблять, не производя, было бы идеальнымъ для человѣка. Къ несчастію, этотъ идеалъ неосуществимъ Но, чѣмъ дешевле всѣ предметы, тѣмъ ближе мы подходимъ къ нему. Протекціонизмъ же, производя искусственное вздорожаніе продуктовъ, не приближаетъ человѣчество къ этому идеалу, а удаляетъ отъ него.

Постепенность въ развитіи отраслей производствъ является прямымъ послѣдствіемъ біологическаго закона, въ силу котораго всякое существо стремится къ наслажденію и избѣгаетъ страданія.

Прежде всего эксплуатируются производства, дающія больше выгоды съ наименьшимъ трудомъ и капиталомъ [1]. Протекціонисты, не зная законовъ природы, стремятся постоянно измѣнять этотъ естественный порядокъ постепенности. Такъ, напримѣръ, выведенъ разсчетъ, что мы платимъ ежегодно иностранцамъ до 75 милліоновъ рублей за перевозку нашихъ товаровъ. Чтобы заработокъ этотъ не пропадалъ для русскаго народа, протекціонисты предлагаютъ разныя мѣры къ поднятію нашего коммерческаго флота.

Конечно, очень жаль, что Россія не зарабатываетъ лишнихъ 75.000,000 руб. въ годъ; но также очень прискорбно, что каждый русскій не имѣетъ 10,000 годоваго дохода. Мы не получаемъ 75 милліоновъ отъ фрахтовъ потому, что не имѣемъ необходимаго количества судовъ для перевозки товаровъ, за которые заплачены эти фрахты. Но соотвѣтственный фрахту флотъ представляетъ громадный капиталъ, и, прежде чѣмъ организовать это дѣло, возникаетъ вопросъ: дастъ-ли капиталъ, помѣщенный въ это предпріятіе, больше дохода, чѣмъ капиталы, помѣщенные нами въ другія промышленныя дѣла? Изъ отчетовъ Гамбургско-американскаго общества пароходства мы знаемъ, что оно выдало до $8^1/_2$ процентовъ дивиденда своимъ акціонерамъ. Французскія Messageries Maritimes, получая субсидію отъ казны, даютъ 4,31 проц. Извѣстно, что въ Англіи многія промышленныя заведенія даютъ не

[1] Капиталъ въ свою очередь не что иное, какъ накопленный трудъ.

болѣе 3, 4 или 5 процентовъ. Въ силу экономическаго закона, прибыли всякаго рода предпріятій имѣютъ стремленіе уравновѣшиваться, ибо если одна отрасль даетъ очень большія выгоды, то она привлекаетъ капиталы, вслѣдствіе чего конкуренція опять понижаетъ цѣны, и прибыль уменьшается до средней общей нормы. Если, стало-быть, въ Англіи 5 процентовъ—хорошее помѣщеніе, то и коммерческій флотъ даетъ, вѣроятно, немного больше. Но допустимъ, что онъ даетъ даже 10 процентовъ. Для русскихъ это — весьма ничтожная прибыль. Сравнимъ ее съ тѣмъ, что приносятъ нѣкоторыя предпріятія у насъ.

Русская бумагопрядильня дала . . .	15,6 %
Мануфактура Вакулы Морозова. . .	16
Нарвская льнопрядильня	18
Семеновская бумагопрядильня . . .	23,3
Бершадскій сахарный заводъ . . .	24
Чунаховскій сахарный заводъ . . .	25
Бумагопрядильня Вабенекъ	25,4
Измайловская бумагопрядильня . . .	26
Никольская мануфактура С. Морозова	28
Невская бумагопрядильня.	38 [1]

Мы, стало-быть, прекрасно дѣлаемъ, что не занимаемся перевозкою товаровъ, а другими отраслями, дающими несравненно болѣе дохода. Безразсудно было бы поступать иначе [2].

[1] См. *Новости* за 1889 г. № 279.

[2] Всякое измѣненіе естественной послѣдовательности въ отрасляхъ производства ведетъ только къ замедленію развитія богатства.

Благодаря своему антинаучному міровоззрѣнію, протекціонисты впадаютъ еще въ одну ошибку кромѣ той, что трудъ есть цѣль, а не средство. Они воображаютъ, что правительства могутъ создавать прибыльныя отрасли производства.

Возьмемъ, для примѣра, тотъ же коммерческій флотъ. У насъ его почти нѣтъ. Что же можетъ сдѣлать правительство? Оно, конечно, можетъ заключить заемъ, закупить необходимое количество пароходовъ и употребить ихъ для перевозки нашихъ грузовъ. Такимъ образомъ 75 милліоновъ останутся у насъ, въ Россіи. Но я спрашиваю,— кто будетъ платить проценты на заемъ, заключенный для пріобрѣтенія коммерческаго флота? Опять тѣ же русскіе подданные. Будетъ только одна разница: они будутъ давать деньги казнѣ, а не судовладѣльцамъ. При этой комбинаціи однако русскій народъ понесетъ новый и весьма крупный расходъ на казенную администрацію коммерческаго флота. Извѣстно, какъ дорого обходятся услуги, оказываемыя правительствами. Такъ, въ послѣднее время было введено въ Германіи обязательное страхованіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Это дѣло приняла на себя казна. Въ 1886 году было уплачено рабочимъ 1.711,699 марокъ за увѣчья; но для раздачи этихъ денегъ потребовалось 2.324,299 административныхъ расходовъ!... Еслибы правительство взялось перевозить наши грузы, то фрахты стоили бы народу не 75 милліоновъ, а, быть можетъ, сто милліоновъ и больше.

Люди, къ несчастью, не нашли еще средствъ

производить богатство безъ труда. Несмотря на всѣ изумительныя открытія науки, мы еще не нашли возможности получать манну небесную. Еслибы правительства обладали этимъ даромъ, то роль ихъ была бы совершенно иная: она заключалась бы въ раздачѣ этой манны. Но, увы, правительства не нашли еще возможности создавать ни единаго атома богатства и поэтому они не могутъ быть обязаны его раздавать. Одно изъ самыхъ опасныхъ заблужденій гг. протекціонистовъ, это—мнѣніе, что правительства должны обогащать гражданъ. Воображать, что законодательными мѣрами можно создавать цѣнности, значитъ вѣровать въ чудеса. Но, увы, чудесъ не бываетъ на свѣтѣ, и поэтому единственная обязанность правительствъ состоитъ только въ томъ, чтобы создавать юридическія условія, при которыхъ каждый гражданинъ обогащался бы безпрепятственно своимъ собственнымъ трудомъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Задача правительствъ.

Протоплазма, изъ которой состоитъ всякій живой организмъ, извлекаетъ изъ окружающей среды разныя вещества и даетъ имъ опредѣленную форму, приспособленную къ своимъ потребностямъ., какъ-то: древесина, раковины, кости и проч. Эти части служатъ орудіями для органическихъ элементовъ; но такъ какъ онѣ выработаны протоплазмой и такъ какъ организмы не могутъ безъ нихъ существовать, можно сказать, что эти приспособленія составляютъ собственность ихъ создавшихъ организмовъ.

Въ обществахъ происходитъ тождественный процесъ. Люди извлекаютъ изъ окружающей среды разныя вещества (органическія и неорганическія), которыя они приспособляютъ къ своимъ потребностямъ. Эти вещества называются богатствомъ. Такъ какъ они служатъ средствомъ для достиженія жизненныхъ цѣлей людей, то понятно, что, чѣмъ больше они будутъ въ зависимости отъ лицъ, ихъ создавшихъ, тѣмъ скорѣе будутъ достигаться жизненныя цѣли. Другими словами: чѣмъ собственность бу-

детъ лучше обезпечена въ данномъ обществѣ, тѣмъ оно будетъ счастливѣе.

Еслибы каждый гражданинъ долженъ былъ самъ защищать свою собственность, то каждому потребовалось бы спеціальное обзаведеніе для этого дѣла (безопасное помѣщеніе, оборонительное и наступательное оружіе), и каждому было-бы необходимо удѣлять ему часть своего времени. То и другое повело бы къ напрасному расточенію экономическихъ силъ. Порученіемъ охраненія безопасности спеціальному персоналу, достигается громадное сбереженіе, потому, что въ этомъ случаѣ происходитъ раздѣленіе труда. Люди, доставляющіе обществу безопасность, составляютъ правительство. Стало-быть, огражденіе собственности есть неотъемлемая функція правительствъ. Съ другой точки зрѣнія, собственность есть не что иное, какъ возможность для каждаго пользоваться полностью плодами своихъ трудовъ. Обезпеченіе этой возможности называется *правосудіемъ*. При раздѣленіи труда, въ обществѣ начинается обмѣнъ, и тогда право купли и продажи входитъ составною частью въ самую сущность собственности. Поэтому всякое ограниченіе этого права нарушаетъ право собственности.

Я спрашиваю теперь у читателя: можетъ-ли правительство исполнять основную свою функцію при господствѣ протекціонизма? Очевидно, нѣтъ.

Въ 1882 году конгрессъ Сѣверо-американскихъ Штатовъ избралъ коммисію для пересмотра таможеннаго тарифа. Но задача коммисіи была не легка. „Чѣмъ больше открывалось у насъ отраслей

производства, говоритъ г. Болзъ[1], тѣмъ сложнѣе становились наши тарифы и тѣмъ болѣе увеличивалась трудность правильно поступать со всѣми. Такъ, напримѣръ, для бо́льшаго успѣха суконныхъ фабрикъ, необходимо имѣть безпошлинно шерсть и красильные матеріалы. Но эти отрасли тоже требовали покровительства. Для производителей желѣза необходимъ былъ безпошлинный чугунъ, но производители чугуна желали пошлины на него. Не легко было согласовать эти интересы, и, при обсужденіи въ коммисіи, члены ея дѣйствительно не пришли ни къ какому соглашенію. Чугуноплавильщики просили пошлины въ 85 центовъ на тонну, рельсовые фабриканты соглашались только на 50... Фабриканты издѣлій изъ иностранныхъ готовыхъ кожъ просили снять пошлины на этотъ предметъ, а кожевенные заводчики, которыхъ было очень много, упорно на это не соглашались. Тѣхъ и другихъ не удалось примирить. Коммисія выслушивала всѣхъ заинтересованныхъ и старалась рѣшать вопросы справедливо и благоразумно, но собранные матеріалы и докладъ коммисіи ясно доказываютъ трудность задачи и неизбѣжную неудовлетворительность принятыхъ рѣшеній". Соглашеніе между промышленниками не только трудно, оно абсолютно невозможно; ибо интересы между продавцомъ и покупателемъ діаметрально противоположны.

Что́ можетъ сдѣлать правительство, которое желаетъ свято исполнять правосудіе? Только одно: не

[1] См. A. S. Bolles. *The financial History of the United States from* 1861 to 1885. Нью-Іоркъ 1886 г., стр. 479.

вмѣшиваться въ экономическія операціи, то-есть, установить полнѣйшую свободу торговли. Если же существуетъ протекціонизмъ, правительство неминуемо должно нарушать интересы одного, чтобы угождать интересамъ другаго; оно должно роковымъ образомъ идти по пути привилегій и несправедливости; оно должно неминуемо возбуждать страсти и неудовольствіе.

У насъ вопросы о тарифахъ обсуждаются въ высшихъ правительственныхъ сферахъ и почти не доходятъ до сознанія общества. Но въ государствахъ, гдѣ есть парламенты, они обсуждаются публично и доводятъ иногда общественное мнѣніе до крайняго ожесточенія. Вопросы о тарифахъ нерѣдко возбуждали сильныя потрясенія. Извѣстно, что одною изъ причинъ американской междоусобной войны 1861—1865 годовъ были протекціонныя стремленія сѣверныхъ штатовъ, враждебныя интересамъ южныхъ. Во Франціи во время Людовика-Филиппа обостреніе дошло до того, что заговорили даже о расчлененіи государства, ибо южныя провинціи были за свободную торговлю, а сѣверныя за протекціонизмъ.

Во всѣхъ государствахъ статьи тарифа исходятъ иногда изъ самыхъ постыдныхъ компромисовъ, подкуповъ, словомъ, изъ области самыхъ неблагородныхъ стремленій человѣческой души. Въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ, напримѣръ, продѣлки протекціонистовъ доходятъ до чудовищныхъ размѣровъ. Американцы, какъ практическій народъ, даже не даютъ себѣ труда надѣвать маску народныхъ интересовъ на своекорыстныя предпріятія. Когда про-

исходятъ выборы новаго президента, образуется комитетъ капиталистовъ. Онъ доставляетъ средства, чтобы вести политическую агитацію. Этотъ комитетъ именуется элегантнымъ названіемъ *advisory Comitee* (совѣтующій комитетъ). Голоса покупаются совершенно открыто отъ 10 до 250 рублей, смотря по важности избирателей. Расходы на публикацію, рекламы, сходки и т. д. громадны. Говорятъ, что всякій выборъ новаго президента стоитъ до 200 милліоновъ рублей. Но капиталисты комитета, расходуя такія суммы, въ сущности дѣлаютъ выгодное дѣло. Если имъ удается провести президента изъ республиканской, то-есть, изъ протекціонной партіи, всѣ ими ссуженныя суммы возвращаются съ громаднымъ барышомъ, благодаря сохраненію высокихъ таможенныхъ пошлинъ, которыя демократическая партія желаетъ отмѣнить. Во Франціи, въ первой половинѣ нашего столѣтія, очень часто крупные землевладѣльцы подавали голосъ въ пользу высокихъ пошлинъ и даже запрещенія на иностранныя мануфактурныя издѣлія. Они прекрасно понимали вредъ, приносимый этими мѣрами, но они ихъ принимали для того, чтобы крупные промышленники, въ свою очередь, поддерживали пошлины на продукты земледѣлія. Эти господа просто измѣняли своему долгу и своему отечеству.

Еслибы однако таможенное законодательство, какъ бы оно ни было нелѣпо и несправедливо, было постоянно, то зло было бы не такъ велико. Къ несчастію, при охранительной системѣ колебанія неизбѣжны, потому что мнѣнія правительствъ, ихъ

временныя пристрастія къ различнымъ отраслямъ производства, вліянія разныхъ лицъ и комбинаціи частныхъ интересовъ мѣняются ежедневно.

Это непостоянство экономической политики государствъ составляетъ одно изъ самыхъ страшныхъ золъ протекціонизма. Трудно начать какое-либо предпріятіе, когда возможное пониженіе пошлинъ обрабатываемаго продукта, или повышеніе пошлинъ покупаемыхъ матеріаловъ всегда виситъ надъ головой, какъ Дамокловъ мечъ. Однимъ почеркомъ пера, невынужденнымъ раціональными основаніями, можно измѣнить статьи тарифа. Живя постоянно подъ опасеніями, кто рѣшится употребить на фабричное дѣло большіе капиталы? Такимъ образомъ пошлина играетъ роль не охраны, а страшнаго бича промышленности.

Еслибы цѣны на матеріалы и сырые продукты никогда не измѣнялись, то для фабриканта былъ бы рай на землѣ; всѣ его усилія были бы тогда направлены только на усовершенствованіе механическихъ приспособленій для удешевленія производства; онъ знаніемъ и талантомъ завоевывалъ бы себѣ барыши; рискъ былъ бы доведенъ до минимума. Къ сожалѣнію, этого нѣтъ. Цѣны на всѣ предметы колеблются постоянно; фабрикантъ всегда рискуетъ и, понятно, этотъ рискъ удаляетъ многихъ отъ промышленныхъ предпріятій.

Но ко всѣмъ затрудненіямъ, происходящимъ отъ разныхъ естественныхъ условій, правительства прибавляютъ еще совершенно произвольныя и гораздо болѣе серьезныя, чѣмъ естественныя. Такимъ обра-

зомъ, вмѣсто порядка, они сами водворяютъ безпорядокъ и хаосъ.

Мы знаемъ изъ біологіи, что, чѣмъ дальше доведено раздѣленіе труда между отдѣльными органами, тѣмъ совершеннѣе индивидуумъ [1]. Но разъ устанавливается раздѣленіе труда, неминуемо возникаетъ обмѣнъ веществъ и услугъ. Дѣйствительно, каждая клѣтка нашего тѣла получаетъ извѣстную пищу и, въ свою очередь, работаетъ для пользы всего организма. Пока получаемая пища соотвѣтствуетъ оказываемой работѣ [2], организмъ находится въ состояніи здоровья. Но если равновѣсіе (или справедливость, если хотите) нарушается, если однѣ клѣтки забираютъ слишкомъ много пищи, оставляя слишкомъ мало для другихъ, является патологическое состояніе, влекущее иногда за собою смерть.

Точно также въ обществѣ каждый гражданинъ долженъ получать вознагражденіе равно пропорціональное оказываемой имъ услугѣ. Разъ дается привилегія, привилегированный становится паразитомъ, живущимъ насчетъ своихъ соотечественниковъ. Равноправность нарушается и является патологическое состояніе въ обществѣ.

Законы гражданскіе должны быть тождественны съ законами естественными. Но, такъ какъ люди очень долго не могли открыть законовъ естествен-

[1] Напримѣръ, еслибы нашъ мозгъ былъ обязанъ постоянно слѣдить за дѣйствіемъ легкихъ, онъ могъ бы удѣлить меньше времени для другихъ своихъ функцій; мы пріобрѣтали бы меньше знаній, имѣли бы меньше удовольствій,—словомъ, были бы менѣе совершенными организмами.

[2] Извѣстно, что мозгъ регулируетъ это соотвѣтствіе.

ныхъ, то они издавали законы гражданскіе, несогласные съ естественными, то-есть, несправедливые. Охранительная система произошла сперва отъ незнанія, а затѣмъ отъ непримѣненія законовъ политической экономіи; понятно, слѣдовательно, что она привела не къ желаннымъ результатамъ, а къ діаметрально противоположнымъ. Правительства стремятся ускорить развитіе богатства, а, благодаря протекціонизму, они замедляютъ развитіе его.

„Въ дореволюціонной Франціи, говоритъ г. Аме [1], винодѣлы охотнѣе другихъ производителей прибѣгали къ правительственной помощи. Земли подъ виноградниками нельзя немедленно обратить на другое производство. Съ другой стороны, сборъ винограда, смотря по годамъ, колеблется въ громадныхъ размѣрахъ. Винодѣлъ обязанъ производить во что бы то ни стало, не руководствуясь положеніемъ рынка. Это обстоятельство порождало большія затрудненія, объ устраненіи которыхъ винодѣлы постоянно ходатайствовали передъ правительствомъ. Трудно себѣ представить теперь, къ какимъ дикимъ мѣрамъ прибѣгали иногда, благодаря экономическому невѣжеству тѣхъ временъ. То повелѣвалось уничтожить часть виноградниковъ, то запрещалось увеличивать ихъ число, то не дозволялось возить вино изъ одной провинціи въ другую, смотря по урожаю винограда, и проч. и проч“.[2] Дѣйствительно, такія мѣры кажутся намъ теперь просто чудовищ-

[1] *Etude sur les tarifs*. Томъ II, стр. 460.

[2] Давно уже не практикуется ничего подобнаго, и не видно, чтобы французское виноділіе отъ этого пострадало.

ными. Такое же впечатлѣніе будетъ производить наша охранительная система на нашихъ потомковъ. Они будутъ читать съ изумленіемъ, что современныя правительства издавали безчисленное множество законовъ, создавали цѣлыя министерства и сложную администрацію, употребляли всевозможныя усилія, старанія, хлопоты, сочиняли всякіе тарифы, входили въ запутанные разсчеты по выдачѣ разныхъ вывозныхъ премій и внутреннихъ пособій, словомъ, изъ кожи лѣзли (да проститъ мнѣ читатель это выраженіе) только для того, чтобы остановить развитіе промышленности—и все съ благимъ намѣреніемъ содѣйствовать ея преуспѣянію! Всѣ эти мѣры возбудятъ смѣхъ будущихъ поколѣній, которыя будутъ прекрасно понимать, что для развитія богатства, главнымъ образомъ, необходима одна вещь—невмѣшательство власти въ экономическую область купли и продажи.

Перейдемъ теперь на почву международныхъ отношеній.

Когда между производителемъ и потребителемъ много посредниковъ, цѣны продуктовъ увеличиваются въ ущербъ какъ одного, такъ и другаго. Производитель получаетъ меньше прибыли, потребитель платитъ больше денегъ. Какъ посредникъ, пошлина повышаетъ искусственно цѣны предметовъ Будь всеобщая свободная торговля, каждый народъ получалъ бы наибольшее вознагражденіе за свой трудъ. Лишать же народъ возможности получать наибольшее вознагражденіе за свой трудъ—значитъ ограничивать его права собственности.

Право купли и продажи составляетъ неотъемлемую часть понятія о собственности. Если, напримѣръ, русскій не имѣетъ права продавать или покупать въ Хивѣ или Бухарѣ, это значитъ, что его права собственности ограничиваются въ предѣлахъ этихъ государствъ; если же эти государства, разрѣшая русскимъ торговать въ своихъ владѣніяхъ, наложили пошлину въ 300 процентовъ стоимости нашихъ товаровъ, то разрѣшеніе это осталось бы мертвою буквой. Всякая пошлина есть, стало быть, не что иное, какъ нарушеніе права собственности иностранцевъ. Можетъ-ли такое нарушеніе быть выгоднымъ для кого бы то ни было? Очевидно, нѣтъ, потому что всякое ограниченіе права собственности влечетъ за собою уменьшеніе производительности. Выгодно-ли для насъ, чтобы наши сосѣди производили мало, или, другими словами, были бѣдны? Конечно, нѣтъ. Если у нихъ есть продукты, которые они намъ готовы отдать за безцѣнокъ, то намъ чрезвычайно выгодно ихъ пріобрѣсти. Затѣмъ, чѣмъ больше продуктовъ они будутъ предлагать въ обмѣнъ на наши, тѣмъ больше они будутъ поддерживать нашу производительность. Народъ бѣдный не можетъ намъ предложить ничего; слѣдовательно съ нимъ нельзя дѣлать никакихъ выгодныхъ операцій, нельзя получать тѣхъ барышей, которые даетъ торговля. Съ народомъ богатымъ наоборотъ. Какъ въ частной жизни выгоднѣе имѣть дѣло съ богатыми покупателями, чѣмъ съ бѣдными, такъ и въ международныхъ отношеніяхъ

выгоднѣе имѣть богатыхъ сосѣдей, чѣмъ бѣдныхъ. Уменьшая, слѣдовательно, производительность иностранцевъ посредствомъ сокращенія рынковъ сбыта, стѣсняя ввозъ высокими пошлинами, мы паносимъ вредъ не только имъ, но и себѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Заключеніе.

Свободная торговля есть естественная форма экономическихъ отношеній, а протекціонизмъ—искусственная и ложная. Несмотря на вольное и невольное ослѣпленіе людей, правительства не могли не руководиться истиною въ своихъ дѣйствіяхъ. Многія изъ нихъ, хотя оффиціально поддерживаютъ протекціонизмъ, однако очень часто дѣйствіями своими выражаютъ признаніе протекціонизма зломъ, а свободную торговлю—благомъ. Приведу нѣсколько доказательствъ.

Многія правительства не только не преслѣдуютъ контрабанды, производимой въ ущербъ сосѣднимъ государствамъ, но даже ей покровительствуютъ. Еслибы правительства считали, что свободная торговля—зло, они дѣйствовали бы не такъ. Всѣ признаютъ, что воровство и грабежъ преступны и вредны. Еслибы въ Пруссіи организовались шайки разбойниковъ, чтобы грабить въ предѣлахъ русскихъ владѣній, то прусское правительство (даже помимо требованій съ нашей стороны) положило бы конецъ

этимъ грабежамъ, подвергнувъ грабителей законной отвѣтственности. То же прусское правительство законными и полицейскими мѣрами не препятствуетъ организаціи шаекъ контрабандистовъ въ своихъ предѣлахъ; значитъ, оно не считаетъ контрабанду преступнымъ дѣяніемъ; значитъ, оно признаетъ, что свободная торговля законна.

Всякій разъ, когда одно государство имѣетъ возможность силою установить въ другомъ коммерческую политику, оно вводитъ свободную торговлю. Такъ, мы заставили Хиву и Бухару брать съ товаровъ, привозимыхъ изъ Россіи, пошлину, не превышающую 5 процентовъ стоимости товаровъ. Значитъ-ли это, что мы желаемъ всѣми путями извлекать выгоды, жертвуя интересами хивинцевъ и бухарцевъ? Нѣтъ. Ради выгоды, русское правительство никогда не разрѣшало своимъ подданнымъ противозаконныя дѣйствія. Какъ только, напримѣръ, ахалъ-текинцы подпали подъ нашу власть, имъ запретили производить грабежи даже внѣ предѣловъ нашего государства. Наше правительство также не разрѣшитъ русскимъ въ Средней Азіи имѣть рабовъ, даже иностранцевъ, а, навязывая свободную торговлю, оно тѣмъ самымъ признаетъ ея законность.

Каждое государство старается пріобрѣсти для своихъ подданныхъ право провозить свои продукты въ другія государства безпошлинно. Для этого заключаются коммерческіе трактаты, при обсужденіи которыхъ каждая сторона старается выговорить или полное уничтоженіе пошлинъ, или, по крайней мѣрѣ,

ихъ значительное пониженіе. То-есть, каждое правительство желаетъ достигнуть свободной торговли для своихъ подданныхъ. Можно опять сказать и тутъ, что оно заботится о благѣ своихъ гражданъ, даже если это благо сопряжено съ ущербомъ для другихъ. Однако это не такъ. Очень выгодно, напримѣръ, поддѣлать иностранныя ассигнаціи и получить чистое золото за бумажку, выдѣлка которой стоитъ очень немного. Тѣмъ не менѣе никакое цивилизованное правительство не допуститъ такого рода обогащенія своихъ подданныхъ, и фальшивые монетчики преслѣдуются вездѣ. Словомъ, цивилизованныя правительства не допускаютъ своихъ подданныхъ совершать преступныя дѣянія въ ущербъ иностранцамъ. Если тѣмъ не менѣе они желаютъ имъ предоставить право свободной торговли въ чужихъ странахъ, значитъ они не усматриваютъ въ этомъ никакого преступнаго дѣянія; значитъ, они признаютъ свободную торговлю законнымъ дѣяніемъ. Все же то, что законно, согласно съ естественнымъ порядкомъ вещей. Стало-быть, правительства признаютъ, что свободная торговля—истинная система, и слѣдовательно, что протекціонизмъ—ложная.

Наконецъ, послѣдній аргументъ.

Экономическая политика государствъ подверглась въ теченіе нашего столѣтія коренному измѣненію. Въ средніе вѣка и вплоть до первой половины XIX столѣтія покровительство оказывалось въ совершенно противоположной формѣ, чѣмъ теперь, а

именно: или запрещался вывозъ, или вывозимые товары облагались высокими пошлинами.

До 1814 года запрещено было вывозить пшеницу изъ Англіи. Извѣстно, какое громадное значеніе для Англіи имѣетъ каменный уголь. Онъ служитъ постояннымъ вывознымъ грузомъ, благодаря чему англичане могутъ брать болѣе дешевые фрахты, чѣмъ народы, суда которыхъ должны совершать одинъ рейсъ съ баластомъ. Кто повѣритъ, что было время, когда экспортъ угля затруднялся англійскимъ законодательствомъ! Однако, это такъ. Пошлина на *вывозимый* уголь была уничтожена только въ 1834 году! Десять лѣтъ спустя, было разрѣшено вывозить шерсть, и наконецъ только въ 1845 году всѣ вывозныя пошлины были отмѣнены [1]).

Во Франціи было то же самое. По тарифу Кольбера 1667 г., всѣ земледѣльческіе продукты облагались значительною вывозною пошлиной. Для пшеницы эта пошлина была такъ высока, что она почти являлась полнѣйшимъ запрещеніемъ. Въ началѣ XVIII столѣтія вывозная пошлина на желѣзо равнялась 25 процентамъ стоимости этого продукта.

Въ Германіи до 1857 г. существовала вывозная пошлина па шерсть.

Вывозныя пошлины примѣнялись въ значительныхъ размѣрахъ и у насъ. До Петра I онѣ имѣли чисто фискальный характеръ, ибо не превышали 4 и 5 процентовъ стоимости. Но въ царствованіе Елизаветы Петровны по тарифу 1757 г. была па-

[1] См. Richelot. *Histoire de la réforme commerciale en Angleterre.*

ложена вывозная пошлина въ 33 процента стоимости на *мануфактурныя произведенія*. По тому же тарифу вывозъ лѣса, шерсти и пшеницы былъ совершенно воспрещенъ [1].

При Екатеринѣ II политика нѣсколько измѣняется. Вывозъ мануфактурныхъ произведеній уже считается полезнымъ, ибо по тарифу 1766 года всѣ пошлины экспорта этихъ предметовъ отмѣняются. Но вывозъ сырыхъ матеріаловъ все еще не допускается: для шерсти устанавливается абсолютное запрещеніе, для льна, пеньки и сала—высокая вывозная пошлина [2]. Какъ видно, произошла коренная перемѣна въ экономической политикѣ государствъ. Теперь они желаютъ предоставить своимъ промышленникамъ монополію продажи своихъ продуктовъ, раньше они желали имъ предоставить монополію покупки сырыхъ матеріаловъ. Ясно, что если, напримѣръ, запретятъ вывозить шерсть изъ Россіи, она подешевѣетъ, и владѣльцы суконныхъ фабрикъ будутъ имѣть больше барышей. Въ наше время этой цѣли желаютъ достигнуть посредствомъ искусственнаго повышенія цѣны сукна, въ прежнее время—посредствомъ искусственнаго пониженія цѣны шерсти. Я не вижу, чѣмъ старые порядки были

[1] См. Бліохъ. „Финансы Россіи XIX столѣтія", томъ III, стр. 105. Какъ видно, понятія были тогда другія. Что составляетъ самое горячее желаніе всѣхъ правительствъ, а именно вывозъ продуктовъ промышленности, считалось тогда нежелательнымъ и вреднымъ.

[2] Извѣстно, что первые экономисты, такъ-называемые физіократы, вели главнымъ образомъ аттаку противъ вывозныхъ пошлинъ.

хуже настоящихъ. Система вывозныхъ пошлинъ была столь же разумна (или столь же нелѣпа), какъ и система привозныхъ.

Вывозныя пошлины, за незначительными измѣненіями, окончательно отмѣнены во всѣхъ государствахъ. Спрашивается, чувствуемъ-ли мы отъ этого какое-либо стѣсненіе? Испытываетъ-ли человѣчество отъ этого страданіе? Однако эти пошлины казались когда-то необходимыми. Можно съ увѣренностью сказать, что отмѣна ввозныхъ пошлинъ причинитъ такъ же мало вреда (или, наоборотъ, такъ же много пользы), какъ и отмѣна вывозныхъ.

Правительства нашего времени считаютъ своимъ святѣйшимъ долгомъ предоставлять каждому гражданину право продавать свои продукты по самой выгодной для него цѣнѣ. Они поняли, что, предоставляя однимъ подданнымъ монополію покупки, они совершаютъ несправедливость по отношенію къ другимъ подданнымъ-продавцамъ, устанавливая нѣчто вродѣ конфискаціи ихъ собственности въ пользу покупателей.

Надо надѣяться, что правительства сдѣлаютъ еще шагъ впередъ и поймутъ наконецъ, что право покупки на иностранныхъ рынкахъ такъ же священно, какъ и право продажи.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА I.

СТРАН.

Глава I. Охранительная система съ точки зрѣнія справедливости 1

„ II. Послѣдствія протекціонизма для гражданъ. . 23

„ III. Послѣдствія протекціонизма для государства. 34

КНИГА II.

Введеніе 51

Глава I. Торговый балансъ 56

„ II. Можетъ-ли общество быть богато безъ промышленности? 68

„ III. Можетъ-ли промышленность развиваться безъ протекціонизма? 82

„ IV. Правда-ли, что протекціонизмъ содѣйствуетъ развитію промышленности? 105

„ V. Можетъ-ли немедленное уничтоженіе таможенныхъ пошлинъ убить промышленность? . . 122

„ VI. Необходимъ-ли протекціонизмъ для безопасности государства? 143

„ VII. Уменьшаетъ-ли экономическая зависимость безопасность государства? 151

„ VIII. Фазисъ несовершеннолѣтія промышленности . 166

„ IX. Охранительная система и патріотизмъ . . . 184

„ X. Народная исключительность 201

КНИГА III.

СТРАН.

Глава I. Личные интересы 227
„ II. Кто поддерживаетъ протекціонизмъ? 236
„ III. Возникновеніе и прекращеніе протекціонизма. 246
„ IV. Основныя заблужденія, изъ которыхъ происходитъ протекціонизмъ 253
„ V. Задача правительствъ 276
„ VI. Заключеніе 285